

The background of the book cover is a photograph of a natural landscape. It features a wide river or lake in the middle ground, with a dense forest of green trees on the far bank. The foreground shows a grassy, slightly elevated bank with some bare, brown branches. The sky is filled with soft, white clouds.

Николай Старинщиков

Слуга

Никто, кроме нас

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Александрович Старинщиков

Слуга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40315812

SelfPub; 2019

Аннотация

Ностальгия совсем замучила. Бросить все дела – и в деревню! В родные края! Зато потом, с новыми силами, можно опять за работу. Однако не тут то было. На глазах гибнет Физик, а самого водворяют в местную каталажку. Что делать? Назваться, кто ты есть на самом деле, или промолчать? Надо молчать, потому что здесь ты никто. И бежать! Выйти на связь с родным Учреждением. И ударить... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Не пришей кобыле хвост	4
Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	68
Глава 7	76
Глава 8	88
Глава 9	96
Глава 10	105
Глава 11	119
Глава 12	136
Глава 13	151
Глава 14	186
Глава 15	194
Глава 16	210
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Часть первая. Не пришей кобыле хвост

Глава 1

Кожемякин Анатолий Михайлович служил в «Агентстве фронтальных исследований». С виду это была обычная контора, затёсанная подо что-то бухгалтерское: на колонне, у входа, висела табличка с изображением гусиного пера, торчащего боком в чернильнице.

С утра он был в плохом настроении. Проходя мимо колонны с изображением пера, он повстречал майора Бичёвкина – в последнее время тот хорошел на глазах, улыбаясь по поводу и без повода. Эта улыбчивость могла быть причиной какой-нибудь патологии.

Отсидев положенное на утреннем совещании, Кожемякин вернулся к себе в кабинет и продолжил тяжкие думы – они посещали его в последнее время с каким-то жгучим упорством. В голову снова лезла деревня. Бред, конечно. Ведь можно напрячься и начисто всё позабыть – и деревню, которой нет уж давно, и кедрач, и остров. Забыть Физика, Чачина и Бутылочкина, забыть лошину и Городище.

Кожемякин обернулся к зеркалу на стене. Оттуда смотрела утомлённая рожа – с бородой и шевелюрой на голове. Надо было что-то делать. Выйти, допустим, в коридор и сплестись вприсядку – лишь бы развеяться, лишь бы не видеть тусклые стены. Либо надеть маску, пёстрые контактные линзы – и вперёд.

Он так и сделал. И вскоре из зеркала смотрела бородатая обезьяна с оранжевыми глазами.

Кожемякин поднялся из-за стола, открыл дверцу шкафа, взял оттуда трость и направился к выходу. Закрыв за собой дверь, он шагнул к соседнему кабинету, зажмурился и, стуча тростью по полу, вошел внутрь, после чего выкатил до отказа глаза.

Визг перепуганной тётки ударил по ушам.

– Махалыч! Опять ты за старое!

– Может, сходим куда-нибудь, посидим?

– У меня муж! Семья!

– Неужели всё так безнадёжно?

– Определённо.

Кожемякин стянул с себя маску, сунул в карман и, не желая больше оставаться в чужом кабинете, направился к двери. Вот и развеялся...

Он вернулся к себе в кабинет, сел в кресло, откинул голову и закрыл глаза: смотреть на казенные стены не было сил. Уехать! Бросить всё как есть, отчалив в родные края! Денька на два, пожить там в платке. Потом вернуться в по-

сёлок к матушке Анне Егоровне. Иначе подоспеет командировка – и конец всем мечтам. А ведь когда-то даже в мыслях не допускалось покинуть деревню. Заберутся летом, бывало, на колокольню, перелезут на крышу и мечтают о будущей жизни, растянувшись поверх железа. Стрекогут вокруг стрижи, с Бариновой горы доносится голос кукушки, Бутылочкин бормочет о своем. Уеду, говорит, куда глаза глядят: здесь же шаром покати – ни колхоза, ни пилорамы.

Михалыч не спорил тогда: придется уехать. Зато теперь сил нет никаких – увидеть бы матушку, друзей. Но прежде всего – деревню. Навестить Городище и, может быть, всё же подправить надпись на плите у Потомственного гражданина.

Кожемякин вздрогнул от шороха. Перед ним стоял шеф. Сирень на лице сгустилась, зацвела кустистыми лопухами.

– Опять медитируешь?!

Глаза у генерал-лейтенанта вспыхнули и погасли.

Кожемякин поднялся из-за стола, замер столбом. Он даже не думал оправдываться.

– Значит так, полковник! Берешь отпуск – и отправляйся! – Генерал шмыгал носом. – Чтобы сегодня же тебя не было в столице! Развел, понимаешь, антимионии... Но учти, что потом тебя ждёт командировка, так что извини.

Начальник развернулся и шагнул к выходу, у двери остановился.

– Не забудь мобильник – ты можешь понадобится!

В тот же день, ближе к вечеру, Михалыч сидел в купе скорого поезда на Казанском вокзале. Впереди его ждали чуть не два месяца свободного времени. Можно было улететь самолётом, но летать самолётами он не любил: из иллюминатора, кроме облаков, ничего не видно – ни Уральских гор, ни Омских степей, ни Томских елей и пихт.

Добравшись в поселок и едва поговорив с матерью, Михалыч автобусом отчалил в деревню – там поджидал его Физик, однокашник, с ним иногда удавалось поговорить по телефону. Под горой, у реки, стояла двухместная палатка. Но встреча с товарищем как-то не заладилась сразу, Физик о чём-то молчал, на расспросы не реагировал. На предложение Кожемякина – подправить надписи у почётного гражданина – он ничего не сказал, так что пришлось Михалычу тащиться в гору одному. Он поднялся на косогор и возле церкви остановился. Две чёрных плиты лежали на розовом основании: почётный гражданин упокоился здесь с супругой – на косогоре, именуемом Городищем, хотя, кроме церкви и двух этих плит, ничего в этом месте не было.

Надписи на плитах едва читались. Устранить этот недостаток не трудно – надо лишь баночку бронзовой краски, тонкую кисть и тряпку для устранения клякс.

Кожемякин опустился на колени, взялся за кисть. Потомственный почётный гражданин никем ему не приходился; плиты имели жалкий вид: углы побиты, на полированной поверхности – корявая надпись: «Поп», нацарапанная, как

видно, гвоздём. В стороне, на косогоре, стоял теперь размашистый крест из тонкого кругляка, укреплённый камнями по низу. Камни, между прочим, были уложены на цементный раствор. Михалыч, поднимаясь из-под горы, на одном из камней заметил следы полировки, из чего следовало, что обломки, возможно, были перед этим чьей-то могильной плитой. Плиту могли притащить с кладбища и здесь сломать – лишь бы укрепить основание креста. Еще одна плита – тонкая – стояла теперь у церкви, подпирая входную дверь.

На восстановление надписей ушло битых два часа – на очистку, на покраску, удаление клякс и наплывов. Оставалось пройтись по деревне и снять видео – на случай тоски.

Кожемякин, собрав малярные принадлежности, подошёл к косогору, присел на лавочку. Внизу, у реки, дымился костер. Физик лежал поверх одеяла, а за кустарником стоял теперь чей-то внедорожник. Двое типов, прячась за машиной, вроде как наблюдали за Физиком. За рекой к тому же стоял катер. Двое мужчин надевали акваланги, третий говорил по телефону, размахивая рукой.

Физик был в интересном положении: за ним наблюдали от внедорожника, в то время как за рекой кто-то решил вдруг поплавать с помощью акваланга. Михалыч вскинулся с лавки и полетел косогором к реке, забыв о видеосъёмке, и вскоре, водя боками, уже стоял возле палатки. Катер и внедорожник с этого места было не видно. Физик лежал, обмахиваясь от комаров березовой веткой, и был явно расстроен. Воз-

можно, причиной тому был ранний июньский гнус – комары как-то особенно не любили его с самого детства.

А того потянуло на философию:

– Жизнь такова, что живым из неё никак не вырваться...

– Что ты молчишь-то всё!

Физик вынул из кармашка на плавках плоскую баночку и, указав на неё пальцем, продолжил:

– Поэтому приходится носить с собой это... – Он усмехнулся. – В моей смерти прошу меня не винить...

– Рассказывай!

Но Физик не торопился рассказывать. Его могла разлюбить жена, он сам мог запутаться и теперь не знал выхода из положения. Это был всё тот же упертый тип, однако теперь это было заметнее. И как бы Михалыч ни старался, приводя веские доводы, Физик лишь супился, смотрел по сторонам и молчал.

Затем он вернул баночку в кармашек плавков, поднялся и пошёл к реке. Вошел по грудь, поплыл и тут же, взмахнув руками, ушёл под воду. В толще воды мелькнули светлые ласты.

Кожемякин метнулся на выручку. Пара взмахов руками – и вот оно место. Михалыч нырнул, глядя во все глаза, – не нарваться бы на нож.

Еще глубже – и вот он, Физик. С открытыми глазами. Михалыч подхватил его со спины, оттолкнулся ногами со дна и стал грести под себя. Добрался до берега, вынес Физика

волоком из воды – тело оказалось тяжелым – положил на песок, стал делать искусственное дыхание. И тут чьи-то жёсткие руки дернули его от Физика.

Физик лежал на песке. Кожемякин стоял рядом. Двое полицейских надевали на него наручники.

– Вы что творите! Помогите ему!

Слушать его не хотели. Нагнули вперед и силой подвели к бело-синему «Луноходу», посадили в задний отдел, закрыли дверцу.

Физик недвижно лежал на песке, полицейские бродили вдоль берега. К ним подошли двое от внедорожника. Кожемякин кричал, глядя в дверное оконце. Но его не хотели слушать.

Полицейские наконец вернулись. Машина дернулась, пошла в гору, ворча надорванной требухой. Двое мужиков смотрели от внедорожника, и это выглядело как-то особенно.

...Михалыч сидел теперь в камере, под замком. Что же делать? Как поступить? А главное – назваться или промолчать? Снаружи донёсся телефонный звонок. Сержант – было слышно – бросился коридором к телефону:

– Гуца слушает... Поднять? Будет сделано...

Трубка шлёпнулась в гнездо, раздались шаги. Затем открылась дверь: в проёме стоял сержант.

– Идём... Шаг влево, шаг вправо – попытка к побегу.

Сержант либо шутил, либо не знал других слов. Кожемякин вышел из камеры, лестницей поднялся на второй этаж, возле двери с надписью: «Начальник отделения» остановился. Сержант пыхтел сбоку. Дёрнув дверь на себя, он втолкнул Кожемякина внутрь.

За столом сидел тот самый мужик, лет за тридцать, в штатском. Он что-то писал. Именно он с этим Гущей-сержантом напялил на Михалыча кольца. Сержант забрал наручники и вышел. Мужик достал из стола свои и тут же пришил Кожемякина за правую руку к трубе отопления, после чего продолжил писанину.

Соображалось Михалычу как-то не очень. Бросало то в жар, то в холод, верхняя губа ощущала выдыхаемый из носа воздух – это был явный признак наступающей лихорадки.

– Мне бы таблеточку аспирина...

– Не держим.

– А презумпция у вас имеется?

– Пошутить у меня...

Мужик явно не переваривал шуток на профессиональные темы, поэтому Михалыч решил тихонько его добивать.

– Я тоже не шучу. Назовитесь. Это моё законное право.

Мужик поднял голову и отчётливо произнес:

– Старший опер Иванов...

– С утра ходит без штанов...

Иванов ничего не сказал на это и продолжил писанину. Потом проговорил:

– Я исхожу из собственных убеждений. Ты оказался на месте преступления, у тебя нет документов.

– Это наказуемо?

– Сейчас мы тебя обкатаем... Глядишь – оно и всплывёт... Оно же не тонет.

– Как же я сразу не догадался...

Кожемякин после слов Иванова вдруг снова подумал, что полиция точно не могла так быстро прибыть на место происшествия – ведь от деревни до поселка добрых четырнадцать километров. Выходит, их вызвали в Дубровку заранее.

Иванов нажал кнопку на пульте, вошёл тот же сержант, из чего следовало, что в данный момент (ввиду воскресенья) сотрудников в отделении всего двое.

– Обкатай для начала...

– Товарищ капитан! Вы же хотели допрашивать!

– Позже. Спускай вниз.

Гуща посмотрел себе на ладони, растопырил пальцы. Затем отстегнул Кожемякина от трубы, заменил наручники и повел в обратном направлении – пыльными деревянными ступенями, в дежурную часть. На стене здесь висели часы-ходики с гирями. Совсем как когда-то в деревне. На часах было около трех. В боковой комнатке с распахнутой дверью что-то булькало, пахло щами.

Кожемякин притормозил:

– Потом обкатаешь, начальник... Обед ведь не ждет...

Они стояли у маленького столика – здесь лежал резино-

вый валик, испачканная стеклянная пластина, мятая дакто-карта и затёртое полотенце.

Сержант вновь оглядел свои ладони:

– Посиди пока...

Тяжелая дверь замкнулась за спиной у Михалыча, щелкнула замком. Сержант загремел коридором к плите: у него, вероятно, на плите уходили щи.

Михалыч шагнул камерой, огляделся. Само собой, можно сообщить о себе, что на соседней улице, но только под другой фамилией, живет у него матушка. Разумеется, она прибежит. И будет уливаться слезами.

Михалыч опустился на голые доски, положил в изголовье куртку. Сон навалился внезапно.

Но вот снова щёлкнул замок. В дверях – тот же сержант. Живот округлился; брючный ремень, оттянутый пистолетом, провис книзу.

– Выходим, торопит...

Михалыч поднялся, взял куртку и двинул к выходу.

– Куртку на что берешь?

– Клопы у вас завелись. Вытряхнуть надо...

Около столика сержант остановился, поправил ремень и сытно икнул. Вынув свежий бланк из стола, он положил его на стол. Затем освободил Кожемякину обе руки от наручников и попросил, чтобы тот не напрягал пальцы. Рука у него уже потянулась к запястью, но в этот момент кулак у Михалыча угодил сержанту меж ребер. Остальное довершил лок-

тевой захват вокруг жирной короткой шеи.

Взбрыкнув ногами, сержант испортил воздух, обмяк и повалился на пол.

Михалыч выхватил из кобуры пистолет, вынул магазин, отвел скобу, дернул затвор – пистолет развалился пополам. Затвор – в карман, остальное пусть лежит на полу. Сержант слабо дышал. Вот и ладненько. Теперь его за руку – и к трубе отопления.

Сержант дёрнулся – пора делать ноги.

Кожемякин выглянул в коридор. Никого. Лишь висит одинокое «дежурный» тулуп на стене.

Подхватив меховое изделие, Михалыч вышел из отделения.

У входа толокся косматый мужик, норовя обойти Кожемякина. У тротуара стоял мотоцикл «Урал» с коляской. Мужик уцепился в дверную ручку, но Кожемякин остановил его, ухватив за рукав:

– Не работаем! Воскресенье!

– Мне прописаться...

– В город езжай! В ФМС!

Мужик выкатил глаза, словно ему предлагали уравнение с тремя неизвестными.

– Куда едешь? – торопился Михалыч.

– В Дубровку...

– И мне туда же. Подвезешь?

– Какой разговор...

Мужик завел мотоцикл. Кожемякин сунул тулуп в коляску и сел сам. Казалось, мотоцикл еле тащится. Михалыч оглянулся: на крыльце было пусто.

Вот и славненько. Еще минута – и от беглеца останется лишь пыль над дорогой, но и та вскоре уляжется – остальное в рабочем порядке, остальное за кадром, лишь бы уйти.

На двенадцатом километре, перед самой деревней, Михалыч попросил остановиться. На покос заглянуть надо... Кинул через плечо тулуп и двинул осинником от дороги, углубляясь в лес. За спиной вновь затрещал мотоцикл и вскоре затих, удаляясь. Мужик мог подумать, что у мента не все дома: то он тулуп собирался сушить у себя на огороде, то решил отправиться на покос.

Старая заросшая тропка вела на покос дяди Вани Захарова. Пробравшись по ней, Кожемякин оказался у косогора. Внизу темнела река. А где же покос? Странное дело: река на месте, а покоса нет. Не может такого быть. Вроде та же местность, и вроде не та. Это значит, что нет никаких стогов, где можно залечь хоть на неделю. Залечь – и забыть обо всём. Забыть про сержанта по имени Гуша, про опера Иванова... Про Физика, однако, забыть не удастся. Так что вперед, к реке, – там бывают лодки. Иногда их оставляют без присмотра.

У «Бариновой горы» тропка пошла под гору. Когда-то здесь жил барин-художник. От его дома осталась лишь яма, поросшая деревьями.

Перелезая через рухнувшие деревья, проползая под ними

среди сучков, Кожемякин спустился к реке, возле ручья. За ручьем, на косогоре, виднелась за соснами церковь. Речная волна гладила глинистый берег. За ручьём – в том месте, где обычно поджидали рейсовый теплоход, – смотрел из крапивы ржавый сарай с облезлыми буквами: «Нагорная Дубровка». Теплоходы давно не ходили – сарай остался. В зарослях, среди крапивы и конопли, ютились ряды крашенных ящиков, похожих на сейфы. Местные садоводы, как видно, прятали в них рыбачьи принадлежности. Сбоку, у основания косогора, лежало болотце – над ним замерла тройка старых елей. Именно они, эти ели, тянули теперь к себе. Скорее... Лечь – и куда-нибудь провалиться.

Кожемякин вброд перешел ручей, пролез среди зарослей к косогору и стал подниматься. В этом месте была небольшая площадка. Еловые лапы касались земли, под ними лежал на земле слой хвои. Надо лишь расстелить тулуп. У ствола сухо...

Лихорадка ломала как никогда: вначале был сон – потом сплошная неразбериха: ни времени, ни места, в котором находишься. А ночью вдруг зашумел ветер в сучьях.

Открыл глаза – рядом женщина в сарафане:

– Иди ко мне – мы скатимся с тобой прямо в болото...

Сказала – и руки тянет.

В болото? Ещё чего не хватало! Михалыч зажмурился – женщина легла рядом, обняла и ласково зашептала. Она го-

ворила о том, что помнит его ещё мальчиком, что впервые увидела на косогоре. Вдвоем с бабушкой они стояли вверху и смотрели на ледоход. Бабушка держала Кожемякина за руку...

Когда женщина собралась уходить, появился серпик месяца.

Женщина вздохнула:

– Я поссорилась с отцом. Из-за тебя, между прочим... – Она обняла Михалыча. – Я помогу тебе... Обещаю...

Потом была долгая дорога лесом. Тьма стояла, словно в доме без окон. Месяц куда-то пропал. Казалось, позади кто-то идет. Кожемякин останавливался – и там останавливались. Стоило ему начать путь – и там продолжали идти следом. Потом дорога повернула. Луна вышла из-за туч, и тут – на взгорке – Кожемякин увидел Лешего. Морда продолговатая. Ноги лошажьи расставил и ухмыляется.

Остальные шаги у Михалыча вышли сами собой, по инерции, прежде чем он притормозил – задницей по мёрзлой дороге. Среди лета такого быть не могло, но ведь задницу не обманешь.

– Попался, умник!

Леший нахмурился, опустил голову, норовя подцепить Михалыча на рога. Однако позади у него вдруг щёлкнул сушок. Потом раздался грудной голос:

– Папаня!

Леший вздрогнул, по косматой хребтине пробежала вол-

на.

– Опять ты?!

– Не отступлюсь...

– Но что здесь делает этот мутант?!

– Не трогай...

– Хорошо, пусть живет. – Леший вскинул голову. – Нам надо поговорить. С глазу на глаз. Ступай...

В ответ слышались шаги. Там уходили. Прочь. Навсегда...

Леший подступил к Михалычу:

– Зачем ты сюда припёрся? Кому ты здесь нужен?

– У меня ностальгия...

– Эка невидаль!

– Заборы кругом... Банки ржавые... Лежат кучами под каждым кустом...

– А я что говорил! Банки!

Леший словно обсуждал этот вопрос на какой-нибудь ассамблее. Блеснули широкие зубы:

– Так их собрать – и в переплавку.

– Одному не справиться...

– А ты скажи, Леший велел!

Михалыч было разинул рот, собираясь продолжить разговор, но не смог: Леший развернулся и пошел от дороги, раздвигая заросли, дергая косматой спиной и белея потёртой задницей. На хвост там не было даже намёка.

«О пни да булыжники пообтёрся, – второпях думал Ко-

жемякин. – Где ведь только не носит тебя...»

Из глубины леса вдруг донёсся голос, от чего вновь повело спину и отдало в ноги.

– Живи и помни! Ты у меня в долгу!..

...Липкий пот покрыл всё тело – от макушки до пяток. Михалыч валялся поверх тулупа; во рту – обрубок шершавого дерева. Сбоку, на корявом кусту, сидел филин и крутил лупоглазой башкой. Кожемякин шевельнул рукой – филин снялся с куста и ушел над болотом к реке. Кругом ни Лешего, ни его кучерявой дочки. Выходит, приснилось. А что же во рту? Всего лишь язык? Он самый...

Михалыч повернулся на другой бок, укрылся свободной полкой (тело вновь зябло) и вскоре уснул. На этот раз ничего не снилось.

Утро явилось с ощущением незабываемой встречи: хвоя вокруг вся взъерошена – по ней словно прошло кабанье стадо. Впрочем, это могли быть следы собственных ног, потому что вчера пришлось собирать хвою – вместо подушки, под воротник тулупа. Скажи кому, что видел лешего, – засмеют. Впрочем (об этом рассказывал Чачин дед), когда-то давно, зимой, в сани к мужику подсел среди ночи попутчик и заставил того мужика хватать с дороги замерзшие конские «яблоки». Мужику казалось, что грызет настоящие яблоки. На половине пути попутчик попросил остановиться:

– Вот я и доехал. Разинь-ка рот.

Мужик открыл рот. Попутчик вынул из-за пазухи сапожные клещи и давай дергать – раз за разом, зуб за зубом.

– Дай ладошку-то...

Мужик протянул, попутчик высыпал ему горсть зубов в руку, свернул пальцы в кулак: смотри, не потеряй – детишкам на молочишко. Но впредь не шляйся тайгой по ночам.

Мужик приехал домой и, брызгая кровью, стал радовать домочадцев – золото привез, целую горсть. Утром он слег в горячке. С трудом, лишь к лету, встал потом на ноги...

Деревья ерошились сучьями, тянулись к небу. Внизу, между косогором и рекой, лежало болотце. Наверху была церковь, деревня, а точнее – то, что от нее осталось. Можно скрести из этих краев, обходя людные места, но мать поднимет крик: отправился в родную деревню, сославшись на странную болезнь под названием «ностальгия», – и пропал! Приметы – кучерявая борода во всю харю. Звание – полковник. И пойдет писать губерния: сбежал, похитил... Утопленника припишут. В голове от раздумий у Михалыча клинило. Одно было ясно: уходить, оставив всё так, как есть, нельзя. Но если нельзя уходить, то надо связаться Конторой. Это в первую очередь. Надо получить полномочия, как можно скорее, пока мать не подняла крик, потому что обещал через три дня вернуться. Уезжая, он так торопился, что забыл у матери свой мобильник.

Какой же сегодня день? Понедельник. В деревне из местных практически никого, одни дачники. А дачники – народ

пришлый, живут набегамы по уик-эндам. Поэтому следует осмотреться. Главное – связь. Тулуп пока останется здесь, на сучке – со стороны его не видно, да и кто здесь теперь ходит-то! Разве что совы по ночам за мышами гоняются...

Обшарив карманы мехового изделия, он обнаружил катушку суровых ниток и складной нож.

Скользя по откосу, он опустился к болотцу и двинул в обход косогора. Главное – не допустить сближения с кем бы то ни было. Легальность в данном деле совершенно теперь не к лицу.

На пути лежала старая ель. Дерево спилили, обрубили сучья и ошкурили, осталось вывезти из леса. Древесина высохла, задубела. Михалыч подобрал с земли пружинистый сук и стал ошкуривать, затем заострил конец.

Глава 2

В Матросовку наехало начальство. Проезжий арестант удавил раззяву-сержанта, убил ученого-физика! В отделении толклось чуть не всё руководство УВД, среди которых подполковник Тюменцев, похожий на взрослого поросенка. И даже бригада ФСБ во главе с полковником Серебровым. Эти последние стоят сторонкой, мыслят промеж себя, дают указания, в то время как всю черновую работу менты исполняют, измаялись. И всё напрасно. С чего это сбежавший задержанный прихватил лишь затвор от пистолета? Братъ – так уж ствол целиком, поскольку затвор ни на что не годится. Опер Иванов и так крутится и эдак. Выходит, не избежать ему нахлобучки.

Тюменцев подсунул «ловцам шпионов» очередную версию: по личным делам, де, ученый приехал. Выпил, купаться полез. А сердце не выдержало.

Серебров моментально вскипел:

– Чтобы вы знали! Потерпевшего утопили!

– Оставив на берегу?

Но Серебров гнул свою линию: не забывайте о главном, речь о стратегических интересах. Начнем-ка мы с ваших... Пусть расскажут, как было на самом деле.

– Хорошо, Федор Адамович, пусть расскажут...

Допрос начали с Иванова. Рассказывай капитан, как ты докатился до жизни такой.

– Сидел я. Писал. Слышу – орет кто-то... Спускаюсь – Гуща... К трубе прикованный. Короче, приехали...

– Дальше!

– Я понял, что задержанный саданул его чем-то, потом схватил за горло и стал душить... Мы пытались организовать погоню... Поехали по поселку следы искать. Вроде в сторону стекольного завода они поехали, но так и не нашли никого.

Тюменцев по привычке разинул рот. Почему ты нарушил инструкцию?! Ты должны сообщить в дежурную часть отдела полиции, а ты как поступил?! Ты способствовал уходу преступника!

– Сомневаюсь... Он не взял даже оружие, а Гущу всего лишь обезвредил на время.

– Ваша жизнь меня как-то не волнует!

– Умер Максим – и хрен с ним...

– Как ты сказал?!

Тюменцев кинулся к Иванову. Серебров скакнул между ними:

– Брейк, ребята! Разойдись! Меня интересует причина задержания. Бежавший прихватил тулуп, связал сержанта и не взял табельное оружие.

– Как не взял?! – Тюменцева трясло. – У него, может, затвора одного не хватало...

– С вами не соскучишься. – Серебров шагнул кабине-

том. – Нет, дорогие мои. Думаю, пистолет ему не был нужен. Но он прихватил тулуп... Учтите, времени у него было в обрез, он действовал быстро и, скорее всего, подсознательно. Вопрос: каковы могут быть действия с его стороны в дальнейшем? Лично я сделал следующий вывод: мы имеем дело с подготовленным человеком. Пистолет ему не нужен, поскольку у него имеется собственное оружие. Тулуп он будет использовать для ночевки в лесу, у костра. Возможно, у него имеется точка – там он хранит передающее устройство, продукты питания... Может быть, у него там есть и сообщники.

– Да-а-а, – Тюменцев закатил глаза. – Не было печали...

– Хочу заметить, – дополнил Иванов. – С тулупом ему не до города.

Серебров благодарно взглянул в его сторону:

– Верно подмечено. Я и говорю, что он будет ночевать в лесу. Ваша точка зрения подтверждает мою версию... – Он присел на стул. – Теперь пригласите дежурного сержанта.

Вскоре Гуща стоял в кабинете. Он проклинал тот день, когда согласился на уговоры зятя и пошел служить в «мусора». Раньше было ещё ничего. Отдежурил – и шагай домой на двое суток.

Полковник Серебров слегка ободрал его взглядом и подступил с разговором, поднимаясь со стула:

– Прошу садиться, товарищ сержант.

– Спасибо, я постою.

Однако Серебров поставил перед ним стул. Гуща уселся.

– Я полковник ФСБ Серебров... Никто вас не собирается преследовать, поскольку нет к тому оснований. А если кто и надумает, – он покосился в сторону Тюменцева, – приходите прямо ко мне – вот моя визитка. А теперь прошу рассказать по порядку.

Сержант взял картонку и стал рассказывать, глядя в пол:

– Нас было двое. Нам приказали ехать в Нагорную Дубровку – там вроде один утопился. Когда приехали, там стоял этот, над трупом, который сбежал.

– А утопленник?

– Лежал на песке. Я так понял, что сбежавший жил там в палатке... Короче, мы поймали его почти что с поличным – он накинудся в воде на того покойника и утопил. Об этом говорили два мужика. Они на джипе потом уехали.

Серебров обрадовался:

– Где их данные?

– В рапорте.

– Но там нет этих сведений! Или я что-то не понимаю...

– Я писал два рапорта. Один – когда только приехали. А потом – когда на меня напали. Передал Иванову.

Серебров уставился в его сторону:

– Где первичный рапорт?

Оперативник поднялся со стула, улыбнулся нервно:

– Все документы я передал оперативно-следственной группе...

– Свидетелей допросили?

– Почуяли жареное – их и смыло. Вдвоем нам было не удержать никого. Только и смогли, что доставить того буяна... Не виноват, говорит... Спасал потерпевшего, когда тот захлебнулся.

– Спасал, говоришь?

Гуща продолжал страдать на своем стуле. Шею после вчерашних объятий ломило. И когда только кончатся испытания!

– Что еще можешь сказать, сержант? – спросил полковник.

– Больше ничего, – развел тот руками. И вдруг вспомнил: – Куртку забрал с собой. Из камеры. Говорит, клопы завелись у вас, вытряхнуть надо. Как дал мне по ребрам, так чуть душу не вытряхнул, зараза. Подготовленный бандит – это уж точно. А ведь я в детстве-то сам был драчун превосходный.

– Да что ты говоришь!

– Так точно!

– Тогда отдыхай...

– Не понял...

– Ступай, говорю! Из отделения не отлучаться – до особого распоряжения.

Гуща поднялся и, подобрав живот, вышел из кабинета.

Время тянулось к обеду, а уголовное дело нисколько не сдвинулось с места: отсутствовал подозреваемый, пусть совсем никудышный, но с которым можно было работать. И

руководство решило приступить к масштабной операции.

ОМОН погрузился в автобусы и тронулся в путь. Дорогой командиры выставляли посты, инструктируя бойцов. Каждому посту придавались портреты беглеца, изготовленные полицейским фотороботом. По такому портрету можно было хватать чуть не каждого бородатого.

Глава 3

Обойдя косогор, Михалыч вошел в лощину, у ключа напился и стал подниматься среди кедров в деревню. На задах, помнится, была вдоль кедрача приличная тропка – езжай хоть на телеге либо на машине. Теперь здесь вплотную стояли участки. Распахали даже тропинки.

Михалыч опустилсЯ ложком вдоль забора и, обжигаясь крапивой, поднялся с другой стороны. Забор здесь стоял на корневищах кедров. У основания одного из деревьев – куча банок – и свежих, и давно заржавелых, пивные баклажки.

В груди опять разлилось жаром, застучало. Кругом всё изгадили, засранцы...

В конце забора должен быть проулок. Вместо проулка оказался забор – из кроватных панцирных сеток. Михалыч перелез через него и вышел в улицу. Именно здесь, возле яра, оказалась чья-то нехилая дача в два этажа, из красного кирпича, огороженная стальными пиками. На окнах – витые решетки, со столба тянется к дому телефонный провод. Вот и славненько.

Михалыч взялся за ручку – открыто. Он вошел на участок. Вдоль дома вела дорожка, уложенная извилистым кирпичом. Входная дверь, вероятно, за углом. Однако не успел он завернуть, как на него бросился мраморный дог – черепок

здоровенный, глаза кровавые.

Обдав слюной и сипло рыкнув, дог грохнулся на дорожку: еловая палка острым концом пронзила, как минимум, до хребта. Дернув ногами, он закатил глаза. Наверняка эту тварь натащали на людях, и он, может быть, даже пробовал человечину...

Входная дверь оказалась за углом. Она подалась легко и без скрипа. Внутри – прихожая, виднелась приоткрытая застекленная дверь. За ней – просторная комната с окнами на пустынную улицу, круглый стол, кожаный диван казенного типа. В мебельной стенке – телевизор. Телефонный аппарат, наподобие корабельных переговорных устройств, висел на стене – без него жизни теперь не было никакой. Даже если в доме будут люди, обязательно следует позвонить.

Из прихожей кверху вели ступени. Пожилая дама, пустив слюну, спала поверх одеяла. Дверь открывалась наружу, поэтому не составляло труда подпереть ее стулом, подоткнув спинкой под ручку. Несмотря на шорох, женщина не проснулась, не бросилась выяснять отношения.

Теперь вниз, к телефону. Сигнал мощный, устойчивый. Условный код – и в Центре прозвонит звонок.

– Слушаю вас...

– Прошу об отмене отпуска – так будет лучше для всех. Похлопочите о моем новом назначении по месту моего пребывания. Мне нужен помощник, в следующий четверг, на Главном вокзале... Со мной будет Ревиста.

– Что-то ещё?

– Волосы у меня совсем выпали. Я голый, как шар.

– Понятно. До связи...

В трубке звучал сигнал отбоя. Так что в четверг, на главном вокзале. За трое суток как раз доберется...

У стены в коридоре стоял холодильник. Чего здесь только не было, но Михалыч захлопнул дверцу. На столе, рядом с настольной лампой, валялась школьная тетрадь – из нее торчала ручка. Рядом лежала коробка спичек и свеча. Выдрав листок из тетради, Михалыч написал печатными буквами: «Лес – не мусорная свалка. Леший».

Поднявшись наверх, он убрал от двери стул и вновь опустился.

С запиской в руке он вышел из дома. Кобель лежал на прежнем месте.

Нагнувшись, Михалыч сунул под лапу записку. Напоследок оглянулся и, заметив торчащую в клумбе лопату, прихватил с собой. Тем же путем, не встретив ни единого человека, вернулся к кособору. Осталось спуститься к ручью, набрать воды в какую-нибудь баклажку – и дай бог ноги...

Михалыч прислушался: из деревни доносились звуки автомобильных моторов. Выходит, народу прибыло немало. Михалыч скользнул в пихтач, опустился в лощину и здесь остановился: надо проскочить голое пространство – мимо оврага, идущего к церкви. Потом обойти кособор, повернуть к елям. Только бы никто не заметил!

Косогор поверху темнел зарослями. Среди них мелькнула чья-то фигура – одна лишь всего голова. В такой ситуации низиной не проскочишь, заметят сверху. Другое дело – вдоль яра, к церкви. Дверь, помнится, была без замка. Только бы успеть. Сейчас они кинутся сверху, примутся рыскать по кустам, но беглеца здесь не будет – он окажется наверху. Возле церкви. Или в ней самой...

И Михалыч свернул в овраг. Прижимаясь к заросшей ельником стороне, хватаясь за кусты полыни, он достиг почти что самого верха и здесь уткнулся в завал из пластиковых мешков, битого стекла и бутылок. Ноги вязли в мешанине, стекло хрустело. Вжимаясь боком в обрыв, он добрался до верха и выглянул: рядом совсем – рукой подать! – темнел угол церкви. Каменная плита прислонилась к двери. Дверная накладка откинута в сторону, без замка. Вокруг никого.

Михалыч выбрался на поверхность и, не поднимаясь, покатился брёвнышком. Поднялся, двинул плиту на себя, потянул дверь. Протиснувшись внутрь, опустил дверь. Тяжелый камень, шурша, встал на прежнее место. Вряд ли у кого возникнет мысль, что беглец подпер сам себя, – ведь это же невозможно.

Заглянул на лестничный ход: пролет обрушен, лежит на полу в полумраке. Путь на колокольню отрезан. Михалыч бросился коридором в центральную часть церкви. Светло, в окнах ржавеют решетки, темнеют рамы без стекол. А сверху, как и прежде, свисает кручёный стержень – с него не сколь-

зили руки. Под куполом стержень изгибался в виде петли, вися на толстом кольце.

В колхозные времена здесь висела люстра. В церкви хранили зерно, пустые бутылки. Потом здесь играли в войну, в немцев и русских, после чего куда-то исчезла люстра. Вместо нее свисал кусок кабеля, привязанный к стержню и бороздивший о пол. С кабелем в зубах можно было взобраться по стене кверху и, ухватившись руками, лететь, пружиня ногами о другую сторону. Теперь на том месте зияла дыра.

Дальнейшие действия Кожемякин свершил на «автопилоте». Схватил кабель и, цепляясь пальцами в штукатурную дрань, взобрался по обрешетке наверх, подтянул к себе стержень, ухватился за него и со всей силы оттолкнулся ногами.

Времени на повтор у него не было: он ударился коленями в стену, уцепился за край пролома, протиснулся внутрь. Потом намотал кабель на конец стержня и выпустил из рук. Кронштейн качнулся к противоположную сторону и вскоре замер.

Пробравшись щелью к обшивке купола, он опустился на чердак, затем – на площадку. Вдоль голого сруба, наискосок, здесь тянулись кверху ступени с перилами. Они оказались целы. Вот и ладненько. Он поднялся к колокольне и здесь присел на площадке, не поднимаясь выше подоконников. Снаружи доносились обрывки фраз. Хлопали двери автомашин. Слышалась брань. Омоновцы, прочесав овраг, столпились теперь, как видно, у входа, читая надпись на могиль-

ной плите... «Юлия Захарова... Мир праху твоему... 1916 год...» Непременно найдется какой-нибудь умник и полезет внутрь.

Нанесло сигаретным дымом. Значит, открыли дверь и стоят в проеме.

– Нельма, след! Ищи, радость моя. Кому я сказал!

Голоса доносились как из пустой бочки.

Подъехала еще чья-то машина, пискнула сирена.

– Товарищ подполковник, никто не обнаружен.

– Собака?

– Не хочет, шельма, работать.

– Докуда она довела?! Показывай!

На минуту все стихло, и вдруг раздался тот же голос:

– Прочесать! Сверху донизу! Где альпинисты?!

– Да мы все тут такие...

– Давайте!

Над Михалычем потолок. Над потолком – граненый купол с крестом. Потолок в углу так и остался проломанным, несмотря на реставрацию. Впрочем, реставрировали церковь только для вида, снаружи. Отреставрировали – и вновь ободрали. До маковок...

Дыра в потолке темнела заманчиво. Можно пролезть в нее, как и раньше, встав на подоконник, но могут заметить. Наверняка у них пост наблюдения выставлен, и по церкви издали шарят в бинокль. Остается одно – уйти с колокольни.

Он опустил на два пролета. Слева – на уровне колен –

желтела по-прежнему бревенчатая стена, прикрытая досками, виднелся пол. Михалыч нагнулся, нырнул в проем и выпрямился, но видны были ноги, и с этим надо было что-то делать. Зависнуть в воздухе? Прилипнуть к крыше? Стать невидимым? Или скользнуть за сруб: за ним, снаружи, прищита обшивка. Скользнуть, как в подростках.

Он уцепился ладонями за верхнее бревно, подтянулся, махнул ногой через стену. Штанина тут же зацепилась за гвоздь обшивки. Одно радовало: концы у гвоздей тупые, торчат лишь местами.

Опустив ноги в проем, он снял куртку и, держа ее в руке, стал опускаться вниз: рубашка трещала, собственный вес тянул книзу. Вот и упор под ногами, поперечная доска. Дышалось с трудом, но терпимо.

Где-то внизу бубнил начальнический голос. Поднимитесь по лестнице, осмотрите.

Все стихло, и через минуту – хохот:

– Ну, как ты?!

– Ступеньки же сгнили в пазах!

Потом грохнуло по крыше и покатилося. И снова прогрохотало в других местах – бойцы, вероятно, решили взбираться снаружи, и это гремели их кошки, брошенные снизу.

Над головой, пыхтя, поднялся наверх один из них и пошел, хрустя железом. Остальные, как видно, приближались с других сторон, ворчали:

– Давай – и всё тут.

– Баран упрямый.

– Они там все такие, в УВД... Вот я наступил, и след мой видно, а больше здесь никаких следов.

– Точно...

Выходит, спецназ. Отряд мобильный особого назначения... Вот так встреча... Омоновцы – было слышно – перелезли с крыши на колокольню.

– Отдохнем, а потом спустимся. Нечего там делать.

– Естественно...

Запах дыма достигал ниши.

– Нормальное преступление – и на тебе, войсковая операция. Что-то тут не то. Может, учения?

Раздалась сирена. Командир внизу приказал строиться.

– Никак не уймется...

Бойцы, гремя ступенями, стали спускаться.

– Смирно! Равнение на середину! Товарищ подполковник, в результате проведенной операции бежавший преступник не обнаружен... Нельма сбежала... У нее течка...

– Поставьте пост наблюдения из двух человек. Остальных в лагерь...

Михалыч торчал в щели, не зная, что предпринять, – было жарко и душно. Именно в таких условиях происходит мунизация трупа. Погибнув от голода, человек начинает сохнуть. Возникает мумия. Церковь могут снова отреставрировать.

вать и закрыть. В таком виде она простоит века. Потом ее всё же снесут... Либо она свалится в яр... При этом выпадет из укрытия легкая и страшная мумия. Здесь уже приходилось застревать подростком, но тогда спасла чрезмерная худоба.

Он уперся стопами в пазы между бревен, дернулся кверху и сразу застрял: обувь скользила, а грудь упиралась в сруб. Если подниматься, то лишь на выдохе, когда объем груди уменьшается.

Обшивка трещала. Михалыч божился, что в следующий раз, прежде чем совершить подобный поступок, обязательно просчитает все его варианты и учтет все последствия.

Измочаленный, с забитыми пылью ноздрями и курткой в руке, под конец перевалил он через верхнее бревно.

Омоновцы тут же забеспокоились:

– Кто там?!

– Да ладно тебе! Это здание от жары трещит!

Именно! От нагрева! Кожемякин лежал на иссохших досках и приходил в себя. Дышалось легко. Тянуло ветерком. Слава богу. Только не надо в следующий раз совать голову куда попало – она у человека одна, она еще пригодится.

Саднило спину. Он снял рубашку и осмотрел: обильной крови не видно – старинные гвозди лишь слегка спустили кожу. Такое бывает... И пройдет незаметно...

Внизу вновь заговорили: произошла смена караула. Кожемякин лежал теперь на площадке для звонаря, под оконным проемом, прижавшись спиной к стене. Дерево было теплым,

спокойным. Отсюда виднелись макушки леса на Бариновой горе.

Смеркалось. Краснорожая луна вылезла на горизонте из сизых потемок и замерла, соображая, как видно. С утра здесь применяют «Черемуху» – и беглец, как жук из дупла, выпадет в руки полиции. А как бы он думал! От газа нет спасения никому!

Михалыч лег на спину. Колоколов вверху, конечно, не было давно. Их сняли еще до войны, каким-то образом сохранив, – они звонили теперь в поселковой церкви. Сквозь окна гулял ветерок. Вот так прогулка по родным местам! А всё она виновата, ностальгия. Ведь жил же до этого. Но нет! Понесло! И сразу попал в историю...

Под утро разбудила прохлада. Луна давно побледнела, отошла за ложину. Над заречной низиной угадывался рассвет. Двое бойцов, оставленные дежурить у входа, молчали. Они, вероятно, подпёрли дверь плитой и на том успокоились. А тут дремота подоспела.

Вариант с дверью отпадал сразу. Оставалась крыша. Но если отсюда прыгнуть, повиснув, допустим, на карнизе, то еще неизвестно, как приземлишься. Окнами тоже не выйти – на каждом окне решетка. Обшивка на восточной стороне церкви ободрана по самый карниз, там голый сруб. Если добраться карнизом до сруба, то по углу можно спуститься к земле. Иначе придется прыгать. Но прыгать с крыш – это не то, что с молоденьких берез, держась за макушку...

Легко сказать, свисни ногами с карниза, нащупай ногами сруб... Однажды уж приходилось это делать: ноги уходят в пропасть и не находят опоры. Ты пытаешься подвести их к стене, и в этот момент центр тяжести перемещается в пятки. Тебя несет книзу. Последствия приземления непредсказуемы...

Можно из куртки нарезать ленты, сплести подобие бычьего хвоста. Но она слишком мала для такого дела. Можно надрать пакли из пазов в срубе. Но какая это будет веревка – из хрупкой от времени пакли?

Михалыч опустилсЯ на чердак, пробрался к отверстию – здесь он с помощью «маятника» поднялся вечером снизу. Если предположить, что вновь удастся каким-то образом подтянуть этот предмет и спуститься, то по причине зарешеченных окон уйти будет невозможно.

Он вернулся на чердак и стал шарить по стенам, надеясь наткнуться на потеки смолы. Смолой можно намазать ладони, предотвратить скольжение. Но смолы на срубе не было и в помине. Вместо смолы он нашел под ногами металлическую скобу.

Поднявшись на колокольню, он вылез через окно на карниз – металл еле слышно промялся под ногами. «Только бы ты не хрустел», – упрасивал он железо. Чуть ниже начинался конек. Металл может подать голос даже тогда, когда уберешь ногу. Можно идти лишь по коньку, балансируя руками. Под кровлей здесь мощная деревянная опора. Вот и цен-

тральный купол. Его можно обойти только сбоку, по карнизу. Здесь-то и может сыграть злую шутку капризный металл.

Михалыч шупал ногой поверхность: здесь всегда гремело, это трудно забыть. Жесть ворчала под ногами.

Заря расцветала над заречной низиной. А вот и восточный карниз.

Опустившись на четвереньки у самого края, он попытался выудить гвоздь из гнезда, подцепив его лезвием ножа, и это удалось: старая древесина не держала в себе металл. Вращая гвоздь, он вынул его, вставил вместо него один из концов скобы и, вращая, вогнал как можно глубже. Держась одной рукой за скобу, а второй – за гребень кровли, он опустил ноги вниз. Рубашка на животе задралась и мешала, и тут его понесло: скоба прогнулась, руки скользили. Ноги, слава богу, нащупали угол. Осталось перенести к нему руки, по очереди, – только бы сруб выдержал, не крошился. Михалыч, ухватившись ногами за угол сруба, перенес к нему левую руку, а затем и правую, и стал опускаться. И вскоре уже стоял на земле.

Сбоку от церкви обозначилась ель, виднелись могилы Векшиных. Почетный гражданин вряд ли предполагал, что в будущем кто-то найдет здесь свое убежище.

Оглядываясь, Михалыч шагнул к косогору. Тулуп висел на прежнем месте. Он сдернул его с сучка и, перекинув через плечо, спустился к болотцу. Пахло коноплей, крапивой и лопухами. Ноги в росе сразу вымокли. Среди зарослей он

подошел к речному обрыву, намятой тропкой спустился к реке: на берегу вверх дном лежал обласок – весь в заклепках, привязанный тонкой цепью к торчащему из песка тросу. Казалось, долбленные лодки – это уже история. Суденышко доживало свой век. Его жалкий вид, вероятно, отталкивал от себя любителей прибрать чужое к рукам. Да и где его можно использовать, если только не здесь, на тихой воде.

Поперек лодки располагалось обычное сиденье в виде доски. Цепь крепилась к стальной поперечине в носу. Весла под лодкой не оказалось. Придется идти за брошенной впопыхах лопатой.

Отыскав лопату, Михалыч вернулся к берегу. Оставалось освободить лодку от металлических пут. Уцепившись за корму, Михалыч потянул обласок за собой – тот послушно опустился в реку, качаясь. Михалыч вернул его обратно к берегу и с силой дернул назад. Конец цепи с выдранный из бортов перекладиной упал в воду.

И в этот момент послышался шорох: овчарка, увешанная сухими репьями, выглянула из кустов. Бросив в сторону Михалыча безразличный взгляд, она отвернулась и вновь полезла в заросли. Ее товарищ, серый, со стоячими ушами и поджарым брюхом, тоже выскочил на площадку и последовал за ней. Теперь они будут один за другим ходить, пока не наскучат друг другу и не разбегутся каждый по своим делам. Собака – к хозяину. Волк – в таежные просторы. Полицейская помощница нашла себе друга.

Забравшись в лодку, Кожемякин пошел вверх, работая лопатой вместо весла. Солнце вставало за лесом: лучи ударили в берег, осветили красным лощину, косогор и церковь на самом верху. Стальное «весло» норовило уйти на дно. Лодка против течения идти не спешила. Добраться бы только до Плотбища, а там – пешком. Когда-то там делали плоты, берег был чистым. Тропки в тех местах должны сохраниться...

Едва подумал – на косогоре показалось движение, блеснули стекла. Его рассматривали в бинокль. И тут ударило по ушам:

– Прекратить движение! Возвращайтесь назад! В случае отказа – открываем огонь на поражение!

Наверняка мужик наверху блефовал – он же не знает, кто плывет в лодке. Однако тут булькнуло по воде, донеслась автоматная очередь. Потом еще одна. Затем ударила в воду одинокая пуля снайпера. Били прицельно. Вот опять шлепнулась пуля – рядом с бортом. Что делать? А если вот так: руками в сиденье – и как учили старшие. Хлоп – и тебя уже вроде как нет. Шаткий обласок перевернулся вверх дном и тотчас накрыл Михалыча сверху. Ну конечно, его узнали в бинокль. А если подняли стрельбу, так было на то дозволение.

Держась за сиденье, Михалыч свободно дышал воздухом, оставшимся при опрокидывании. Внутри было пока что темно. Приглушенно била снаружи о борт волна. Тело замерло: лодка не должна изменять положение, не должна вращаться

и проседать, а шуба должна идти по течению. Но та, зацепившись за что-то, волоклась пока что за лодкой.

Голова не кружилась. Лодка, должно быть, шла теперь мимо деревни. Только бы не прибило к берегу. Ноги вдруг нащупали камень. Вот и другой. Их тут целая куча. Если это берег, то вот и конец. Но камни, помнится, были только в середине реки. Воды там было по щиколотку. Застрывать здесь никак нельзя.

Это была коса: быстрое течение лизало стопы. Обувь он сбросил, как только перевернулся. Носки тоже стянул.

Щупая ногами камни, Кожемякин миновал косу. У полиции не было плавучих средств, иначе лодку давно бы поймали. Но выловить лодку можно и ниже, в Козюлино, – протока впадает там в основное русло. Полиция может там поджидать – ей нужны хоть какие-то доказательства, им нужна лодка...

Прошло как минимум полчаса. Помнится, во время купания компанию быстро сносило, так что приходилось возвращаться в пешем порядке. Где же сейчас находится лодка? Надо нырнуть под борт и, не торопясь, тихо вынырнуть, осмотреться.

Михалыч поднырнул, осмотрелся: берег низкий, с прогаиной между деревьями. Это был Старый Затон. Брошенное пристанище речников.

Михалыч выпустил из рук обласок и поплыл к берегу – туда, где когда-то жили люди, туда, где лежал заржавелый якорь.

Добравшись до берега, ступил на дно и, утопая в синей глине, с трудом выбрался на берег. Якорь с обломанной лапой лежал на прежнем месте. Луговина кем-то выкашивалась, поэтому не заросла лесом.

С наступлением ночи, обходя на дорогах посты, Михалыч вернулся в поселок и постучал в материнское окно.

Новый Затон отходил ко сну.

Глава 4

Тюменцев разошелся не на шутку, норовя выпрыгнуть из штанов: кто велел стрелять в беглеца, кто будет за него отвечать?!

Главный омоновец вылупил на шефа глаза. Тюменцев только что кричал в мегафон, что будет вести огонь на поражение, а тут как бы занервничал.

– Я чего хотел-то! Испугать! Принудить сдаться!..

– Вот мы и принудили...

Река играла бесчисленными зайчиками, и среди этой ряби вверх дном уходила по течению лодка.

– Лодку поймать надо! – наседали Тюменцев.

– Это можно. Но дело не в этом...

– А в чем же?!

– Не может такого быть, что в него попала шальная пуля...

– Потом будем рассуждать! Лодку достаньте!

– Не здесь... Ниже по течению...

И сводный отряд полиции, включая ОМОН, в спешном порядке направился в Козюлино, и вскоре уже был на месте, высоко над рекой. Спустившись на машинах к реке, куратор Тюменцев обратился за помощью к председателю местной рыбацкой артели.

На рыбацком катере запустили двигатель и, фырча вы-

хлопной трубой на крутой волне, двинулись к слиянию водных потоков: две реки, одна совсем маленькая, а другая, быстрее и полноводнее, сходились в единый поток. Волны на месте слияния бросались на катер.

Потом увидели обласок – он шел серединой реки, приближаясь к устью. Лодку подцепили багром, перевернули. За ней тянулся тулуп. Судёнышко было полно воды и собиралось пойти ко дну по причине старости. Долбленку зацепили рыбацкой кошкой за перекладину на корме, и катер потянул ее к берегу. Четверо бойцов, разувшись, подвели ее бортом к берегу. Вынули тулуп, бросили на песок. Взявшись за борт, выплеснули воду, вытащили на берег.

Двое оперативников и следователь приступили к осмотру вещественных доказательств. Следователь был худ и бледен: брюки едва держались на тощем заду. Тюменцев глядел в его сторону, не скрывая брезгливой ухмылки. Тяжелый тулуп повесили на веревку у рыбацкого стана, вывернули карманы – внутри оказался пистолетный затвор и наручники.

Следователь молча писал протокол. Тюменцев не унимался:

– Почему вы не смотрите, как полагается?!

Следователь пропустил замечание подполковника, уставившись в протокол.

– Лодку осмотрите!

Следователь перестал писать, обернулся к Тюменцеву:

– Извиняюсь, вы что кончали?

– Как что?! Институт.

– Понимаю, что институт. Но какой?

– Педагогический!

– Не факультет ли физического воспитания?

– Какая вам разница! – Тюменцев надул губы. – У нас тоже преподавали право.

– Рекомендую заглянуть в УПК и ознакомиться с полномочиями следователя. А теперь попрошу не мешать при производстве следственных действий.

Следователь замолчал, отвернулся.

– Ну, хорошо! Хорошо! Работайте! Не буду вам мешать!

Тюменцев отошел к автомашине. Оттуда доносился его голос, усиленный рацией:

– Быть на местах... Не отлучаться...

Командир отряда стоял у реки, сцепив на груди руки, и смотрел в заречную даль.

Закончив осмотр доисторического «корыта» и передав его на хранение в рыбацкую артель, оперативно-следственная группа, а также ОМОН тронулись в город, собирая на пути дозорные группы и посты наблюдения. А уже вечером того же дня Тюменцева вместе с начальником УВД пригласил к себе губернатор – тому, как видно, не терпелось узнать результаты рейда.

Начальник УВД и Тюменцев вошли в кабинет к губернатору. Хозяин области, дернув глазами в сторону вошедших,

подставил для обозрения лысое темя, что-то читая на столе.

Наконец он закончил, вскочил и метнулся по кабинету, рубя воздух лохматыми руками.

– Вы только представьте, генерал! Вашу тещу, допустим, раком поставили! Что вы после этого станете делать?! А тут едва не убили! У главы-ы! Я повторяю: у губернатора! И всем до лампочки... – Он осёкся, закашлялся, сглотнул слюну и добавил: – Чего можно ждать простому человеку?

Генерал Сухов молчал, глядя во все глаза: губернатор – метр с шапкой! – метался словно ужаленный, норовя расхлестнуться о стены.

А тот продолжал упражняться:

– Мраморного дога! Целого жеребца! Охрану прикажете ставить для тещи?! Но ей не положено! Выходит, ей на даче пожить нельзя? Кто он такой, что мог сучком заколоть?! Можете вы сказать?!

– Можем...

Сухов шевельнулся за столом.

– Кто он!

– Леший...

– Так поймите его, а я посмотрю ему в рожу! Понятно вам?! Я жду радикальных действий! Пусть это будет хоть настоящий леший – плевать я на него хотел... Кроме того, он же еще там кого-то успел? Инженера какого-то?!

– Физика...

– Еще хуже... Работайте! Жду от вас решительных дей-

ствий, генерал!

За генерала ответил Тюменцев:

– Мы постараемся, Евгений Васильевич...

Сухов замер, глядя в поверхность стола. Подобным образом с генерал-майором еще никто не беседовал.

– В таком случае я вас не задерживаю... – Губернатор остановился. – Можете идти.

Полицейские встали.

– А вы, Сергей Сергеевич, останьтесь на минуту.

Двери за полицейским генералом закрылись, и губернатор Безгодов вернулся в кресло, указал на стул напротив себя.

Тюменцев сел. Бывать с губернатором один на один ему еще не приходилось.

Губернатор пробежался пальцами по столу, заговорил кротким голосом.

– Сергей Сергеевич, как вам живется?

– Хорошо...

– Это замечательно.

– Бывают, конечно, трудности...

– Бросьте, Сергей Сергеевич. Нас ждут великие дела. У нас много работы...

Губернатор наклонил голову вбок, обернул к Сергею Сергеевичу лицо.

Тюменцев удивился: какое же все-таки странное существо – Политик. Уши враспырку, голова лысая, на лысине серповидный шрам. Он сказал о великих делах, и Сергей Сер-

геевич готов уж лететь за ним, куда бы тот ни позвал. Главное – не топтаться на месте.

– Теперь я хотя бы в курсе дела. – Губернатор улыбнулся. – От них не дождешься искренности. – Он указал пальцем в сторону двери. – Я рад, что есть на кого положиться. Этот скоро уйдет – предложу твою кандидатуру. Пойдешь?

Вот оно! Даже дух перехватило. Естественно, Тюменцев согласен.

– Вот и договорились. – Губернатор перестал улыбаться. – Пока. До свидания...

Тюменцев поднялся и, поблагодарив губернатора за доверие, вышел из кабинета живыми ногами.

Вечером персональная иномарка темного цвета остановилась у губернаторского особняка. Политик выбрался из машины и шагнул к подъезду. Сержант полиции вытянулся перед чиновником, отдал честь.

Безгодов вошел домой. Оказалось, жена тоже только что приехала. У нее был рейд по магазинам. Приперла домой, используя другого штатного водителя, две сумки, набитые снедью. Сумки больше похожи на громадные рюкзаки. Добра, конечно, принесла много всякого. И куда только лезет в людей! Опять накупила банок с кукурузой, крабовых палочек, несколько упаковок тушенки, копченой колбасы, сгущенного молока, коробку дорогого вина и хорошей водки. Теща стоит рядом, облизывается. Наверняка всё добро (к нему Ев-

гений Васильевич равнодушен) уплывет в Нагорную Дубровку. Любит теща выпить. Дом в Новосибирске продала, переехала к единственной дочери – вроде как внуков растить. Вспомнила! Внуки давно бизнесом занимаются.

Объяснял: пользуйся всем, что найдешь дома. Но нет! Подай карге дачу. Может, хоть теперь прижмет хвост – после наезда Лешего? Раньше молодежь учила марксизму-ленинизму, с пеной на губах отстаивала принципы. Она и сейчас остается в сфере науки, продолжая быть верной истории. Только теперь она подходит к своему предмету с другой стороны: она этот предмет вывернула наизнанку. Я, говорит, только сейчас прозрела. Тяпнет на даче стакашек, выйдет к обрыву у церкви – и давай разглагольствовать перед такими же... О праве наций на самоопределение. А то, что отечество при этом едва не развалилось, до карги не доходит.

Евгений Васильевич, косясь на горы продуктов, прошел мимо стола, плеснул в бокал водички, залпом выпил. Говорить не хотелось. Хотелось отдохнуть. Можно было перекусить, однако этим двум, как видно, не до него: снаряжение готовят. Живут обе словно бы сами по себе. И эти горы продуктов тоже сами собой появляются. Никакой губернаторской зарплаты не хватит с таким аппетитом. За одного кобеля, в зоне натасканного, пришлось кучу баксов отвалить. Теперь, говорит, надо бы памятник усопшему другу.

– Евгений Васильевич, – опомнилась теща, провожая взглядом в холодильник последнюю банку тушенки. – Евге-

ний Васильевич!

– Ну.

– Как с моей просьбой? Не позабыли?

– Пора бы забыть о даче... Неужели так трудно понять?

– Как это?... Неля. Он говорит, что на дачу мне больше нельзя.

– Евгений, мама этого не заслуживает. Если она и просит, то совсем мизерное. Ее возраст надо учитывать.

– Учтем как-нибудь...

Политик встал, вышел в зал и включил телевизор.

Ведущий говорил о ситуации с преступностью. Затем поведал об убийстве Физика в Нагорной Дубровке. Упомянув имя Лешего, он улыбнулся. Это была ухмылка. Но если ведущие местных телеканалов ухмыляются, то чем же занимаются в губернаторском аппарате? Там давятся от смеха: Леший велел этой карге прибраться на даче. Но Политик там никакого мусора не видел.

– Евгений Васильевич... – Теща говорила обиженным голосом. – Завтра я возвращаюсь в деревню. Больше я вас беспокоить не буду.

– Там же Леший... Человека убил, собаку...

Политик начинал нервничать.

– Ничего. Я как дам ему – он и полетит. У меня там теперь друзья живут, пара молодая.

– Лет по семьдесят...

– Шестьдесят. А муж так вообще выглядит чуть не на со-

рок.

- Я предупредил...
- Мне бы машину с шофером.
- Завтра утром. Ждите...

Утром у ворот губернаторского особняка остановился просторный джип. Трое молодых людей вынесли сумки с продуктами, усадили на заднее сиденье губернаторскую тещу и отправились в Нагорную Дубровку.

Теща чирикала, глядя по сторонам:

– Не могу без деревни, хоть плачь... Зять говорит: «Живи, мама, на государственной даче» – а я не хочу. Мне там неинтересно. Скучно. Да и дача в Дубровке будет пустовать...

Машина уверенно неслась в транспортном потоке. Вскоре она повернула в проселок. В сумках тенькали бутылки с красивыми этикетками. Дачница радовалась, строила грандиозные планы. Кто как, а вот она уж точно теперь не вернется, до самой зимы... Ее будут просить, а она все равно не поедет, пока снегом не завалит по самые уши.

...Тюменцев всю ночь пролежал в постели с открытыми глазами и пришел на работу с разбитой головой. Не помогал ни аспирин, ни другие препараты, и он, сославшись на нездоровье, вернулся домой. Лег в постель и так лежал, глядя в потолок.

«Неужто, – думал он отрешенно, – неужто Политик обла-

дает магией, чтобы так изувечить беззащитного человека?»»

Глава 5

Во сне Михалыч неся тропинкой, усеянной сосновыми шишками. Чешуя у шишек ощерилась, впивается в стопы. Остается одно, превозмочь боль и лететь среди леса.

Утром его разбудило звяканье посуды: мать на кухне занималась обычным хозяйством. Ступни под одеялом едва шевелились. Кожемякин сел в кровати: ссадины не прошли даром – ноги опухли. Надо бы натянуть носок – ради эксперимента. Однако носок не лез на ногу.

Мать жила так же, как и много лет назад. Те же занавески на окнах, фотоснимки по стенам.

Штора вздрогнула. Тузик, виляя хвостом, вошел в зал. Собаке шел пятый год. Кожемякин увидел ее лишь в этот приезд. Однако, странное дело, она не бросилась на него и даже не залаяла, когда он постучал в ворота.

– Она тебя узнала, – говорила мать.

– Но мы же с ней не знакомы!

– Она поняла, что ты мой сын. Это сучка, но я зову её Тузиком. Назвала, не посмотрела. Теперь так и величаю. Какая ей разница...

Собака, обыкновенная дворняга, легла возле ног. Потом вздохнула, поднялась и стала облизывать ранку за ранкой. Михалыч терпел экзекуцию, вдохновляя помощницу.

Но вот собака закончила дело, легла в ногах и закрыла глаза.

Опухшие ноги могли нарушить все планы: в четверг прибывал напарник, с которым Михалыч, скорее всего, не знаком. Так принято во внутренней разведке.

Причина банальна: нет гарантии, что местные органы захотят помочь. Они будут заседать в бесконечных коллегиях, собирать справки и делать отчеты. Короче, будут гореть, норовя надорваться в присутствии человека из Центра, но результат окажется нулевой. Лишь единицы могут помочь. Как правило, ими оказываются люди невысокого звания. Именно они помогают увидеть устройство туземной «пещеры». Достаточно одной спички, чтобы внутри озарилось.

Михалыч поднялся и, едва ступая, направился во двор. Ворота заперты изнутри на задвижку. Присмотрелся в щелку – снаружи висит амбарный замок: тетки Анны нынче дома нет. Заперла ворота, вошла задами в огород – и домой. Молодец, маманя. Ей дважды объяснять не надо. Продуктов в доме достаточно, так что прожить автономно можно хоть месяц.

К вечеру опухоль стала спадать. Несколько раз собака вновь подходила к Михалычу и принималась вылизывать раны, пока не потеряла к ним интерес. Для верности Михалыч еще раз сунул ей под нос стопу, но собака отвернулась. Осталось изменить внешность и выскользнуть из поселка незамеченным.

Михалыч подошел к умывальнику, взбил на волосах пену и взялся за бритву, глядя в зеркало. Матушка вздыхала, поминая господу и его родительницу. Возможно, ей чудилось, что полковник тихонько сошел с ума. В потёмки прибежал чуть не голый – и палец к губам! Велел закрыться на все замки, повалился в кровать и тут же отключился.

Мать на этот раз пыталась расспрашивать, но Михалыч молчал, орудуя бритвой. Потом обернулся, не выдержав:

– Военная тайна.

– Вот теперь мне понятно... – Мать присела на табурет. – С богом. Благословляю...

Она сморщилась, согнулась изработанной спиной и замолчала.

Покончив с шевелюрой, а заодно с бородой и усами, Михалыч вынул из стола продолговатую коробочку: принадлежности были на месте. Здесь был мужской парик, усы, борода и очки. Он выбрал очки. Надев их, окончательно убедился, что из зеркала смотрит совершенно другой человек.

Матушка тут же подключилась:

– Ты их позабыл в прошлый раз. А я смотрю и думаю: это для того, чтобы в Новый год на елке выступать... Хотела ребятишкам отдать...

Михалыч улыбнулся. Отдать? Это вряд ли. У матери хранилась даже рогатка и деревянный пистолет. Черный маузер в деревянной кобуре на ремнях. От настоящего не отличишь, особенно ночью....

Рейсовый автобус, ныряя в лога, несясь навстречу напарнику. Михалыч был спокоен: внешний вид у него такой же, как у всех остальных, бритых наголо. Он никакого отношения не имеет ни к затворам от пистолетов, ни к наручникам, ни тем более к каким-то тулупам. Голова пыталась анализировать. С анализом, правда, пока получалось не очень. Физик-физик, дружок ты мой детский, куда ж тебя занесло? Защитил кандидатскую, работал в «ящике». Что за «ящик», известно здесь каждому. Это закрытый город Северный, примыкающий к областному центру. У парня, впрочем, был затравленный вид.

Автобус подошел к железнодорожному вокзалу, остановился. Михалыч поднялся с сиденья и двинул к выходу, бормоча словно молитву: нельзя идти напролом, надо рассчитывать каждый шаг.

Он вышел из автобуса успокоенный. О чем переживать! Сейчас прибудет напарник. Вдвоем оно легче. Он привезет кучу вещей и полезных советов... Надо вот только дать объявление о встрече – по громкой связи.

Личность. Наличность. Он не ошибся, изменив наружность, – в зале ожидания было множество лысых – от природы, а также с бритыми головами.

«С ума они посходили, что ли?» – думал Михалыч, направляясь к выходу на перрон. В руке он держал свёрнутый

журнал.

Поезд вынырнул из-за поворота и закрыл собой станцию. По громкой связи прозвучало сообщение: «Сорокину Клару Евграфовну ожидает у главного входа сын Анатолий с Ревистой».

Сообщение будет повторяться неоднократно. За него заплачено. Сейчас подойдет «мама» и сразу узнает Кожемякина.

Станция тупиковая, поезд дальше никуда не идет. Пассажиры, неся сумки, катя чемоданы на колесиках, потекли вдоль состава. Рядом стоит мужик, тоже лысый. Картонку на грудь себе прилепил. На ней жирными буквами написано слово «ТОЛИК». Но Толик – это Михалыч, а не этот боров. Выходит, он тоже Толик.

И тут до Кожемякина дошло: он же мертвый теперь применительно к здешней действительности. Допустим, был перехвачен его разговор с Конторой, то кому-то можно отныне работать под Толика. Revista вот только оказалась не по зубам, мозгов не хватило. Языки учить надо, господа бандиты. Тогда вы бы знали, как звучит на испанском слово «журнал».

К мужику никто не подошел. Он снял с груди картон и бросил в мусорный бак. Что ж, бывает... Ждал человека, да не дождался. Для кого-то это, может, достаточный аргумент, но только не для Михалыча. Слишком много совпадений – лысый, с бумажкой, по имени Толик...

Пассажиры быстренько схлынули, перрон опустел. Но бы-

ло ведь решено, что именно этим вот поездом, а потом и во-
все подтверждено: вагон такой-то, встречай.

Михалыч скакнул в вагон и побежал, заглядывая в купе. В тамбуре проводники занимались бельем, гремели посудой, но было не до расспросов – он не знал напарника в лицо, не знал его имени, поэтому, задавая вопросы, лишь тратил бы время.

Он летел сломя голову, пока не наткнулся на мужика: тот сидел в углу купе, возле опущенного окна, собираясь, возможно, встать, – волосы длинные, спутанные. Мужик таращил глаза, изо рта пузырилась кровавая пена. В изголовье значилась цифра одиннадцать – номер места.

Мужик скреб руками грудь:

– Кожемяка? Они подсыпали мне...

– Я вызову скорую. Потерпи...

А тот закатил глаза, теряя, как видно, сознание.

Михалыч дверь на замок, напарника на пол – и полез под сиденье. Вынул оттуда чемодан, сумку – и снова к напарнику. Пульс был уже не слышен, как и не было слышно и сердца.

– Прости, напарник...

Время теперь особенно поджимало, и не было никакой возможности здесь оставаться. Михалыч уцепился в ручку контейнера, сумку подцепил на плечо и кинулся к выходу – там проводница гремела посудой, тряслась с вагонными тряпками.

Михалыч на ходу заорал:

– Человек умирает, а она с тарой никак не расстанется!

Шевелись, пока саму не пришиб!

– Скорую, что ли, вызвать кому?

– Она еще спрашивает... Торопись!

Михалыч выбрался из привокзальной территории, двинул к трамваю, с трудом влез в толчею и поехал, не думая, куда его несет, – лишь бы убраться, лишь бы не попасть еще кому на глаза. В итоге оказался он на речном вокзале, возле гостиницы, и решил туда войти, надеясь снять номер.

Администрацию гостиницы не интересовали его документы. Им нужны были деньги. Поэтому вскоре он лежал на кровати в одноместном номере и смотрел в потолок. На потолке висела люстра, мысли путались, бегая вокруг данного потолочного предмета. Предстояло открыть контейнер, осмотреть сумку погибшего. Беда прошла рядом. Одним краем она задела Михалыча. Чем же его опоили? И, главное, кто? Искусственное дыхание при отравлении бесполезно. Скорая вряд ли ему помогла... Сообщить нужно в Центр. Но это потом...

Чемодан походил на контейнер. Он едва ли мог затонуть либо отсыреть изнутри. Сумка поменьше оказалась на «молнии», с широким ремнем. В нее мог бы войти оперативный автомат Калашникова и запас патронов на полчаса. Однако там не было патронов. Это были личные вещи, ничего общего не имевшие с назревшей проблемой: бритвенный при-

бор, мыльница, полотенце, зажигалка, складной нож со множеством лезвий, а также шило.

Кроме личных вещей, Михалыч в сумке больше ничего не обнаружил. Оставалось вновь приглядеться к контейнеру и, может быть, даже взломать. В замке темнело крохотное отверстие – в него и ключ-то не войдет. Он взял шило и с силой вогнал в отверстие. Замок щелкнул, в разъеме появилась щель. Это могла быть ловушка.

В проеме значилась надпись на английском языке. Из чего следовало, что чемодан оперативного назначения изготовлен предприятием МВД и предназначен для использования в особых условиях. Между тем радоваться пока было нечему. Оперативный сундук, раскрывшись надвое, не был еще раскрыт окончательно. Обе его половины оказались закрыты крышками с ребрами жесткости и номерными замками. Шестизначные цифры могли означать что угодно. Он набрал сначала дни, потом месяц, а потом год своего рождения. Одна часть открылась. Со второй половиной подобный номер не прошел. Он не знал, когда родился напарник, так что пришлось остановиться пока на достигнутом.

Под крышкой находилось оружие: пистолеты «Беретта», «ТТ», автомат Калашникова на сорок пять патронов, а также револьвер «Магнум». Здесь же, в просторной нише, лежали пачки патронов и запасные обоймы.

На внутренней стороне перегородки, в кармашках, лежало удостоверение на имя Кожемякина Анатолия Михайлови-

ча. Владелец удостоверения якобы служил старшим следователем в Новосибирске. Это рядом, поэтому объяснимы мотивы чиновника, выписавшего документ. В Центре, возможно, предполагали, что на месте можно сориентироваться и действовать под видом работника из соседней области. Здесь же лежало разрешение на хранение и ношение перечисленного оружия, командировочное удостоверение и пачка денег золотистого цвета. В Центре, вероятно, полагали, что данной суммы достаточно для подпольной работы «в тылу врага». Хорошо, что хоть пачка состояла не из сотен. Деньги предназначались для вербовки агентов, найма помещений и на всё остальное.

Другая половина сундука оставалась закрытой. Что ж, можно действовать и с тем, что добыто. Дай бог, чтобы окантные дни не оказались последними.

Отправив удостоверение следователя в кармашек рубахи, а пистолет «ТТ» в карман брюк, Михалыч вышел в коридор. Коридорная дама сидела за столиком и говорила по телефону:

– Но только вы приезжайте скорее! Может, действительно он...

Она положила трубку.

– Мне позвонить бы...

– Пожалуйста...

Женщина придвинула аппарат. Сама сидит, не дышит и смотрит во все глаза. Наплели женщине про бандита, вот она

и трясется.

– Как вызвать такси?

Дама произнесла шестизначную цифру. Михалыч тут же набрал номер. Ответили быстро. Михалыча интересовало время, через которое такси может прибыть к гостинице. Ответ был удручающим: как только освободится машина. Это его не устраивало. И Михалыч тут же решил, что не время вилить в его положении, надо действовать открыто.

– С кем вы разговаривали?

Она молчала. И тогда он вынул удостоверение и, раскрыв новенькую корочку, протянул женщине. Та прочитала несложный текст.

– Так кто же вы?

– Тот самый, о ком здесь написано. Но те, кто сюда звонил, совсем не те, за кого себя выдают. Останусь живым – расскажу о причине. А сейчас мне надо уйти. Помогите...

Она вскочила и повела Михалыча коридором – мимо номера, в обратную сторону. Михалыч тащил с собой чемодан. Он не мог бросить добро, доставленное напарником. Еще не вечер... Посмотрим, кто кого...

Они опустились по истертым ступеням, остановились перед двустворчатой дверью с висящими на ней пожарными ведрами. Женщина выдвинула засов, отворила створку и зашептала:

– Я верю вам. Бегите...

– Вы замужем?

Брови у нее прыгнули кверху. Экий дурак! Надо бежать во все лопатки, а этот про замужество. И все же сказала, что нет, что не замужем.

– Прощайте. Спасибо...

Он успел поцеловать ее в губы, прежде чем тяжелая дверь хлопнула у него перед носом. Михалыч огляделся. Вероятно, здесь были задворки сразу нескольких учреждений: вдоль стен валялись старые колеса, истертые метлы. И даже старая телега, задрав оглобли на кирпичную стену, стояла здесь. В конце двора виднелись ворота. Подойдя к ним, Михалыч выглянул на улицу. Одним концом она упиралась в реку, другим выходила на оживленную магистраль. Там мелькали автомобили. Через секунду, мерцая маяками, по ней пронеслась вереница полицейских машин.

С ношей в руке Михалыч вышел на магистраль, остановил такси и быстро ушел от опасного места. Возможно, лысый на вокзале заподозрил в нем настоящего Толика, возможно, о нем рассказала проводница. Вариантов – целая куча. Главное – нельзя терять контейнер.

Он выехал за город. У придорожного кафе попросил водителя остановиться. Автомашины следовали мимо, не останавливаясь. И вдруг, как озарение, в голову пришла чудная мысль. Подобным способом он еще никогда не пользовался. Он изменил внешность, в то время как надо бы изменить статус.

Водитель тарасил глаза. Что-то не так?

– Говорят, если повернуть с дороги назад, то пути не будет. Посмотрим, насколько это верно.

Таксисту было все равно, в какую сторону ехать, лишь бы исправно платили, и вскоре такси оказалось перед дверью Военторга. В магазине было пустынно. Девушка за прилавком скучала.

– Что вас интересует?

Михалыча интересовала полицейская форма – для работников следствия.

Девушка оживилась:

– Если что, форму подгонят в нашем ателье.

Об удостоверении она не спросила, а может, не знала, что надо требовать.

Форма сидела замечательно. Фуражка с козырьком закрывала верхнюю часть лица. Вот только брюки не держались, сползали.

Портниха, с зажатыми меж губ булавками, поддерживала штаны. Это ничего, что они просторные. Позади специальный шов предусмотрен... Чик – и готово. Всех дел на десять минут...

Михалыч пыхтел в ответ: жена выстирала единственный комплект в растворе хлорной извести. Вместе с погонами и удостоверением. В результате получилось пугало. А завтра – строевой смотр. Сам генерал будет проверять экипировку...

– Вы не первый, что характерно... Такое случается...

Брюки принесли в примерочную. Михалыч запрыгнул в

них – сидели как влитые. К форме он приобрел также полуботинки и куртку на «молнии» со съёмными погонами.

Заплатив за одежду, он присел у входа. Таксист покорно ждал на улице, упершись задом в багажник и скрестив на груди руки.

Коробку с курткой и гражданской одеждой поставили у ног. Михалыч был теперь в форме – впервые за множество долгих лет.

Таксист ошалело глядел на подошедшего к нему полковника. Он не хотел узнавать недавнего пассажира. Пришлось и ему рассказать историю о нерадивой жене.

Такси тихо тронулось и пошло к Главпочтамту. Получив на руки очередную порцию «утешительных», водитель ждал «командира» у входа.

Звонок с Главпочтамта, кажется, ничуть не расстроил людей в Москве. Там лишь спросили, действительно ли погиб напарник.

– Да, погиб...

– Но, может, это не он?

– Всё сходится. Но я не могу открыть вторую половину контейнера.

– Записывайте: двенадцать, ноль восемь и семьдесят... Желаем удачи.

В Конторе почему-то пока что молчали, узнав, что Михалыч остался один. Кажется, это их устраивало. Один уже по-

гиб. Зачем еще рисковать.

Убийца напарника не успел завладеть контейнером: вероятно, его спугнули, и он ушел через окно – вот почему была опущена рама в купе. За напарником, возможно, следили из Центра, выбирая лишь момент устранения. Улита сделала дело и спрятала рожки... В первый сеанс связи, на даче, работал тот же дежурный – этот голос не забыть. О нем ничего неизвестно – молодой он или старый, выносливый или слабый, но известен теперь его голос. Известно теперь даже его очередное дежурство. Чтобы его расколоть, надо сообщить ему ложный адрес и наблюдать со стороны. А потом связаться с куратором.

Глава 6

Областная администрация гудела, как осиное гнездо. Каждый норовил пройтись по даче губернатора, начиная от секретарей-операторов и кончая слесарем дядей Колей – его держали в подвале как знатока подвальных коммуникаций. Гудели все кому не лень, включая тех, кто вывел Политика «на магистральный путь развития», – Смаковский, Мальковский, Рябоконь, а также Рапп, известный как Сухофрукт. Собрались незваные, скалят зубы. После выборов губернатор закапризничал было, строгость на себя напустил – в порядке очереди! Будьте добры!

Но «квартет» не обиделся: он понял, что это всего лишь головокружение от успеха. Рябоконь нынче опять скалил зубы:

– Здоровье у человека одно, надо им пользоваться обдуманно...

– Прекрати паясничать! Тебе здесь не овощная база!

Банкир Рапп раскинул руки, призывая к спокойствию:

– Действительно, мы не на базе... Евгений Васильевич всё понял и больше не будет...

Губернатор подобрал губы. Сказать, что он обязан квартету, – значит, признать себя пешкой в чужих руках. Но если гнуть прежнюю линию – не жди хорошего. Конечно, он

больше не будет. Пусть лезут теперь хоть толпой к нему в кабинет – про них же потом и скажут: дорвались до власти, двери ногой открывают. А ведь решили же, что лучше лишний раз пыль в глаза пустить, чем лезть напролом. Лучше так, чем начнут судить да рядить про бюджетные деньги, про административный ресурс...

Мальковский заведовал рыбным промыслом: разводил карпов, нагуливал жир... Так нет! Прилип как банный лист к жопе. Другое дело – Смаковский. Этот господин с началом приватизации прихватил основные рестораны города. А по сути – трус. Вот и сегодня: сидит, дрожит, как студень. Но предложи ему выйти из игры – покрутит пальцем возле виска, начнет козни строить. Хороши друзья! Нет предложить бы дельный совет, а они в хохот.

Рябоконь не унимался:

– Так и подписал? Леший?!

– Он еще спрашивает...

– Плохо дело, Васильич...

Безгодов разлил коньяк по рюмкам. Дался им Леший! Не сегодня-завтра Тюменцев притащит это чудо природы. Посмотрим, как тот запоет.

Мальковский вдруг усомнился:

– Может, порубить все связи и сидеть, не дыша. Что мы там не видели?

– Покупателей, – напомнил губернатор.

– Клиентов, – уточнил Сухофрукт.

В данный момент он соглашался с доводами Политика. Новое дело лишь вначале кажется глупостью, однако стоит раскинуть мозгами, как сразу понимаешь, что самыми надежными фирмами бывают лишь те, что торчат под носом у «интересных» учреждений.

Безгодов, развалившись в кресле, ловил информацию. Полезно бывает послушать компетентного человека. С пьяных глаз банкир мог брякнуть что угодно – только слушай. Но тот замолчал.

Рябokonь между тем вернулся к старой теме:

– Это какую силу надо иметь, чтоб сучком пропороть... Да еще приписал, чтоб в лесу прибрались... С чего бы?

– Я вот о чем думаю: не южные ли наши друзья наступают на пятки.

Но Сухофрукт его успокоил:

– Воображение, смотрю, разыгралось... Поймают Лешего, тогда и рассуждай. Вопрос с Тюменцевым будет решен – замом пока назначат...

Безгодов посмотрел в потолок: на потолке висела просторная люстра. Он указал в нее пальцем:

– Им только и останется, что гадать. Таких путей доставки не существует в природе...

Безгодов наполнил рюмки, все выпили и принялись закусывать, шмыгая носами и чавкая.

Губернаторский телефон на столе мирно тенькнул. Губер-

натор протянул руку, поймал трубку. Слушаю... И поднялся над столом. Это вы хорошую новость нам сообщили... Конечно, ответственно. Но и радостно тоже. Не каждый день встречаемся. Безусловно. Можете не сомневаться: обеспечим на высшем уровне... До свидания, Петр Николаевич.

Политик вернул трубку на прежнее место. Гости ждали, глядя на губернатора.

Первым очухался Рябоконь:

– В чем дело, Васильич?

– К нам едет президент... – Безгодов говорил упавшим голосом. – Сказали, будет знакомиться с жилищно-коммунальным хозяйством в нашем регионе... У нас с этим делом вроде как всё прекрасно. Интересно, кто ему про такое наплёл...

Рябоконь перестал улыбаться.

– Васильич, мы тебе соболезнаем...

Банкир поднял палец кверху:

– Президенты приезжают и уезжают, а мы остаёмся. Усвоили? Одно прошу не забывать: мы хозяева положения...

Безгодов сморщился от этих слов, но промолчал.

– И пусть этот Тюменцев держит руку на пульсе. Все-таки зарплату у нас получает...

Гости вдруг поднялись и, посмотрев на Политика как на обреченного, двинулись к выходу. В приемной стоял Тюменцев, держа в руке картонный рулон.

– Заходи, Сергеевич! – крикнул Безгодов Тюменцеву. –

Что нового?

Тюменцев мялся, держа в руках рулон:

– Иду мимо, а оно висит. У Владимира Ильича на руке. Позвал патрульного, лестницу – еле сняли...

Безгодов распрямил лист. На нем черными буквами было написано: «Губернатор КАЗЁЛ». Если было бы написано слово «козёл», то Безгодов, возможно, не так бы обиделся. А тут – «КАЗЁЛ». Ошибка в слове была умышленной, издательской.

Руки у губернатора дёрнулись, и лист разлетелся в клочья.

– Вот я что с ними сделаю! Оппозиция драная! Что ты можешь об этом сказать?

Губернатор ткнул ладонью в сторону обрывков.

Тюменцев пожал плечами.

– Между прочим, ты мне их должен задержать. Чем быстрее, тем лучше для тебя. Знаешь, кто к нам едет? То-то и оно, что не знаешь. Президент. Так что давай. Шевелись по поводу оппозиции. Надо им показать кузькину мать.

Но Тюменцев усомнился: может, не следует перед приездом? Все-таки мероприятие, народ соберется. Примутся лозунги орать...

Губернатор благодарно улыбнулся:

– Ты это справедливо заметил – выдрать их мы всегда сумеем. Дай время. – Он погрозил в окно кулаком. – Ты мне вот что скажи. – Губернатор наклонил набок голову. – Как у нас дела с этим Лешим? Надо его все-таки поймать. Нечего

ему бегать на свободе. Ты понимаешь?

– Так точно...

– Он считает, что правит здесь бал. Но кто он такой в самом-то деле? Можешь ты мне сказать?

– Затрудняюсь...

– Тогда ступай... Мне тут поработать надо...

Губернатор скосился в сторону мебельной стенки.

Тюменцев простился и вышел.

Безгодов тут же встал, открыл дверцу, достал бутылку коньяка, плеснул в стакан и принялся цедить сквозь зубы. Закусил бужениной, задумался. Что же такое он позабыл? Точно! На завод надо позвонить, исполнительному директору. Схватил трубку и, услышав знакомый голос, вдруг заорал:

– Как не поставили?! Что значит с малым содержанием вещества?! Чтобы завтра же был у меня, иначе я сам к тебе приеду... И подготовь полный отчет... Что значит поздно уже! Ночь впереди – вот и работай! Жду утром у себя...

Губернатор отключил телефон, затем позвонил в гараж, вызвал служебную машину и отпустил секретаря. В сопровождении охраны он прибыл домой, выполз из машины и, махнув обеими руками дежурному сержанту у ворот, скрылся в особняке. Там его встретили: жена Неля, собака Леси, кот Базилио и попугай без имени – эту птичку еще не успели назвать.

Шотландская овчарка кинулась в ноги хозяину, но тут же отошла, поджав хвост и виновато оглядываясь.

Госпожа Безгодова, одетая в мягкий халат, подставила супругу щеку – для дежурного поцелуя.

– Евгений. Опять ты сегодня...

– Работа, милая...

– Иди в ванную, если хочешь. Ужин в духовке. Ждали тебя, а ты вон как. Мама звонила только что. Просила, чтоб позвонил.

– Хорошо, позвоню...

Переодевшись в халат после ванной, губернатор сел в кабинете за письменный стол и набрал номер дачи. К телефону долго не подходили.

– Здравствуйте, Варвара Филипповна, – наконец сказал он, услышав тещин голос. – Как ваши дела? – Приходилось в последнее время говорить с ней на вы. – Как кто? Зять ваш, Безгодов. Как это нет никаких зятьёв?! Ну, ладно. Кладите трубку. Я понял, Варвара Филипповна. Кладите. До свидания. Отдыхайте. Потом разберемся...

Безгодов сжал рукой трубку и запустил в стену. Аппарат развалился пополам. Хозяин дернулся телом: разорвать обеих, тещу с дочкой, – только и осталось.

– Пьяная в стельку...

– Кто?

– Вот этого вот только не надо!

– Чего?

– Не надо прикидываться... Она же ни тятю, ни маму...

– Успокойся, Женечка. Это же наша мама... Какие бы они

ни были, они же наши родители. У тебя тоже есть...

– Они не лакают без меры!

...Ночью Безгодов вставал с постели, отправлялся на кухню и пил минеральную воду: его мучили кошмары. Окруженный свитой, Президент то приближался к губернатору, то вновь удалялся. Потом совершенно исчез из вида, погрозив пальцем.

Уснуть удалось только под утро. Не успел уснуть, как жена тычет в бок:

– Храпишь что-то больно уж...

Сон как рукой сняло. Губернатор долго опять не мог уснуть. Лежал, пялясь на играющий в окна рассвет. Сместил веки, и тут загудел будильник: пора вставать. Пришлось подниматься, пить кофе и вызывать машину.

На работе в приемной уже находился исполнительный директор. Взглянув для приличия в отчет, Безгодов непонятно вздохнул и отпустил несчастного: они потом встретятся, а пока губернатору некогда. Затем дал указания секретарю: его нет ни для кого, телефоны должны быть отключены.

Губернатор быстро вернулся в кабинет, отпер потайную дверцу, вошел в комнату отдыха и, сбросив галстук, со вздохом повалился на заветную кровать.

Через минуту в помещении раздался храп.

Глава 7

Таксист без проблем доставил Михалыча к дому. И даже помог занести коробку. Михалыч нес контейнер. Мать никогда не видела его в такой форме и теперь во все глаза следила за ним. Вот сын расплатился с каким-то мужиком, и тот вышел из дома. Вот мужик снова вернулся, поставил у порога коробку.

– Чуть не забыли...

Таксист улыбнулся и, попрощавшись, уехал.

Михалыч снял китель, рубашку и стал умываться. Хотелось смыть начисто груз городских проблем. Возможно, прямо сейчас бедного полковника уже сушили бы в муфельной печи, чтобы затем истереть в порошок и расфасовать в мешки с органическим удобрением.

До этого, впрочем, дело пока не дошло. Надо поужинать, собраться с мыслями, отдохнуть.

Матушка накрывала на стол:

– Может, выпьешь?

– Не откажусь...

Поужинав, он прилег отдохнуть. Погибший напарник не выходил из головы. Следовало еще раз связаться с Центром, но только не тем телефоном, что лежал в контейнере. Михалыч достал из кармана свой старый и набрал сообщение:

«Шлите замену. Никита».

Через минуту пришел ответ: «Вопрос решается».

Данный ответ его не устраивал: слишком уж как-то спокойно ответил Центр. Один человек погиб, второй находится под колпаком, а им наплевать. Что-то здесь было не так. Возможно, у Центра была другая информация, либо там хитрили, не доверяя Михалычу. В таком случае телефонный звонок в отдел полиции на транспорте не повредит.

Он набрал номер. Однако разговор с оперативным дежурным не развеял сомнений: дежурный наотрез отказался признать, что в прибывшем из Москвы поезде обнаружен труп.

– Кто вам об этом сказал?! Не было никакого трупа! – ерепенился он. – Кто вы такой, чтобы я вам доказывал!

Звонок в скорую помощь подтвердил доводы дежурного. Оказывается, бригада на железнодорожный вокзал выезжала, но вызов оказался ложным.

Опаньки!.. Картина Репина «Приплыли» – всю ночь гребли, а лодку отцепить забыли. Не мог покойник выпрыгнуть из окна и убежать в неизвестном направлении, если ему в этом деле не помогли. Помогли, не помогли... От этого суть не меняется: напарник мертв, в этом ему точно помогли, безусловно... Матушка, Анна Егоровна, выйдя замуж вторично, стала Аникиной... Вот и славненько. Через нее вряд ли можно наткнуться на Тольку Кожемякина.

Дремота между тем вконец одолела. Наплывали косматые горы, лесистые дебри; тропка вилась меж сосен, а вдоль нее

зиял глубокий провал – с домами и огородами по низу. Потом загремели ворота. Собака заливалась от злости.

За окнами – тьма. Михалыч поднялся, отвел занавеску от косяка: виден был лишь тополь и угол забора.

Грохот вновь повторился, потом шевельнулась чья-то мужская спина. Да он же на ногах не стоит. Ошибся адресом, дяденька...

Мужик не думал уходить. Обняв ограду, он положил на нее голову. Ничего не поделаешь, устал. Сейчас он отдохнет и, если не ляжет вдоль городьбы, ускребёт тихонько домой.

Не тут то было. Поздний гость вскинул голову и дернулся к воротам.

Михалыч вынул из сумки пистолет – и во двор. Только бы это не была приманка. Вдруг его решили поймать на живца, установив адрес?

– Кто там?

– Открывай... Когда бы к вам не пришел, всегда у вас на замке...

Михалыч приоткрыл ворота: снаружи стоял взлохмаченный тип. От него несло недельным перегаром.

– Я вас внимательно слушаю...

– Ты не узнал меня, что ли?

– Но ты же не Папа Римский, чтоб тебя узнавать!

– Чачин я! Лёшка! Эх, друг...

Неужели тот самый Чачин? Приедешь, бывало, а у него навигация... Теперь, судя по всему, отплавал гусь.

Друзья обнялись, пошли темным двором. Чачин спотыкался во тьме.

– Свет, что ли, перегорел у вас?!

– Обожди...

Михалыч нащупал в сенях кнопку выключателя. Пистолет тускло блеснул в руке. Чачин деланно замычал:

– У-у-у... Может, я позже зайду?

И поднял руки до уровня плеч. Сквозь пелену похмелья до него, вероятно, дошло: друг служит в полиции, потому и пистолет.

Войдя в дом, Чачин огляделся по сторонам. На вешалке темно-синий китель с полковничьими погонами, фуражка.

– Дошло до жирафа! – Чачин улыбнулся. У него не было двух верхних зубов.

– Что у тебя с зубами?

– К палубе как-то прилип – они и выпали! Был, что ли, в деревне?

Мать опередила Михалыча:

– А как же! В первую очередь!

– В таком случае – за встречу...

Гость полез за пазуху, вынул бутылку «Сибирских Афин».

Друзья сели к столу. Мать достала из холодильника копченых чебаков, принесла из сеней огурцов, нарезала хлеба.

– Давай с нами, тетя Аня!

– Нет, я не буду, а вы сидите.

...Шел первый час ночи. Было приятно видеть товарища. Алкоголизм можно вылечить, а зубы – вставить. В остальном Чачин был прежний.

– Ты всё там же, в Москве?

– Скоро год, как в Сибири.

Михалыч скользнул глазами в сторону матери. Та согласнo качнула головой. С полуслова понимает старушка. Пойдет молва по соседям: приехал, да не оттуда.

Михалыч вынул удостоверение и протянул Чачину. Тот раскрыл и взялся читать вслух:

– Полковник юстиции Кожемякин Анатолий Михайлович... Старший следователь по особо важным делам УМВД по Новосибирской области... Владельцу удостоверения разрешено хранение и ношение табельного огнестрельного оружия.

Михалыч тем временем сочинял:

– В командировку приехал. На две недели послали...

Чачин принялся на глазах хмелеть. Его вдруг повело в сторону, табуретка подкосилась, гость брякнулся на пол и захрапел. Михалыч кинулся поднимать, но мать остановила:

– Он частенько так. Хлоп на пол и спит.

– Ударился, может...

– Привык...

Мать надела поверх халата старенький пиджак и отправилась на двор. Там у нее кровать в избушке. Михалыч проводил ее, затем, выключив во дворе свет, вернулся в дом и сел

к столу.

Початая бутылка водки стояла сиротой, но пить не хотелось. Разве что ельчика с чебачком ущипнуть?

Съев парочку, насторожился: кто-то стоял теперь за окном: прошедшая по улице машина блеснула фарами, высветив фигуру.

Михалыч подобрал под себя ноги – и бросился в русскую печь. В тот же миг брызнули оконные стекла, град осколков ободрал кухню, погас свет. На полу – было слышно – в смертельной истоме ёжился Чачин. Ему Михалыч не смог бы помочь, даже если бы кинулся и накрыл своим телом – от удара гранат было бы теперь два трупа.

Бульканье крови и хрипы затем прекратились. По отсветам было видно, что в дом через окно светят фонарем.

«Только бы не полезли внутрь, потому что в печи лежyя, – звенело у Кожемякина внутри. – Я не успею достать оружие... Контейнер – в подвале, пистолет – в столе, мать – в избушке. Только бы она не вздумала идти в дом...»

С улицы залпом ударили из множества стволов. Возле головы били в плотную печь словно ломami. Но печь держала удары, пули вязли в ней.

Стрельба вдруг прекратилась. По стене прыгал свет. Надо уйти в подвал – ногами вперед.

...Михалыч сидел в подвале. Над головой хрустели стекла, слышались голоса:

– Вот он лежит! Видишь?!

– Но этот обросший, а говорили, что бритый...

– Он это! Леший!

– А где мать его, лешачиха?

– Нам ее не заказывали... Контрольный в голову – и по коням.

Раздался выстрел. Захрустело стекло. Взревела снаружи машина, и наступила тишина.

Михалыч поднял над головой крышку: в сумерках зияло разбитое окно. Рядом лежал Чачин. Матушка, скорее всего, тряслась в избушке, вспоминая всех богов.

Михалыч открыл дверь и вышел в сени.

– Сынок...

Мать стояла перед ним, блестя в полумраке глазами.

– Сиди, мама, в избушке... Запрись на крючок...

Михалыч вернулся в дом. В темноте натянул на себя форму, вышел из дома на улицу. К темным стеклам в соседних домах прилипли перепуганные лица. Пусть смотрят. В темноте они разглядят лишь человека в мундире.

Пистолет у Михалыча лежал в правом кармане кителя. Патрон в патроннике. Снимай одним пальцем с предохранителя – и стреляй, не вынимая «машинки». Противник удивиться не успеет, как получит пулю.

Подойдя к зданию администрации, он заметил за углом полицейский мотоцикл желтого цвета. Оказывается, этот цвет был еще в моде в здешних местах. Ключ торчал в замке

зажигания. Заводи – и пользуйся на здоровье.

Михалыч включил зажигание и стал заводить мотоцикл. Нога сорвалась, больно ударившись о рычаг. Михалыч продолжил заводить, но у него это как-то не выходило: нога словно липла к рычагу... Странно. Почему рычаг прилипает к стопе?

Из-за угла вышел сержант – Михалыч неделю назад едва не отправил его на тот свет. Едва – не считается. Сержант живее всех живых – вытянулся по струнке, отдает честь и улыбается:

– Заплатите мне, чтоб я поддакивал...

Умный, бестия...

И тут Михалыч проснулся: нога застряла между прутьев кровати и сильно болела. Луна светила сквозь тюлевые занавески. Михалыч поднялся и пошел в прихожую, еще не веря, что это был сон. Мать спала на боку, свернувшись калачиком. Стол чист, а русской печи нет и в помине – вместо нее здесь кирпичная плита. Слава богу! Жив, значит, Чачин.

Мать повернулась в кровати:

– Стонал ты сильно, Толя... Приснилось, видать, что-нибудь...

Михалыч взял со стола бутылку минеральной воды, распечатал:

– Приснилось...

– Зверячья у вас работа...

– Для кого как.

Михалыч глотнул воды. Мать продолжала на ту же тему:

– Все нервы себе измотал... Чо видел-то хоть?

– Войну...

– Все воюешь?

– Куда от нее деться...

– Бросай! Жениться давно пора!

– Не переживай.

– Ну как мне не переживать? Ты же мой сын.

– Вот и не мучь меня. Если спросят, знаешь ли полковника Кожемякина, скажи: не знаю такого, никогда не слышала. У меня, мол, другая фамилия. Спросят паспорт – сунь им в рыло...

Михалыч вернулся в постель, но долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок. Проснулся поздно. Настроение мерзопакостное. Сны не бывают напрасными. Они имеют под собой материальную основу – как в том случае, при проведении первой в жизни спецоперации. В квартире находилось тогда двое агентов, поджидали хозяина – о нем плакал заочный приговор. Михалыч ночью уснул, по очереди, и видит во сне: в комнате сидят трое мужиков – Михалыч смотрел на них откуда-то сверху, словно с божницы.

Мужики сквозь зубы говорили между собой:

– Мы войдем туда просто...

– Как же?

– Подойдем к двери и скажем: «Вам письмо». Они спрося откроют – остальное дело техники...

Квартирный звонок разбудил моментально. Михалыч прильнул к «глазку»: на площадке за дверью стояли двое.

– Вам письмо!

Напарница выскочила из другой комнаты, дернула дверь, натягивая цепь, – быков сажать на такую цепочку.

– Ну! Давайте же...

Гости таращились на «бычью» цепь. Напарница теребила от нетерпения цепочный карабин, собираясь вынуть его из паза и открыть дверь. Но Михалыч прижал ей пальцы вместе с карабином, пихнул от двери. Мужикам лет за тридцать, рожи дубовые, руки – за спинами.

– Что за спешка?

– Извините, ошиблись...

Гости скользнули к подъезду.

Закрыв дверь, Михалыч метнулся на кухню, прильнул к стеклу. Из подъезда выпали двое. По пути к ним присоединился еще один – из-за тополя. Только тут Михалыч вспомнил сон и с тех пор стал в сны верить. К делу о заочном приговоре троица, впрочем, не имела никакого отношения – оказалось, это был всего лишь банальный наезд на богатенькую квартиру.

...Слушателей отбирали по какой-то особой программе. Никто не знал, для чего весь этот сыр-бор. Знали одно: работа обещает быть интересной. И Кожемякин выдержал испытания.

Казалось, их отбирают для работы за границей. Вероятно, у закрытого ведомства возникли трудности с кадрами, вот оно и решило подобрать для себя кадры в МВД. На деле оказалось иначе: родное министерство подбирало кадры для себя самого. Об этом стало известно, когда было предложено подписать новый контракт – о неразглашении сведений. Михалыч клялся во всем, обещал всё, что от него требовалось. Другая сторона не обещала ничего. Она гарантировала лишь пулю в случае предательства. И это выглядело нормой. Как же иначе-то? Каждый из слушателей готов был поступить в лучших традициях якудза – откусить язык и умереть от потери крови.

Их разбили на мелкие группы и готовили в разных местах. Разъехавшись после учебы, они никогда встречались. Не для того их обучали, чтобы устраивать шумные именины по поводу окончания школы. После учебы Михалыч оказался в Москве и, не встретив там ни одного сокурсника, сделал вывод: в стране существует либо несколько «центров», либо он оказался наиболее подготовленным. Остальных «послушников» могли распределить в рядовые подразделения, взяв еще одну клятву о неразглашении... Тогда этого было достаточно. Сейчас – нет! В городе может оказаться такой же, как и Михалыч. Если он работает против, будет трудно. Главное – не показывать, что хочешь ударить. Ошибаться вот только не смей, чтобы не пострадали безвинные, потому что ты не медведь на пасеке.

Михалыч поставил перед собой контейнер, разложил пополам и стал набирать на замке дату рождения напарника.

«Если бы дежурный связист был предателем, он не сообщил бы этих данных», – дошло вдруг до Михалыча. Замок слабо щелкнул. Вторая часть контейнера открылась.

Глава 8

Полковник ФСБ Серебров прибыл в областное УВД к генералу Сухову. Их обоих с некоторых пор связывала общая проблема – борьба с терроризмом. Циркуляры из Москвы предписывали бороться со злом всеми доступными средствами и, конечно, сотрудничать обоим ведомствам. Им было о чем поговорить.

– Товарищ генерал, насколько я понял, вы обеспокоены проблемой исполнительной власти в нашем регионе. Данный вопрос мы тоже изучаем. Нам известно, что за люди пришли к власти. Известно, кто за этой властью стоит.

– Нас интересует общественный порядок и борьба с преступностью, особенно организованной. Город Северный вне нашей юрисдикции – там своя полиция. Впрочем, зачем я вам это рассказывать. Вы лучше меня знаете, о чем идет речь. По моим сведениям, администрация области заинтересована в том, чтобы начальником УМВД стал другой человек. Я не о себе беспокоюсь. Но я родился в этих краях, и мне не безразлично, какие люди будут жить здесь через какое-то время. Вместо меня планируют поставить Тюменцева, начальника одной из служб нашего управления. Он никогда не занимался ни розыском, ни следствием. Они нашли каналы в Москве, через которые думают проверить это де-

ло. Мне уже навязали его в заместители.

– Меня удивляет тот факт, что на поимку Лешего был брошен ОМОН. Они чесали тайгу двое суток – при том что подозреваемый, как видно, липовый. Может, я ошибаюсь, Игорь Моисеевич?

– Слишком уж быстро оказались на месте наши орлы. Получается, Физик еще только думал искупаться в реке, а Иванов с Гущей уже подъезжали к деревне...

На столе у генерала прозвенел телефон. Сухов поднял трубку:

– Генерал Сухов!

Говорила Москва. Планировалась поездка Первого в область. Надлежало собрать все силы для проведения мероприятия. Дата прибытия не обозначена.

– Понятно.

– Кстати, у вас проходит службу подполковник Тюменцев?... Как он? Тянет? Как вы можете его характеризовать?

– Пройдоха и горлохват! – Генерал назвал вещи своими именами. – И погоняло у него соответствующее: Фаворит! Как у лошади на скачках! Вы это хотели от меня услышать?!

Сухова трясло. Не каждый день приходится давать подобные характеристики.

А в Москва – голос министерского клерка – продолжала:

– По вашему управлению будет принято кадровое решение. Я всего лишь уполномочен довести до вас информацию, так что мне безразлично, кто он на самом деле, этот Тюмен-

цев. Я передам ваши характеристики. Однако вы должны сообщить о нем более подробно.

– Сообщим, не беспокойтесь.

В министерстве положили трубку.

– Вот и всё, ребята, – генерал усмехнулся. – Скоро на этом месте будет сидеть другой человек. Кто-то сильный тянет его в гору...

На часах было еще только одиннадцать. О чем говорить полковнику с генералом, которого скоро вышвырнут за борт, как выбрасывают балласт, ненужную вещь...

– Коньяк? Водка? Джин-тоник? – спохватился генерал.

– Не беспокойтесь. Если можно, чашечку кофе, без сахара.

Генерал нажал одну из кнопок у себя на столе:

– Машенька, пару крепкого кофе, пожалуйста. Без сахара...

Полковник Серебров молча выпил свой кофе, поставил чашку на стол.

– Благодарю вас, товарищ генерал.

– На здоровье, полковник. Как видите, мои худшие опасения подтверждаются. Скорее всего, я не стану бороться. В нашем деле это бесполезно.

– Может быть, вы правы, но я бы попробовал.

– Они хотят здесь рулить на всю катушку. Теперь им никому будет мешать.

Генеральский пульт вновь зазвенел.

– Слушаю. Сухов...

– К вам на прием Тюменцев.

– Я занят. Что у него?

– По поводу каких-то мероприятий.

– Пусть подождет.

Серебров поднялся. Приятно было побеседовать

Генерал встал из-за стола, подал руку. Полковник вышел из кабинета. Почти сразу же дверь вновь открылась, в кабинет вошел Тюменцев и – шкура бесстыжая – принялся ходить вокруг да около.

– Что вам нужно?

Что нужно подполковнику? Он по поводу службы. Необходимо решить вопрос о передислокации отряда полиции. Здание старое, ветхое, – того и гляди развалится. Второе – экипировка. Парни требуют зимнюю одежду. В том-то и дело, что летом только и просить зимнюю, потому что зимой не допросишься. Вот он какой добрый начальник: печется о подчиненных, отец-командир.

И добавил решительно:

– Мало ли что. Вдруг, скажем, первое лицо государства в область пожалует.

Генерал удивленно взглянул на Тюменцева: каков пронира! Выходит, узнал из других источников – тех, что выше генеральских. Это лишь убеждает, что Тюменцев – слуга двух господ... И нашим и вашим. Из полиции с треском выперли, потом восстановили. УВД выплатило «опальному» май-

ору утраченную зарплату, возместило моральный вред. Позиция истца была проста, как одуванчик: стоял, никому не мешал, а они пришли, растоптали, всю жизнь сломали. Уголовное дело? Так это когда было?! Да и прекратили его за недосказанностью. Точнее, за отсутствием состава преступления. Никому Тюменцев не должен: чист, как слеза младенца. Сказал в суде и не засмеялся. Будто не было задержания с поличным при получении взятки, не было скороспелых признаний, сделанных в надежде на снисхождение. Если бы не ошибка оперативников, сидеть бы ему в колонии строгого режима на Среднем Урале. Ошиблись оперативники, поторопились. Понятых по привычке из задержанных взяли. Они и раньше так поступали. Где их взять среди ночи! А взятка – вот она. На этом недостатке обвинения и была построена защита.

Теперь взяточник стоял перед Суховым, смотрел в глаза и не отворачивался. Он близок банкиру Раппу – по прозвищу Сухофрукт, а еще – губернатору Безгодову по кличке Политик.

Генерал махнул рукой: потом с вашими вопросами – лишь бы не видеть проститутку. Тюменцев развернулся и вышел.

Генерал открыл дверцу комнаты отдыха, вошел внутрь. В небольшой комнате с одиноким оконцем стояла кровать-односпалка, письменный стол, тумбочка, небольшой сейф и шкаф с антресолюю.

Генерал открыл сейф, внутри лежал небольшой писто-

лет. На затворе было написано: «Für Freundschaft. Ost Deutchland» – За дружбу. Восточная Германия. Пистолет хоподил руку. Взвесив его на раскрытой ладони, генерал обтер металл куском чистой белой материи, положил в карман брюк. Взгляд его ударился в зеркало – тоска и уныние сквозили с лица. С чего бы? Не пугайся, Гоша, потому что всему свое время. Он подошел к шкафу, открыл дверцу. Надел генеральскую фуражку, поправил на рубашке погоны и вышел. В кабинете он подошел к столу, выдвинул ящик, приподнял бумаги: под ними лежало несколько купюр по сто рублей. Взяв деньги, он положил их в нагрудный карман рубахи.

Секретарь, заметив на начальнике фуражку, спросила:

– Машину, товарищ генерал?

– Не требуется... Я здесь. Рядом. Пройдусь по управлению...

Сухов удивился. По управлению? К чему теперь-то?!

Он вышел через проходную, отдав первым честь дежурному старшине. Тяжелая дверь хлопнула у него за спиной.

Пусть народ смотрит на полицейского генерала, который теперь никому не обязан, – он совершенно свободен. Елки-палки, отставка – не так уж плохо. Можно на рыбалку ходить, по грибы...

За перекрестком он сел в трамвай и долго ехал на окраину города. На конечной остановке он вышел. Тут же, в ларьке, купил бутылку водки и копченую горбушу. Ему завернули ее в бумагу и положили вместе с бутылкой в пластиковый

пакет. От магазинчика – напрямик туда, где его, конечно, не ждали, – мимо частных домов. Здесь никогда не было асфальта. Подошел к просторному дому, услышал за воротами лай собаки и нажал кнопку звонка.

За воротами тут же раздался женский голос:

– Иван! Иван! Кто-то пришел! Иди, открывай...

Ворота открылись. Перед Суховым стоял в милицейской рубаше Иван.

Генерал отдал честь:

– Здравия желаю, товарищ старшина...

– Гошка! Дружище...

Они обнялись.

– К тебе можно?

– Он еще спрашивает...

Иван щурился, глядя на пакет в генеральской руке. Пакет и лампасы как-то не вязались друг с другом.

– На пенсию меня провожают, Ваня.

– Я давно говорил: плюнь и живи себе, Гоша... Всех, извиняюсь, не переловишь...

...Полковник Серебров сидел у себя за столом. До конца рабочего дня было еще очень много времени. Прибыв в учреждение, он вызвал одного из сотрудников и велел принести оперативную разработку по некоторым лицам. Он не хотел называть их гражданами. Политик, Сухофрукт, Ресторанный деятель... Теперь им понадобился Тюменцев. Им

нужно прикрытие. Значит, готовится преступление. Оно может быть длящимся. Это может быть определенный вид занятия, приносящий стабильный доход. Политик пришел во власть не ради голой политики, не ради одной лишь славы. Он прагматик и не может верить в такие ненадежные категории, как слава. Она сама по себе никому сейчас не нужна. Он по-прежнему хочет денег! Как можно больше!

Глава 9

Генерал с Иваном сидели за столом. Сухов вздыхал, хлопал хозяина по щуплой спине.

– Ваня-Ваня, как жизнь наша быстро прошла! Может, это не мы таскались в патрульной машине по городу? Помнишь?

Еще бы не помнить! Он помнит, как Сухов вытащил его из горящего дома, помнит, как старшина тащил сержанта Сухова через весь город, среди ночи, – ни транспорта, ни телефона, ни рации под рукой...

– А помнишь, Ваня, как я вызвал опергруппу из РОВД, потому что труп обнаружился?

– Они приехали, а там манекен разбитый. «Ты, говорят, хоть подходил к нему?»

Иван наполнил рюмки:

– Никогда бы не подумал, что сержант Сухов станет генералом. Но ты поступил учиться, и теперь ты генерал. За тебя...

Рюмки вновь звякнули. Хмель не брал генерала. Он правильно поступил, бросив дела и купив бутылку. Жена у Ивана не захотела сесть с ними за компанию – вы товарищи, у вас общие дела, – и ушла с девочкой-подростком в зал. Брак у Ивана поздний. Не скоро его порадуют внуками.

Сухов хлопнул себя в колени. Пора и честь знать. Можно

рыбалкой заниматься, по грибы ходить.

Иван соглашался. В грибах он разбирается не хуже других, в рыбалке тоже. Можно шашлыки на природе организовать. И всё равно не понятно, чтобы Сухова, принципиального мента, увольняли за просто так. Он вырос из рядовых, знает всю полицейскую кухню.

Угасал закат, по-летнему долгий. Пора. Сухов поднялся. Из зала вышла хозяйка.

– Прощайте, хозяева дорогие...

– До свидания. Только до свидания.

Иван собрался проводить.

Оба товарища вышли за ворота и двинули в сторону трамвайных путей...

– Прощай, Иван, – вновь сказал Сухов.

Иван удивился. Он слов других, что ли, не знает? Однако не стал поправлять генерала, собираясь сесть в трамвай и проводить до самого дома. Но бывший сержант воспротивился – не надо никого провожать.

Они обнялись.

Из-за угла, скрипя, выполз трамвай. Генерал отдал Ивану честь и, развернувшись, поднялся в салон. Изнутри он махнул товарищу и встал к окну. Было множество свободных мест, но Сухов по старой привычке не желал садиться. На очередной остановке в трамвай вошла девушка, сущий цветочек, и в вагоне раздался безудержный хохот: какой-то парень, подставив ногу, придержал ее в проходе, а та, багровея,

пыталась перешагнуть. Колено вскинулось кверху, застряв у нее между ног, – хохот вновь разодрал тишину. Девушка взвизгнула, вырываясь из цепких объятий. Освободив руку, она отвесила наглецу оплеуху.

Пассажиры уставились в сторону Сухова: тот шагал вдоль салона.

– Прекратите!

Смех оборвался. Девушка выскользнула, метнулась к выходу и замерла, а парень разинул рот. Ой, как интересно! Живой генерал!

Как видно, ему нравилось быть объектом внимания. Сухов искал глазами девушку – она нужна следствию.

Трамвай остановился. Сухов дернулся к ней:

– Не уходите, девушка!

Но жертва недавнего произвола, уже стучала каблуками по асфальту. Сухов обернулся к компании:

– Вы что себе позволяете! Вам что здесь? Цирк?

– Да пошел ты...

Генерал не верил своим ушам, рука у него опустилась в карман.

Парень взвизгнул удавлено:

– Чё те надо?!

– Встать! К выходу!

Сухов вынул из кармана пистолет, передернул затвор.

Парень поднялся, продолжая вопить:

– Говорил вам, лошары, на «Мерсе» ехать надо!

Окруженный толпой перезревших парней, Сухов вывел из трамвая хулигана.

– И что ты нам сделаешь? – тот вызывающе смотрели в лицо генералу.

– Ты задержан.

Парень выхватил из брюк узкую полоску металла:

– У него зажигалка!

– Стоять...

– Получи, сука!

Полоска блеснула, вошла под левый сосок, и в этот момент «зажигалка» откликнулась пламенем.

Уцепившись руками в промежность, парень сложился пополам.

Сухов опустил колени на асфальт – ноги его не держали. Затем лег на бок. По груди струилась теплая жижа. Генерал трогал рубаху, утирал о лампасы руки. Нож торчал в груди. Если не вынимать, то скорая может успеть.

– Свихнулся ты, дядя! Что ты наделал!

Сверху склонился один из парней, цепляясь за ручку ножа.

– Не трогай...

Но парень со скрипом повернул нож, вынул из груди и бросил на асфальт. Из сердца теперь была наружу ни чем не сдерживаемая кровь...

В дежурной части УВД раздался звонок. Мужской голос

торопил приехать. Бригада прибыла в считанные минуты и, обнаружив на асфальте собственного начальника, сообщила о случившемся в следственный комитет и прокуратуру. Место происшествия оцепили. Прибыл следователь и стал писать протокол. Патрульные машины, снятые с маршрутов, собирали по тревоге личный состав гарнизона полиции.

К утру преступление раскрыли. Оперативники установили, что генерал стрелял из именного пистолета. Они обнаружили его зажатым в руке, под генеральским коленом, и вскоре получили результат, обзвонив больницы, – субъект с огнестрельным ранением находится в областной больнице. Им оказался сынок первого банкира области. Сын Сухофрукта. В кругу приближенных его называли Самцом. Прозвище, как видно, нравилось владельцу. Полиции были известны все его похождения, однако сделать с ним ничего не могли. Оперативники зло шутили: «Укоротят Самцу огурец – не с чем на баб прыгать будет... Жаль, генерал оставил ему другое яйцо...»

Между тем было также установлено, что в теле погибшего находилось энное количество промилле алкоголя. Будь он трезв, возможно, этого не случилось бы. И вообще непонятно, как его туда занесло. Живет в другом районе – и на тебе! Да еще на трамвае...

К двум часам дня в УВД приехал Иван и всё расставил по своим местам. Оперативники тут же связались со следователем, и тот немедленно вызвал Ивана к себе.

В кабинете Иван отвечал, не увиливая. Да, выпили. Да, закусили. Для того и пришел, что вместе работали, что друзья были когда-то, напарники...

В кабинет стали приглашать пачками молодых людей.

Опознание, мельтешение лиц вконец надоели Ивану: ловят кого попало и предлагают узнать!..

В УВД тем временем по хозяйственной части шло приготовление к похоронам. Тюменцев сновал из кабинета в кабинет. По лицу подполковника временами блуждала улыбка. Генеральская секретарша не сдержалась:

– Что-то вы улыбаетесь, товарищ подполковник. Всем грустно, а вам смешно.

Тюменцев выкатил глаза. Если он не рыдает, так это не значит, что ему по барабану. Он, может, больше всех страдает – такой у него характер...

Оправдался и вышел из предбанника, твердо решив в будущем избавиться от строптивой секретарши.

Больше всех, и это понятно, переживал Сухофрукт. Всего себя, казалось, отдал единственному сыну. И вот дикий случай! Пьяный ментяра едва не убил парня! Хорошо, сам подох, так что голова не болит теперь – некому кровь пускать, некому мстить, не с кем, на худой конец, проводить очные ставки...

Сухофрукт поставил на уши всю местную профессуру из медицинского факультета, и это дало результат: с «механизмом» у сына вроде будет в порядок. Но сын испытал силь-

нейший шок, так что последствия могут быть непредсказуемыми. Все прибамбасы, сказали медики, будут на месте, а вот запрыгнуть на бабу – это, говорят, лишь в перспективе. Впрочем, сообщил один светило, возможен обратный вариант – от противоположного пола оттащить невозможно будет. Сказал и ощерился в садистской улыбке. Им бы только резать. Яичко пришили, и оно, говорят, будет функционировать; второе – не задето. «Пуля слишком маленькой оказалась», – ухмыльнулся светило. Вот и пойми его – то ли радуется, то ли злорадствует. Смолотил за яйцо кучу баксов и не подавился. Ничего не поделаешь. Микрохирург. Другого такого не сыщешь. Второй костями занимался. Взял наполовину меньше. Третий извлекал пулю из бедра – тот ничего не взял. Молод еще. Практикой своей гордится и тем сыт. Вот его-то и пошлет с сыном за границу Сухофрукт. Ему можно доверять, не подведет. Прошвырнутся по Швейцариям, мозги проветрят, стресс снимут.

Банкиру было от чего переживать. Хлопай теперь глазами, оправдывай подлеца, ссылаясь на полицейский беспредел. Ладно бы, простой оказался, а то ведь сам генерал встретился на пути. Вот и не верь после этого в судьбу. Одно успокаивает: стыд глаз не щиплет. Сухофрукт всех заговорит, запудрит мозги и будет прав: трубку вот только поднять, как СМИ кинутся стаей на мертвого генерала, заливаясь лаем со всех сторон.

Губернатор тем временем оказался в двойственной ситу-

ации: его статус требовал сделать заявление по поводу гибели начальника УВД. Несомненно, вины генеральской в том нет, потому что не тот человек генерал Сухов, чтобы махать пистолетом без повода. Банкирский выкидыш во всем виноват, обкурился, гаденыш, и полез на рожон. Крыша у него давно съехала...

С другой стороны, нельзя заявить, допустим, что Сухофруктов отросток – негодяй, стервец, что таких надо изживать на корню. И губернатор разрешился заявлением:

«Администрация сожалеет по поводу инцидента, приведшего случайно к гибели начальника УВД Сухова и ранению Раппа И.С.»

Получилось дёшево и сердито! Администрация сожалеет, что так нелепо ушел из жизни заслуженный генерал. И волки сыты, и овцы целы. Всегда бы так в природе обходилось – чинно да благородно. И если кого-то загрызли, то по дикой случайности.

И всё бы ничего, не будь газетенки. На ладан, паршивка, дышит, а всё туда же, в обличители:

«...В результате ножевого ранения в область сердца прославленный генерал погиб, скончавшись на месте... С пулевым ранением негодяй доставлен в ОКБ, где ему проделана операция. Ранение затронуло то, что находилось у него в промежности...»

И подписалась под сообщением: «Редакционная коллегия газеты «Городское Предместье». Смелые ребята там собра-

лись. Они ничего не боятся. К тому же, как видно, совсем без руля.

Глава 10

Михалыч перебирал «внутренности» контейнера. Здесь было всё, чтобы существовать в отрыве от Учреждения, – в кармашке лежал простенький мобильник с запиской: «Аппарат имеет роуминг по всей стране, однако пользуйся им, товарищ, осмотрительно и экономно». Непонятно, для чего об этом надо было напоминать. Как видно, ради одной экономии. В соседнем кармашке обнаружилась пачка денег в иностранной валюте: американские банкноты достоинством в сто баксов. Кроме денег и мобильного, было множество всякого добра, рассованного по карманам: пара приборов ночного видения, аппарат для прослушки и радиосвязи, а также ноутбук.

Судя по экипировке, напарник не был прост. Пусть земля ему будет пухом. Он ехал работать всерьез. Возможно, он располагал дополнительной информацией о регионе, которую хранил в памяти. Не его вина, что не донес он ее по назначению. Здесь находилась лишь информация о внутреннем устройстве области, об управленцах. Чемодан без полных данных казался пустым, но ведь должны же быть дополнительные сведения о людях. Кто стоит за сценой и дергает невидимые веревки? Не могло Учреждение обойти стороной этот край. В противном случае здесь оставалось темное пят-

но, пустота, через которую просто так не пробиться.

За оградой мелькнула чья-то фигура.

– Почтальонка пришла, – сказала на кухне мать. – Газету принесла...

Газета – это хорошо... Всё хоть какая-то информация...

Михалыч вышел к почтовому ящику – в нем лежала тонкая газетёнка. Он тут же ее развернул и начал просматривать: на первой полосе в правом верхнем углу помещалось в траурной рамке лицо человека в мундире генерал-майора. Прошел службу от рядового – до начальника УВД... Вот и еще одного постигла неудача. Надо бы съездить, проводить...

Назавтра он сел в автобус и отправился в город в форменном облачении. Одежда у него уж «привыкла» к телу, а глаза уверенно смотрели из-под козырька. Новые звездочки сверкали на погонах и притягивали глаза малочисленных пассажиров. Среди них особенно выделялись пятеро – в полицейской форме. Здесь оказались и старые знакомые – оперативник Иванов с дежурным сержантом по фамилии Гуца. Они в упор не видели в Михалыче беглеца. Разговор сам собой потек – из пустого в порожнее. Группа ехала в город на похороны начальника УВД, оставив на хозяйстве дежурного старшину. Михалыч выглядел для них «старшим братом», прибывшим в поселок для решения вопроса по уголовному делу. Такое бывает довольно часто, когда нужно выехать в

другой регион, чтобы лично убедиться в чем-либо. Полицейские, особенно Гуца, обещали помочь полковнику – надо лишь возвратиться в поселок. Ведь они местные, им всё тут знакомо. Найдется и транспорт. В наличии имеется несколько единиц. Мотоцикл, моторная лодка и даже микроавтобус. Михалыч их не тянул за язык – сами рассказывали.

От вокзала, словно до этого работали в одном коллективе, они отправились гурьбой в управление. У гроба стоял караул, на стульях сидели две женщины – пожилая и молодая, в черных платьях. Люди подходили, стояли у ног покойного и выходили наружу.

В первом часу гроб с телом подняли и вынесли во внутренний дворик. Постояли немного, вновь подняли и понесли со двора. Грянул оркестр. Какой-то подполковник метался вдоль колонны, словно бы налаживая порядок движения, хотя исправлять было нечего.

Михалыч вслух удивился:

– Кто это?

– Тюменцев... – Иванов холодно смотрел в сторону подполковника. – Говорили, со временем станет начальником управления... Теперь точно им будет... Фаворит...

На кладбище говорили скромные речи, ни словом не упоминая об обстоятельствах кончины покойного. Человека словно муха заразная укусила – и тот моментально угас. Снова играл оркестр, гремя большим барабаном и вздыхая трубами. Гроб закрыли, опустили в яму, принялись торопли-

во закапывать. Вскоре образовался продолговатый холмик. У его основания поставили деревянный крест с табличкой.

Вдова еще только поправляла венки на могиле мужа, а в просторный автобус уже набились старшие офицеры.

Иванов хмурился в ту сторону:

– Садитесь, товарищ полковник. Сейчас тронется.

– А вы?

– Дома помянем, когда вернемся... Не рассчитывали там на нашу команду...

– В таком случае, если не возражаете, я с вами...

По возвращении в поселок все они, включая дежурного старшину, а также двоих участковых, собрались в кабинете оперуполномоченного. Участковых звали Молебнов и Богомолов. Иванов резал колбасу, сержант Гуца разливал в стаканы водку, купленную вскладчину.

Взяли, конечно, не одну бутылку. Михалыча называли «товарищ полковник» и вновь обещали помочь в сборе материала. Знали бы, сукины дети, кого приютили! Широкая фуражка и «большие» погоны окончательно стерли недавний образ. Тем более что сбежавший тип был кучеряв, бородат, а полковник лыс, как младенец.

Они подняли стаканы и выпили. А потом закусили. Пусть земля будет пухом генерал-майору. Он честно отслужил свой срок...

Разумеется, половинкой стакана не обошлось, повторили,

поэтому вскоре полковника называли Толик, а тот чувствовал себя как рыба в воде.

Хозяин кабинета распахнул настежь окно. Гроздь буро-черемухи тянулись к подоконнику. В случае чего, отсюда можно было скакнуть, уцепившись в дерево.

Чуть позже «эскадрон гусар летучих» находился в состоянии – хоть кол на голове теши. Никто им сегодня не указ. У них поминки.

В этот момент дверь тихо скрипнула, и в помещении образовался худощавый мужик лет сорока – черные волосы, акkuratные усы.

Опер взмыл над столом:

– Иосиф, опять опаздываем?!

Мужик расплылся в улыбке и стал здороваться за руку с каждым. Подойдя к Михалычу, остановился.

– Анатолий Михайлович, – представил его Иванов. – А ты у нас кто?

– Иосиф... Просто Иосиф...

Михалыч протянул руку и сразу узнал его.

– Коркин, – добавил мужик. – Николай Алексеевич.

– Из грузин! – добавил Иванов.

Вокруг рассмеялись.

– На самом деле он русский, – объяснил Гуща. – Его Иванов прозвал Иосифом из-за сходства со Сталиным – в молодости. Настоящий Иосиф. Да, Иосиф?!

– Вам виднее...

– Служил? – спросил Михалыч.

– Так точно. В Социалистической Венгрии... Мог бы еще, но не судьба.

– Расскажи еще раз! – требовал Гуща. – Как дело было?! Ну!

Иосиф заупрямился: сколько можно об одном и том же. Но ему не дали рассуждать, и мужик приступил к рассказу:

– Получил я денежное довольствие, форинты, – и в карман. А жил в офицерском общежитии. Жена в Союзе находилась. Мы до армии поженились. В общем, три года отслужил и на сверхсрочную остался. Меня дома ждут, а я в Венгрии – по второму кругу... Короче, форинты в карман – и в корчму. Стоим с ребятами у стойки, по соточке дергаем, а старый корчмарь глаза пялит. Выкатил шарики и смотрит, будто я ему должен. «Чо, говорю, смотришь?» – «А ничо... Угостить, – говорит, – желаю советского товарища...» А ведь предупреждали, чтобы не связывались с местными жителями. Короче, наливает он мне стакан...

Иванов взял бутылку, наполнил свободный стакан:

– Помяни, Иосиф, нашего шефа. Потом продолжишь.

Иосиф поднял стакан, оттопырил мизинец и, жмурясь от напряжения, отпил половину.

– Слышал, – продолжил он, закусывая колбасой. – Надо было совсем отстрелить...

– А кто спорит... Рассказывай, как тебя там уделали...

Иосиф вздохнул и продолжил: – Короче, наливает он мне

стакан палинки. «Хочу, говорит, видеть, как это можно выпить. Слышал, что русские пьют как лошади, но сомневаюсь пока что...» Я пропустил мимо ушей эти колкости... Все-таки со мной ребята были. В случае чего, думаю, помогут. Тяп стакан! Развел глазами – а ребят след простыл! Даже помещение будто не то – без окон и дверей. Не могло такого случиться, чтобы я вдруг перенесся.

Иосиф допил остатки водки, ущипнул копченого окуня и продолжил:

– Огляделся, короче... Рядом особа, молоденькая... Цыган из-за ширмы подмигивает, подлец. А особа тем временем липнет... Вся, как говорится, твоя. Я сграбастал ее – и в кровать, за ширму. Задрал подол – и тут понеслось... Оккупанты! Насилуют честных венгерских девушек! Журналюги, фотоаппараты, вспышки... Ад крошечный! Голова – гудит! Скрутили – и в полицию. Наши в розыск, а я в камере. С горем пополам выдрали у венгров и сразу в госпиталь. В палату для душевнобольных. У тебя, говорят, сдвиг по фазе: перепутал время и место. Позже до меня дошло, что всё не так просто. Короче, насыпали в стакан какой-то дури.

Иосиф вновь ущипнул окуня.

– Короче, когда мне рассказали о возможных последствиях, что могут посадить за покушение на изнасилование, я даже обрадовался, что попал в психушку. Меня возвратили в Союз – и снова в психбольницу. Через три месяца уволили в запас по болезни. Так-то вот... Пытался попервости посту-

пить в милицию, но отказали...

Народ начинал шуметь. Настало время, когда говорят все враз, и никто не желает слушать. Надо было закидывать удочки, и Михалыч спросил:

– А что, ребята, служить здесь можно. Лес, грибочки...

– Можно, – подтвердил Иванов. – ОМОН пригнали, всех на уши поставили.

– Кого ищут – сами не знают...

– Как не знают! Он же меня удавил, собака! – Гуща уставился Кожемякину в лицо. – Как даст костяшками по ребрам – у меня и поплы-ы-ло. Очнулся – кругом никого. Один суп кипит на плитке.

– Но ты ведь живой. Тебя специально оставили, чтобы нес правду людям...

Процесс пошел в заданном направлении. Оставалось слегка подправлять, задавая нужный темп.

– О ком речь, мужики?

– Да тип один, – отвечал Иванов. – На тебя походит, Михалыч.

– Не походит! – воспротивился Гуща. – Тот был худощавый и выше. Во-вторых, как черт весь лохматый – лица не видно. Из деревни привезли – он и давай права качать...

– Презумпцию вспомнил... – Иванов расправил плечи. – Зато теперь у нас будет начальник. Постоянный. Хватит с меня. Устал я быть временным. Я опер и сдохну, возможно, опером...

– Серьезно, что ли? – не верил Гуща.

– Майора обещают какого-то....

Гарнизон приуныл. Никому не хотелось, как видно, иметь начальника, навязанного сверху.

Иосиф вспомнил:

– Короче, мужики, за что генерала убили?

Иванов набылчился, сложил губы, шевеля головой, словно конь в хомуте:

– Убили и нас не спросили. Ты скажи нам, Иосиф. Ты человек из народа, а мы так себе. Полиция, одним словом. Отвечь, когда мы жить начнем по-людски? Только правду скажу. Когда заживем?

– Никогда.

– Да ты что?!

– Смотрите сами... Жили мы плохо при Леониде Ильиче, как говорят. Что же нам теперь-то мешает? Вот я вам и отвечаю, что никогда. Не будем мы жить по-человечески. Потому что мы идиоты. Хотя, может, с этим вы не согласны...

– Нет! – крикнул Гуща. – Мы не идиоты!

Иосиф вскинул руки:

– С дурака взятки гладки...

– Давай стакан, Иосиф...

Булькнула водка. Зашипела газировка. Хрустнула хлебная корка под лезвием ножа. Иосиф закатил глаза, опрокидывая голову, и опять-таки оттопырил мизинец. Иванов тихо цедил сквозь зубы. А Гуща, выплеснув свою дозу, словно в

воронку, торопливо утер губы ладонью, поймал на столе вяленую рыбину. Был генерал – и нет его! Но есть ребята, которые еще послужат. Даст бог, они за генерала скажут слово.

Иванов протянул руку, щелкнул выключателем старого телевизора. Аппарат стоял на узком столе в углу, заваленный с боков картонными папками. Телевизор разогрелся, на экране появилось изображение: невысокий мужик в окружении нескольких дам давал интервью:

– Господа, данное происшедшее является результатом необдуманного шага. Возможно, с течением времени нам удастся понять ситуацию, но сейчас мы не можем делать выводы. Остается лишь сожалеть. Я приношу свои извинения, если кого-то задел... Мне жаль пострадавшего Раппа, который в результате неразберихи получил ранение и вынужден находиться на излечении... Никто в этом прямо не виноват...

– Сука, – сказал Иванов, глядя в экран. – Одно название, что губернатор. Сплошные совпадения. Вот увидите, дело спустят на тормозах. Самого же потом и обвинят, покойного. Скажут, пьяный был в стельку, не соображал...

В дверь постучали:

– Да! – отозвался Иванов.

– Сидите?

В помещение заплыл, словно карась, круглый мужик лет шестидесяти – в куртке и с порядочной лысиной на темени. Мужик остановился и шумно понюхал атмосферу:

– Выходит, не зря народ беспокоится. В дежурной части, говорят, никого. Мне позвонили – дай, схожу...

– Имеем право...

– Не спорю. Но как глава я обязан.

Глава присел на свободный стул, повел плечами – словно бы на морозе.

– Выпей за нашего генерала...

Глава, поймав губами стакан, высосал содержимое, крикнул, отломил корочку, понюхал и отложил в сторону.

– Кушай, – напомнил Иванов. – Домой у нас некому развозить. Каждый поедет на своих...

Глава согласился, наклоняя лысину к столу и ловя окуна на расстеленной бумаге:

– Правила знаем. Какой-то умник позвонил: говорит, зашел к ним, а у них там пусто. У нас все теперь – дай надзирать над органами.

– Всё под контролем.

– А дежурка?!

– Там же замок!

– Тогда ладно. Прошу извинить...

Лысина у главы покрылась испариной. Он обернулся к Кожемякину и представился:

– Нелюбин. Юрий Фролович. Бывший начальник местного отделения. Майор. Ветеран МВД. Теперь глава администрации. А они, – он развел руками. – Они все мне как дети. Штаты у теперь сократили. Не мог отстоять... Иногда захо-

жу...

Нелюбин трепал в руках рыбину.

– Вот не лежит у меня душа к этому сушняку. Дай лучше колбаски, – попросил глава. И к Михалычу: – Интересная пошла нынче жизнь, товарищ полковник. Ухайдакали недавно ученого – и не касайся. Утопили в реке. Но Физик – это же не шалай-валяй. Это даже не гималайский медведь. Это выше. Такие профессии на дороге не валяются. Я бы начал, будь я следователь, с этого физика. Надо взять за основу место его работы и обитания. Вы понимаете?

Михалыч кивнул.

– Так что вот именно с этого. А ребята вам помогут. Правда, ребята?

– Так точно! – ответил Гуща. Наверняка он забыл, что полковник здесь совсем по другому делу.

– А эта! Теща Безгодова! – продолжал глава. – Вы не поверите! Позвонила в Затон и орет: «Хочу мавзолей для собаки! Завтра же вас не будет, если не исполните!» А директор – Рюмин! – не будь дурак... Забальзамирровать, говорит, – и под стекло... К вам в спальню... На том и разошлись. Якобы леший сучком кобеля пропорол. И записку оставил: «Приберись, старуха». Теперь она думает – где ей прибраться? Вот врать нынче пошел народ...

Михалыч мотал на ус. Повезло деревне, если в ней губернаторы водятся.

– Согласно разработкам, – Михалыч посмотрел себе под

ноги, — именно там отсиживался на лето подозреваемый.

— А что он натворил? — спросил глава.

— Банк ограбил. В составе группы.

Алкоголь начинал действовать на мозги. Ненароком можно проговориться, и Михалыч поднялся из-за стола.

Гуща встал со стаканом в руке. На дорожку, товарищ полковник! А тот о своем: женщина, у которой остановился, будет волноваться. Думал снять гостиницу, но ее уж давно закрыли. Даже дом успели снести.

Иванов поднялся над столом:

— Завтра мы в полном вашем распоряжении. Гуща, проводи полковника. Или лучше я сам...

Но Михалыч остановил их: не беспокойтесь. И к двери.

Закрыв за собой дверь, он опустил вниз.

На улице горели редкие огни. Вынув пистолет из кобуры, дослал патрон в патронник, сунул оружие в правый карман пиджака и, держась за рукоять, пошел домой. В мыслях рисовались планы, один причудливее другого, однако один из них нравился больше всего: вынудить врага на скорые решения. В бандитском бизнесе скорость опасна. Она приводит к ошибкам, цена которым — смерть. Молодец был полковник Перельман, преподаватель академии МВД, который говорил: «Не кривите губы при слове провокация. У него совсем другое значение, и мы от него отвыкли...»

Однажды он внес в аудиторию один из томов современного русского языка и торжественно произнес:

– У слова несколько значений. Вот это, третье, мне особенно по душе: искусственный вызов всходов семян сорных растений с целью последующего их уничтожения...

Ту лекцию никак не забыть – она врезалась в память. Надо определить, кто здесь главный кукловод? Чтобы получить хоть какой-то результат, надо выйти на след покойного Физика, надо использовать свое положение. И не надо терзаться муками совести, оттого что ребята не поставлены в известность. Им это ни к чему.

Михалыч остановился около дома. Светилось лишь кухонное окно. Сердце прыгало в груди. Михалыча никто здесь не помнит, кроме старых друзей по далекому детству.

Глава 11

Михалыч проснулся от сорочьего треска. Две балаболки, трясая от натуги хвостами, стрекотали в черемухе. Михалыч захлопнул створку – сороки вскинулись на крыло и, бултыхаясь, улетели через дорогу к соседней березе.

На часах было пять. Если снова лечь, то едва ли уснешь. Черт принес белобокое племя.

Мать спала в другой комнате, тяжело дыша. У нее бронхиальная астма, она поздно встает.

Вышел во двор. Прохладно. На огороде роса. Солнце в сиреновом мареве стоит над заречными пихтами. Молчаливый пастух прогнал на задах общественное стадо, и всё опять стихло.

Кожемякин вернулся в дом, поставил на плиту чайник, затем включил ноутбук и приступил к отчету о предстоящей операции. Неизвестно, как сложится дальнейшая жизнь. Возможно, карьера, будь она не ладна, на этом оборвется. Чайник на кухне давно фырчал, но Михалычу было не до него, он переживал вдохновение.

«Здравствуй, дорогая бабуля! Во первых строках моего небольшого письма спешу сообщить, что жив и здоров, чего и вам всем желаю. Как я раньше писал, можно сказать, что жив только наполовину. Хорошо, что есть на что жить и чем

пахать землю. Инструменты получил по наследству исправные, в полном наборе. Деньжонки тоже. Как обнищаю, опять обращусь к тебе, потому что больше не к кому: родня вся наша здесь попала под влияние к начальнику цеха. Вчера хоронили одного дяденьку. Вся родня собралась. На поминках выпили, и все жаловались на начальника цеха. Занимается, говорят, нехорошими делами. В общем, заставляет делать в цехе не те болванки, какие необходимы, а какие-то другие, и все недовольны.

Начальник, говорят, раньше был аптекарь. Пилюли делал и продавал. Теперь он стал начальником цеха. Здесь есть всё, но аптеку он не бросил. Он ее расширяет и окончательно обнаглел, потому что ему законы не писаны. Всех мастеров понизил, а одного, нам он с родни, решил отправить на покой. Тот расстроился, пошел к своему другу и там выпил, а когда возвращался – на него напали фулиганы и зарезали до смерти. Вот его и хоронили вчера.

Работать в цехе стало плохо. Все локти у людей в занозах, а начальнику хоть бы хны. Ему это даже нравится. А куму всё равно. Он мог бы помочь, но не буду к нему обращаться. Обойдусь сам, потому что кум потом будет меня славить на каждом углу. Так мы и живем, бабуля. Без братца мне скушно. До вас далеко, но я не унываю. Сама не болей. Писать мне особо некогда. Черкну пару строчек через недельку, если будет время и позволит здоровье».

Михалыч закончил писать и отправил письмо в Контору.

Пусть гадают. Михалычу их думы до лампочки, потому что в большом он долгу за напарника перед здешним начальником «цеха».

Он вышел на кухню, снял надоевший чайник: на дне едва бултыхалась влага. Добавив воды, поставил на плиту и стал готовить завтрак. Взгляд упал на мешок из-под сахара, лежащий в углу за тумбочкой. Он был куплен в первую поездку в город. Неужели он все-таки пригодится? Скорее всего, да, потому что обещание не забыто.

Взяв мешок, он положил его в «дипломат», накрыл газетой. Сверху положил пачку бланков разного назначения – протоколы допросов, постановления об изъятии вещественных доказательств и прочих хлам. Снаружи придавил это хозяйство видеокамерой. Пусть смотрят и делают выводы: следователь выехал в полном вооружении.

Михалыч плотно позавтракал. Матушка проснулась и лежала, не вставая. Она слушала инструктаж, моргая в такт указаниям. Конечно, она всё понимает. Остановился у нее какой-то военный на несколько дней.

Михалыч проверил маманю:

– Какой военный?

– А почему я знаю!

Мать затворила ворота. Нету ее дома ни для кого. Матушка перестраивалась на ходу. Ее лишь беспокоило, что цвет глаз у сыноньки изменился с серо-зеленого на темно-карий.

К зданию администрации Михалыч подходил вооружен-

ным до зубов. Приобрел по пути две поллитры, круг колбасы «Михеевская» и пару баллонов с пивом «Медовое». На месте бы только оказались «гусары». Без них служба не представлялась возможной.

«Гусары» оказались на месте. Что удивительно, в кабинете у Иванова сидели также Иосиф и Фролыч. Они словно не уходили с насиженных мест. И если бы не гладко выбритые подбородки, можно было подумать, что они просидели здесь до утра. Не было лишь Гущи. Накануне, по словам Иванова, сержант надорвал себе организм и теперь лежал внизу, возле пустующих камер.

Михалыч поставил «дипломат» в угол, пакет повесил на спинку свободного стула. От тяжести стул пошатнулся, бутылки тихонько тенькнули.

В помещении возникло слабое шевеление. Иванов за чем-то открыл сейф и стал в нем рыться. На столе – шаром покати, лишь вчерашняя газета, в масляных пятнах, лежит сиротливо.

Иванов продолжал рыться. Михалыч удерживал стул. Вчера ребята постарались на славу, иначе было не написать отчета. Пусть хоть десять процентов из того, что они рассказали, окажется правдой. Не может такого быть, чтобы они за просто так подозревали своего губернатора. Нет дыма без огня. Это давно известно. Хорошо бы съездить в деревню, порыться в кустах, где стояла палатка Физика. Можно, в конце концов, искупаться в том месте, где его утопили, – там

могли обронить что угодно

Иванов так ничего и не нашел в сейфе, подпер всклооченную голову ладонью и задумался.

Михалыч оседлал стул, уставился в сторону Иванова: процесс должен иметь естественный характер.

– Сдурели... – Иванов моргнул. – На усиленный вариант службы перевели. Будете находиться, говорят, на казарменном положении, пока преступников не поймаем. Как будто никому не известно, кто убил начальника УВД. Сегодня воскресенье, и я не намерен здесь больше преть...

Михалыч согласился. Какой смысл от подобного сидения. Подозреваемые известны. С ними должен работать следователь.

Иванов вскочил из-за стола:

– Еще не так заплачем! Теперь-то уж точно Тюменцева поставят начальником!

Он вкратце повторил историю с послужным списком господина Тюменцева. Михалыч покорно слушал.

Оба участковых копались в папках. Именно в воскресенье им понадобилось перекладывать в них бумажки: заявления, запросы, материалы проверок, о которых давно плачет полицейский архив.

Михалыч снял со спинки пакет и стал перекладывать содержимое на стол. Не переборщить бы: внештатные помощники не обязаны исполнять напрямую чужие прихоти – съездить в деревню, покопаться в чужом дерьме, поддержать

штыком, огнем, прикладом. Мало ли чем может поддержать мент мента! Хотя бы тем, что приезжал, мол, один следопыт из своих, искал какого-то хрена, который банк ограбил в Новосибирске – сто лет назад. Дело, говорит, возобновили и теперь макулатуру добирают – для веса...

Михалыч провел ребром ладони по колбасе – порезать бы. Опер нагнулся к нижнему ящику, достал оттуда одной рукой сразу пять стаканов, уцепив каждый изнутри пальцем. Еще раз опустил руку и достал еще один стакан.

Иосиф скрипнул стулом:

– Опять пьянка...

Глава администрации как бывший начальник полиции ничего не сказал, только кашлянул. Лысина у него покраснела, и стали заметнее волосинки. А Богомоллов удивился:

– Что мне с этим материалом делать?! Опять огород де-лят!

– Выкинь из головы, – велел Иванов, вынимая из стола складной нож. – Пусть едут в суд и там тренируются. У нас не арбитраж. Позовут за порядком следить – приедем, посмотрим...

Михалыч разлил по стаканам. Мужики выпили по первой и принялись закусывать. Не пил лишь Богомоллов – ему за рулем сидеть. Глава Нелюбин гонял по столу сушеного оку-ня.

Молебнов куда-то сбегал, принес свежих огурцов и буханку хлеба. Было воскресенье. Оперативная обстановка в

сельском округе не внушала опасений, и дискуссия набирала обороты. Распалившись, ее участники перешли на личности.

– Носатая тварь! – ругался глава, блестя натруженной лысиной. – Сухофрукт поганый! Банк к рукам прибрал, а сынок у него – наркуша! Посадил генерала на лезвие и теперь выкручивается, тварь подколотная!

– Даже контрольный выстрел не помог, – вспомнил Богомолов. – Остался жив...

– По причине дефицита мозга в башке... – добавил Иванов: – Хотя пуля прошла сквозь котелок – в прошлом году.

Михалыч рассмеялся. Ничего удивительного. Такое бывало. С Кутузовым, например. Пуля вошла в глаз, а на затылке вышла...

С ним не спорили, веря на слово.

– А этот, – встрепенулся Иосиф, – генератор идей который... Говорят, он свалился когда-то с лошади, оттого генерирует. Всю область пургеном завалил, будто у всех запоры. В старые времена давно скулы сушил бы на нарах...

– Думаю, в Северный лапы тянут, – добавил Иванов. – За периметр... Благодать будет для мафии...

В голове у Михалыча щелкнуло. Вот оно! То самое! Это он хорошо сегодня зашел.

– А не съездить ли нам в деревню, ребята?

Полковничья мысль пришла в пору. Иванов поднял трубку внутреннего телефона и долго ждал.

– Гуща! Спишь?! Запрягай машину и палатку кинь ту-

да... Которую изъяли тогда. У тебя их там много, что ли? Тогда что ты спрашиваешь?! Не можешь?! Тошнит?! Хорошо. Останешься здесь. Всё равно кому-то надо сидеть. Выгони машину, проверь бензин, масло... – Он опустил трубку. – Трезветь неделю будет, гроза алкоголиков...

А вскоре они опустились к подъезду. Микроавтобус с полосой вдоль кузова и надписью «полиция», стоял у крыльца. Гуща, согнувшись, сидел напротив и держался руками за скамейку.

Богомоллов сел за руль. Глава администрации – рядом. Остальные – в салоне.

Надсадно гудит мотор, ворчит под колесами гравий. Машина летит новой дорогой. Михалыч поглядывал по сторонам. Находясь в отдалении, он готов был порвать с внешним миром и жить здесь целую вечность. Недавно пришлось ему тащиться старой дорогой, обходя посты. Сегодня – другое дело. Полчаса не прошло, как они уже в деревне. Даже с сиденья вставать неохота.

«Вот моя деревня; вот мой дом родной; вот качусь я в санках по горе крутой...»

Машина остановилась среди улицы. Михалыч поднялся с сиденья и вышел наружу. «Летучая группа», будь она не ладна, двинула следом. Как бы от нее избавиться. Ведь не отстанут.

Иванов строил планы – туда сходить, сюда заглянуть. Глава сельского округа вспомнил о планах зловредной старухи

– губернаторской тещи, – туда бы ему наведаться. С пьяных глаз. Впрочем, это было бы на руку.

У перекрестка под шатровой крышей притаился магазин. Древние стены изветрились, почернели. Михалыч вынул камеру и стал снимать «для потомков», попутно отвечая на вопросы. Приходилось придумывать на ходу: фигурант, ограбивший банк, бывал здесь, заходил к продавщице на огонек... И вообще, говорят, он из здешних.

Продолжая снимать на видео, они вошли в магазин. С продавцом теткой Марфой случился столбняк. Возможно, на днях она собиралась свести «дебит с кредитом», а «сальдо» положить в карман. Поневоле будешь стоять с разинутыми глазами, когда от звездочек и фуражек в глазах рябит. И за то спасибо: не узнала, родимая... Стой! Тебя же снимают. Для потомков...

– Чего хотите?

Тетка Марфа подавила волнение и даже настроилась, как видно, жертвовать рублями на нужды неимущей полиции. Умела строить «баланс» мадам. Об этом давно известно. И бог с ней. Не пойманный – не вор.

Михалыч подступил к прилавку с пятитысячной купюрой меж пальцев.

Старая пройдоха заметила деньгу. Чего хотят господа? Водки? Но магазин не торгует подобным товаром. Запрещено решением садоводческого товарищества: всех решили трезвенниками сделать. Разумеется, это нарушение, потому

что магазин подчинен райпотребсоюзу и к обществу садоводов-любителей отношения не имеет.

Глава Нелюбин стоял рядом, хлопая белёсыми ресницами. Как глава администрации он тоже приложил руку к известному запрету. Не подпиши он в начале весны «проект согласования», сейчас на полках стоял бы полный набор ликероводочных изделий.

– Очень плохо, – размеренно и внятно произнес Иванов, выпучивая глаза, – придется делать обыск.

При слове «обыск» у бедной старухи начала трястись голова. Под белым халатом вибрировали плечи.

– Ну, вообще-то... – она отшатнулась от прилавка. – Вообще-то, у меня есть там, в запасе, пара ящиков. – Она махнула ладошкой в сторону складской двери в проеме между полками. – Забыла про них совсем, не торгую потому что. Нельзя нарушать запрет... А так-то оно стоит...

– Ну и хорошо, что стоит – вы же не торгуете, – промямлил Нелюбин, блуждая глазами по полкам. – Значит, не нарушаете. Давайте нам их. Комиссия пересчитает, сверится... Неси, Марфа Степановна! Отменим мы это бессмысленное распоряжение. Завтра же и вынесем постановление.

Вибрация моментально прекратилась. В груди у Марфы Степановны, по виду, свистали теперь соловьи.

– Сколько вам? – В её голосе звенело торжество.

– Три... – показал пальцами Иванов.

– Бутылки, что ли?

– Литра!

– Понятно...

По лицу старухи скользнула улыбка. Шмыгая носом, она обернулась к складу. Еще бы ей, Марфе Степановне, не улыбаться. Благодаря «черной дыре» она выучила двоих дочерей и сына-офицера, и теперь еще продолжала слать им деньги в далекие края.

– Я ить не ворую, Фролыч, – повторяла она Нелюбину. – Вы меня давно знаете...

– Если раньше сесть, то быстрее выйдешь, – отпускал плоские шутки Иванов. Ему не жалко было бабу Марфу. Он знал о ней всю подноготную. И если бы не сын-офицер, сидеть бы ей на старости лет. С «офицером» Иванов учился вместе в школе. Иванов в пятом, тот – в десятом.

Забрав с прилавка товар, покупатели удалились.

«Уазик» тронулся и поехал – мимо дачных домов, похожих на скворечники, мимо просторных узорчатых особняков из красных кирпичиков. Промелькнул мимо и губернаторский дом с витыми решетками на окнах и стальной изгородью из островерхих пик. Около дома на скамье, улыбаясь, сидела белокурая женщина пенсионного возраста.

– Дозор на месте! – крикнул Иванов

Машина остановилась у церкви, на косогоре. Крест, из ошкуренных жердей, стоял на прежнем месте.

– Вот, – сказал Нелюбин. – Крест кому-то понадобился, будто здесь у нас кладбище. Ума не приложу, для чего это

надо. Никогда здесь не было крестов, старики помнят...

– А давай его выдерем – и под яр. – Иосиф улыбался. – Раз здесь он не должен стоять. Махновцы, может, поставили.

– Откуда здесь-то?! – У Нелюбина глаза полезли на лоб. – Ну, ты, Иосиф, даешь. Забыл, где обитаешь? Хе-хе-хе... Эти его поставили. – Он прислонил указательные пальцы к основанию лысины, изобразив рога. – Их здесь опять видели недавно...

– Понятно...

– Скользкие. Говорят вроде конкретно, по существу, а копнешь – пустота. Одна трухлявая солома... Камешки, что лежат у креста – их рук дело. С кладбища, говорят, натаскали, разбили... Лишь бы своё решить...

Забрав из салона сумки, они спустились под гору, расстелили палатку. Совсем недавно она принадлежала Кожемякину. Теперь у нее статус ничейной собственности – так и будет кочевать туда-сюда, пока кто-нибудь из рыбаков не приберет к рукам.

Оба участков собирали вдоль берега сухие, изглоданные водой, палки. Иосиф, присев на корточки, подкладывал под охапку веток кусок бересты, чиркал спичкой.

Михалыч торопливо разделся и вошел в воду. Как раз в этом месте напали на Физика. Надо опередить гвардию, пока воду не замутили.

– Сейчас и мы к тебе...

Глава присел к костру, цепляясь пальцами за шнурки. Он

торопился. В реке только его не хватало.

Возле берега было уже по грудь. Отсюда можно уйти на глубину, пересечь протоку и забраться на борт катера. Ушлый пошел душегуб, изворотливый. Дно реки никто не осматривал. Если здесь что и было, могло уйти по течению вплоть до Обской Губы. Унести могло при условии, что предмет относительно легкий, как бревно-топляк, – не всплывает и на дно не ложится. А если вещь тяжелая? Она ляжет на дно и будет замыта песком.

Михалыч ушел на глубину вниз ногами, нащупал песок. Физика, вероятно, поджидали именно здесь, однако напали ближе к берегу. Бедняга был неплохой пловец. Хорошо бы иметь подводный фонарь, но тогда «гусары» поймут, чем занимается полковник.

Михалыч нырял, не боясь за глаза – их защищали мягкие линзы.

Нелюбин, подобрав живот, пытался войти в воду. Однако, подмочив трусы, раздумал и возвратился назад. То ли вода показалась холодной, то ли его позвали назад.

От погружений в голове гудело, сверкали и гасли звездочки. Веки начинало саднить, но Михалыч продолжал нырять – и всё впустую.

Напоследок он решил нырнуть еще раз, как в детстве, поднимаясь вдоль дна к берегу. На дне становилось светлее. И вот она – баночка. Лежит на дне и хлеба не просит. Михалыч ухватил ее, сунул в плавки и вышел на поверхность. Остава-

лось положить находку незамеченной. Банка могла выпасть у Физика во время борьбы.

«Гусары» разливали водку, теребили рыбу, звали к себе Михалыча. Сверху, от церкви, равнодушно смотрел полицейский «уазик».

Никакой больше водки! Михалыч теперь сушился, бродя вдоль кустов – именно здесь стояла палатка. Трава как трава. Даже бумажек нет никаких. Начнут спрашивать, придется лгать: потерял резинку, от трусов...

Оставалось еще одно дело, в котором «гусары» точно будут помехой – особенно Фролыч...

– Вы побудьте тут без меня, а я отлучусь... – Михалыч взялся за ручку «дипломата». – А чтобы не было скучно, выпейте пивка.

Бутыли грузно сели в песок. Михалыч стал одеваться. Мужики не задавали лишних вопросов: не надо учить дедушку кашлять. Полковник освежился и теперь может заняться следствием. Для того он сюда и приехал.

Михалыч вынул камеру и снял вид от реки – по берегам, в сторону деревни. Откуда им знать, для чего полковник это делает. Возможно, они считают, что это нужно для уголовного дела. Небрежность в следствии здесь не пройдет...

Положив камеру в «дипломат», он щелкнул замками.

– Пока, ребята!

Михалыч козырнул и пошел с «дипломатом» в руке. Слава богу, ребятам не до полковника. Надо заставить местную

гадину шевелиться. Если гадина – то самое, о чем он догадывается, – концерт обеспечен, а заодно и танцы под балабайку. Потому что после такой выходки не может она не залаять по-собачьи. Тем хуже для нее...

Обогнув косогор, он вошел во взвоз. Когда-то здесь была дорога. Она проходила низом лощины и поднималась у старой пилорамы. Вдоль дороги булькал ручей. Теперь здесь порядком всё заросло. По дороге давно никто не ходил и не ездил. Молоденькие пихты, теснясь, подступали сверху. Тем лучше.

Раздвигая пихтовый лапник, он углубился в лес и остановился: по склону, желтея среди кедров, тянулась кверху старая тропка. Ноги скользили по хвое, но подниматься надо было именно здесь. Как раз в этом месте, впритык к кедрачу, располагался участок губернатора.

Михалыч открыл «дипломат», вынул мешок, встряхнул, распрямляя, – и принялся складывать в него ржавые банки. Вскоре мешок был набит до отказа. Присев на корточки, он положил «дипломат» на колени, достал лист бумаги, маркер и, свернув бумагу пополам, стал писать. Потом собрал в кучу горловину мешка, подложил под неё бумагу и стянул шпагатом. Посылка готова. Пусть наслаждаются.

Положив фуражку в траву, он выглянул из-за края забора: пустынный проулок тянулся до самой улицы. Изгородь была здесь невысокой, как раз через нее пришлось скакать в первый визит. Михалыч размахнулся и метнул мешок в огород.

Тот брякнулся за оградой и белел теперь среди картофельной ботвы, как бельмо на глазу.

Вот и ладненько! Теперь бы пройтись по деревне. Он взял дипломат и направился среди кедров к старой дороге. В конце деревни вышел на Центральную улицу, снимая на видео. Вот дом Кольки Михеичева. Здесь никто не живет, и дом, присев окнами к земле, подался вперед. Вот дом Шурки Мозгалина. У него та же история. Вот дом Кольки, Вальки, Сашки и остальных Литвиновых. Дом стоит, словно кланяется. Хотя кланяться должен Михалыч: он здесь родился, осознал себя человеком. Здесь впервые его полюбили.

А этот вот дом просто жалок до боли: его обрезали ровно наполовину, распилив вторую часть, мажет быть, на дрова. Маманя когда-то снимала в этом доме квартиру с отцом. В деревне нет теперь ни дома бабушки, ни материнского дома. Бабкин – сгорел, оставив после себя лишь золу. Материн продан за бесценник в Пригородное.

Выходит, с десятков домов осталось. Остальная земля – под «скворечниками» либо особняками.

Михалыч возвращался к Городищу мимо губернаторской дачи. Дозор в виде старухи куда-то исчез. У церкви бродили овцы, увешенные репьями и жадные до общения, – они тянули морды к «дипломату». Им бы корочку хлебца, но у Михалыча ее не было.

Вот и косогор. Михалыч подошел к машине, потянул ручку водительской двери. Кнопка сигнала – и звук машины,

ударив в ложбину, эхом вернулся назад. Всё так же. Как в прошлые времена. Кому не спится в ночь глухую?! – У-ю. Кто ворует хомуты?! – Ты-ы...

У реки, из-под обрыва, выглянуло сразу пять голов. Следовало возвращаться как можно быстрее, потому что губернаторская теща, возможно, уже прочитала послание: «Приберись в лесу, старая холера. Твой Леший».

Михалыч махнул мужикам рукой – головы исчезли: им требовалось одеться.

Михалыч присел на скамью и задумался. Интересно, чем бы он сейчас занимался, если б не сбежал из местного каземата? Скучал от безделья и строил эфемерные планы? Зато теперь у него зудело в глазах. Накупался до безобразия. А в найденной баночке, может, всего лишь грузило да пара крючков заржавелых...

Глава 12

Ныряние на дно не прошло даром. Веки опухли, слезятся. В них теперь словно битый кирпич. Врач, абсолютный сухарь, едва разевает рот. Оттого он выглядит еще загадочнее. Зачастую этим способом пользуются профаны, чтобы скрыть некомпетентность. .

У Михалыча не было времени прохладиться в богадельне, хотя, по мнению доктора, необходим постельный режим. Однако в больнице, сразу видно, нет хороших лекарств. Для чего здесь лежать? Не для того ли, чтоб его передали с рук на руки. Через полчаса, должно быть, вернется из аптеки матушка с лекарствами – Михалыч собственноручно выписал себе рецепт. В аптеке оно должно быть. Сказал об этом врачу – тот ноздри раздул: своими средствами вылечим, не вмешивайтесь в лечебный процесс.

Матушка задерживалась. Возможно, в аптеке не оказалось лекарств, и она наострилась в город.

Михалыч плюнул на предписания эскулапа, вышел на улицу и сел у подъезда. Из-за угла стационара вывернул какой-то мужик. Лицо помято, словно капот машины после аварии. На ногах – ботинки с заклепками. На плечах – спецовка. Как видно, слесарь из местных. Поравнявшись с Михалычем, мужик опустил на тротуар инструментальный

ящик, положил рядом газовый ключ и полез по карманам. Однако в них не оказалось того, что искал. Для верности мужик еще раз хлопнул себя по карманам и тут, словно только что, заметил Кожемякина.

– Сигаретой не угостите?

Ответ Михалыча обескуражил его. Он вновь хлопнул себя по брючному карману и качнул головой.

На тропинку вывернулась из-за угла матушка и поспешила в их сторону. В руке она несла свернутый прозрачный пакет.

– Вот, купила... Как ты просил.

Мужик, вскинув брови, таращился в лицо Михалычу:

– Толян! Ты ли это?! Никогда не узнал бы.

– Чачин?

– Он самый!

– Сколько лет...

Друзья обнялись. Михалыч смотрел на друга и не узнавал. Напрочь стоптался человек. Что с тобой стало, матрос?

Чачин согнулся вопросительным знаком и тряс головой, вспоминая.

Михалыч соглашается: да, да, конечно, это невозможно забыть...

Они учились в начальной школе. Переросток Миша Бянкин от скуки ронял на пол карандаш, потом ползал возле учительского стола, заглядывая Валентине Ивановне под подол. В классе стоял хохот: молоденькая учительница не по-

нимала причину смеха.

Чачин мог испортить всю погоду, перемешать карты. В поселке теперь будут знать: Кожемяка явился! Никого из друзей пока что не видел, но в больницу успел залететь. Лежит пластом... В полковничьем звании... Говорит, генерала дадут скоро...

С этой секунды Чачин страшнее мины замедленного действия. Для деревенских ни для кого не секрет, что тетка Анна Аникина – это мать Тольки Кожемякина, парня из Москвы.

Михалыч вынул из пакета тюбик с мазью и глазные капли. Чтобы капать себе их в глаза – не так это сложно. Вместо этого его законопатили в больничную палату. С чего бы?!

Из стационара вышел к подъезду врач, сверкнул ядовито зубами. Нарушаем?! Мы положили вас сюда только из необходимости!

И Михалыч решил тут же удрать в неизвестном направлении.

Мать оживилась:

– Лёша в ограде работает, при больнице. Я тебе, Толя, писала.

Чачина слегка трясло. Надо бы встретиться, посидеть...

– А хоть бы сегодня! Не такое у меня сильное заболевание, чтобы отлеживаться. И мужиков остальных прихвати...

– Тебе же лечиться надо! – опомнилась матушка. – У тебя же глаза!

Чачин подхватил ящик и дернулся в сторону. Кран в хирургии течет.

– Иди, мама. Вечером поговорим...

Михалыч с пакетом в руке ушел в стационар. Благополучие одиночества закончилось. Скоро пройдет слух: Кожемякин приехал... Заелся, видеть не хочет...

Вечером в матушкин дом пришли трое, включая Чачина. Михалыч оказался четвертым. Накрытый стол ждал гостей, а хозяин был выздоровевшим, он сам себя вылечил. Поднявшись в стационар, сначала обработал глаза каплями. После того как слезы унялись, стеклянной лопаткой положил мазь под веки. Через какой-нибудь час зуд прекратился. Удачным оказался диагноз, а также «рецепт», написанный лично. Михалыч удивлялся: зачем только в больницу обращался, время терял. Зато встретил там Чачина.

Они выпили по первой и нехотя закусили, а закусив, налили по второй и по третьей, вспоминая теперь не только учительницу Валентину Ивановну, но и всех остальных обоего пола – кто и где живет, да и жив ли еще, чего в жизни достиг. Вспомнили про Бутылочкина – тот служил старшим прапорщиком на Тихом океане. Вспомнили даже про то, как этот товарищ припёрся в школу с бутылочкой, наполненной чернилами, и старинной ручкой. Оттого и прилеплась к нему новая фамилия – Бутылочкин. Виделись недавно. А вот Физика видеть не приходилось. Тот, как защитил

кандидатскую, так и пропал с концами.

Что ж, бывает. Михалыч вдруг решил попросить о важном одолжении. Мужики наострили уши.

– Просьба моя простая: вы меня никогда здесь не видели и со мной незнакомы.

Ребята сверлили его глазами – с трех сторон.

– Так надо. Для дела.

– Военная тайна, что ли?

– Вроде того... Мы еще встретимся, посидим...

Друзья обещали. Никто из них не знает парня по имени Кожемяка.

После пятой рюмки Михалыч как-то сразу потерял им счет, и разговор перешел на «политику». Вначале ругали «мирового жандарма», потом родное правительство и, наконец, приступили к местной олигархии. Друзья говорили о том же, что и ребята в полиции. Это был гротеск: впереди всех на белом коне сидел Сухофрукт – олигарх № 1, банкир. Вторым выступал Политик. Это был пеший человек, вооруженный мечем и щитом. Далее следовали три второстепенные фигуры, без которых, однако, орнамент терял причудливость.

Михалыч был рад встрече, он никуда не спешил. При необходимости друзья могли заночевать, не отходя, как говорят, от кассы. Всё так и было бы, не залай во дворе собака. Михалыч, опередив мать, выбежал в сени: на крыльце стоял Иванов.

– Михалыч, надо поговорить... Без свидетелей...

Оперативник спустился с крыльца, косясь в проем приоткрытых ворот. Гуща сидел за рулем.

– Пришла телефонограмма за подписью Тюменцева. Требуется информация о работниках полиции, не подчиненных управлению, – об отпускниках, командированных и прочих.

– Вот даже как?

– С учетом недавних событий, я бы ушел от греха подальше.

– Может, зайдешь на минуту?

– Даже ни на секунду.

Иванов вышел. Мотор фыркнул за воротами и вскоре затих.

Михалыч вернулся в дом. Ребята оживились:

– Ну, кто там?

– Отзывают. Утром надо быть в конторе.

Михеичев Николай улыбался. Завтра? Ну, так это же не сегодня.

– Я очень вам благодарен... Но мне пора.

До отправления автобуса оставалось тридцать минут. Надев фуражку и взяв в руку китель, Михалыч достал из-под кровати контейнер, подошел к двери. Мать тряслась у косяка. Она не верила в стремительный отъезд сына.

– Неужели так и поедешь – прямо сейчас?

– Никого к себе не пускай. А лучше – отправляйся-ка ты ночевать к тетке Матрене. Ты меня поняла?

Мать согласно качнула головой. Друзья поднялись с насиженных мест. Чачин ухватил со стола бутылку. Мать завернула в газету хлеб, копченых чебаков и колбасу. Они вышли гурьбой на улицу и через пятнадцать минут уже стояли у зала ожидания. Касса была закрыта – она начинала работать лишь по прибытии автобуса.

Чачин распечатал бутылку, пустил по кругу стакан.

– Сразу же напиши! Как приедешь! – наказывала мать. – А я пойду к Матрене, как ты сказал, всё веселее будет.

С центральной дороги, поднимая пыль, свернул автобус, подошел и остановился, пустив под себя воздух. Друзья махали руками. Лицо у матери исказилось, она плакала.

По салону быстро прошлась кассирша. Автобус взревел и, гудя нутром, покатился к центральной дороге.

...Кожемякин повернулся на другой бок, посмотрел на часы – третий час ночи. По прибытии в город он позвонил на предприятие по прокату автомобилей. Оказалось, контора работает круглосуточно. Вскоре две автомашины подъехали к автовокзалу и остановились под фонарем, мигнув дальним светом. Михалыч подошел к ним, сел в одну из них.

Предъявив для подписания договор и пересчитав деньги, водитель без лишних разговоров покинул салон, сел в другую машину и уехал. Ключ зажигания находился в замке. Автомобиль «UAZ Hunter» с дизельным двигателем был в полном распоряжении арендатора.

Среди ночи похолодало. Из организма выходили остатки алкоголя. Управлять автомашиной в нетрезвом состоянии не входило в планы Михалыча. Он вынул из кармана тюбик с глазной мазью и занялся самолечением. Затем, убрав мазь, вновь попытался уснуть.

В седьмом часу загрохотали трамваи. Михалыч запустил двигатель, двинулся за город к бывшим обкомовским дачам – там тоже начиналась жизнь. Прибыть туда нужно было чуть раньше, чтобы успеть осмотреться. Ворота у центрального входа открывались электрическим приводом из небольшой белой будки под черепичной крышей. Кнопкой привода командовала дежурная смена из двух полицейских сержантов. Михалыч сидел в машине. Аппаратура подслушивания работала исправно. Вот один из полицейских потянулся, вздохнул.

– Сколько же их развелось!

– Плодятся, как свиньи...

Михалыч радовался, слушая диалог: устройство работало на двести процентов. Повернул ручку в режим радиосвязи, совместив тонкую нитевидную стрелку с зеленой светящейся точкой, и в наушниках зазвучала другая речь:

– Я Затон – прием...

– Слушаю, Затон.

– Стоим на месте. Какие будут указания.

– Стой, где стоишь! Идем прежним маршрутом! Эфир не засорять...

Наступила тишина, изредка нарушаемая слабым шипением передатчика. Время тянулось тугими минутами, в желудке сосало: надо было прихватить по дороге парочку пирожков.

В девятом часу шлагбаум опять поднялся. Изнутри по аллее приближалась вереница автомашин с мигающими на крышах фонарями. Первым за ворота высочил «Мерседес» ГИБ ДД, притормозил на секунду у перекрестка, затем повернул направо и, гавкая на редкие автомашины, понесся в сторону города.

– Дорога перекрыта!

– Вас поняли...

Свистя резиной на повороте, мимо проскочили сразу несколько автомобилей иностранного производства с темными стеклами.

Михалыч выехал со стоянки и направился совершенно в другую сторону. Совсем не обязательно тащиться на хвосте у «Тарзана». Обогнув дачи с северной стороны, он выехал на приличный асфальт, разогнался и вскоре уже находился на площади – возле набережной. Хотелось увидеть в лицо того самого, кто управлял территорией, губернатора. Но больше всего интересны были его речи. Видеокамера, закрепленная изнутри к стеклу на присоски, смотрела на объект, а звуковая «труба» слушала воздух.

Вот и он, наш объект. Выбрался из машины и двинул к зданию в окружении мужиков, бормоча и оглядываясь, – к

парадному подъезду с квадратными колоннами.

– Милый вы мой! Да неужели! Да ни за что не поверю, что одного агента нельзя поймать...

Он крикал на ходу, словно селезень.

– Стараемся, Евгений Васильевич, – оправдывался медвежьего вида попутчик. Это оказался Тюменцев. Его нельзя было не узнать.

– Поймать Лешего, между прочим, ваша первейшая задача.

Проговорил – и скрылся за колонной. Выходит, Леший и агент – для политика одно и то же. Но это уж слишком. Послушный чиновник не станет вычислять на своей территории человека Москвы.

Утро оказалось удачным. Это так вдохновило Михалыча, что он тут же решил «поступить» к губернатору на работу. Он вышел из машины и пошел к зданию.

Навстречу кинулся, отдавая честь, долговязый старшина-полицейский. Что полковнику нужно? Какие у него вопросы? Перевод по службе? Хорошо, полковник может пройти к окошечку и оформить пропуск.

Старшина потерял к Кожемякину интерес и теперь разговаривал с дамой, расставив ноги, сцепив пальцы рук и вертя головой по сторонам.

Михалыч оформил пропуск, поднялся на второй этаж. На лево и направо от лестницы пролегал широкий коридор. Тут же висел на стене список должностных лиц, часы приема, а

сбоку, чуть выше, – схема эвакуации людей на случай пожара, утвержденная губернатором.

«Е. Безгоднов», – значилось в схеме.

Отдел кадров помещался в правом крыле. Губернаторское гнездо – в левом.

Пройдя сотню метров, Михалыч уперся в стену с широкой двустворчатой дверью. В двери сидел за столом, развалившись, пухлый мужик лет тридцати. Ему подошел бы спортивный костюм, однако одет он был в оливковую полувоенную форму, а-ля «US Army». Его напарник торчал у окна, глядя на улицу.

– Неприемный день, – произнес сидящий. Он умудрялся говорить, не раскрывая рта.

Это была частная охрана. Значит, есть чего бояться Политику...

Взглянув на часы, Михалыч развернулся и пошел в обратном направлении. Уперся в дверцу со скромной табличкой «По кадровым вопросам с 8-00 до 17-00».

Внутри сидела столетняя старуха, пережившая, может быть, многих секретарей бывшего обкома, а также и губернаторов. Перебросившись со «службой персонала» парой слов и произнеся «пardon», Михалыч протянул для отметки бумажку. Любопытный экземпляр эта бестия. У нее не оказалось вакансии для отставного юриста.

Выйдя от старухи, Михалыч спустился в вестибюль. Тяжелые двери с трудом выпустили из здания и вновь затвори-

лись. Михалыч летел наискосок через площадь. Он буквально скакал от радости: охотник решил добыть себе Лешего и был теперь известен в лицо. Возможно, он не знал историю о ночном попутчике, сапожных клещах и пригоршне зубов. Он вообще, может, был не из местных.

Рука сама собой включила передачу, и дизель потащил Кожемякина к речному вокзалу, к гостинице. На мгновение машина показалась живой. Она словно чувствовала, чего от нее хочет водитель.

На часах было около десяти. К сожалению, в гостинице речного порта вместо дамы-спасительницы сидела старушка. Свет клином сошелся сегодня на старухах. Вторая по счету за одно утро.

Михалыч шевелил пальцами, вспоминая имя коридорной дамы, что помогла недавно сбежать от погони.

– Она будет только завтра, – догадалась сменщица. – Она говорила о вас.

Она улыбнулась, показав два ряда ровных зубов.

– Значит, завтра...

– Выходит, что так. Но я предупреждена... – Она сомкнула губы, словно растягивая удовольствие. – Я должна вас поместить в номере без оплаты. Так просили...

– Кто просил?

Старуха опять улыбнулась:

– О ком же мы говорим-то! Простая, казалось бы, история – сделать даме предложение, но нет...

Старуху понесло. Сейчас она вспомнит старые времена и героев-любовников.

Михалыч шевельнул пальцами:

– Я устал... Мне бы ключик...

Женщина поднялась, открыла шкафчик с висевшими там ключами.

– Вот!

Подав ключ, она отвернулась. Она исполнила долг. Больше ее ничто не интересует.

Михалыч отправился в комнату, быстро разделся и лег в кровать, несмотря на притязания голодного желудка. Он твердо знал, что желудок непременно успокоится. Лучше спать голодным, чем бегать в поисках пищи с опухшей от бессонницы головой.

Проснулся в четвертом часу дня. За это время никто не беспокоил. Было бы слышно, если бы в коридоре кто-то шумел. Бритье и умывание заняли минут сорок. С пистолетом под мышкой и деньгами в кармане, он вышел из гостиницы, направляясь к Миллионной улице – бывшей имени Ленина. Старое название возвратили в надежде на лучшие времена. От Миллионной теперь зависела судьба целой губернии. Повернул на Дворянскую (бывшую имени Кирова), опустил в погребок «У Яноша», заказал двойной шницель и принялся ждать, будучи абсолютно уверенным, что всё у полковника будет теперь хорошо. И что если вдруг кончатся деньги, то грабить награбленное – не такое постыдное дело: в интере-

сах государства такое всегда допустимо.

Вскоре кельнер поднес заказ и удалился. Зал был наполнен наполовину. Скрипач с пианистом исполняли заунывную мелодию. Рядом с ними, на возвышении, трудилась, виляя задом и держась за полированную трубу, стриптизерша. Трудилась – это слишком громко сказано: она даже не вспотела, слегка приседая и поднимая по очереди обнаженные ноги.

Михалыч стал ужинать, поглядывая в сторону стриптизерши – у той вряд ли был муж, поскольку представить себя мужем при такой супруге просто невозможно. Кому нужна барышня со стальным инструментом меж ног...

Но девица оказалась закаленная, и всё мельтешила – дикая лань с трепетными ноздрями. И была копытцами перед диким горным козлом. В этом мире лучше быть упертым бараном, чем благородным оленем...

Шницели были прекрасны. К ним стопка водки была бы как раз. Но секундное замешательство тут же пропало – не для того прибыл в город полковник Кожемякин.

Расправившись с пломбиром, заправленным ложкой варенья, он расплатился и вышел из погребка – ближе к свежему воздуху, подальше от млеющей девицы. И пошел в обратном направлении – к речному вокзалу, а оттуда – к набережной.

У реки он остановился. Взгляд прыгал с одного предмета на другой, пересчитывая их количество. Двадцать столбов

по набережной. Два моста через реку. Шесть грузовых теплоходов и две самоходных баржи. Восемь кранов, из которых работает лишь один... А в поселке? Как там у матушки?

Глава 13

Вдоль набережной краснели скамейки со спинками. Михалыч сел на одну, закинул ногу на ногу и сидел, блуждая взглядом по водной ряби. Местами вода бурлила на каменистых косах, а мысли скакали одна за другой: недостатки в планировании, недостатки в мышлении, законы с двойными стандартами – одним нельзя, другим можно. Против одного мужика возбуждили уголовное дело только за то, что он, будучи внедренным в банду, посадил эту банду на скамью подсудимых. Мужика обвинили в том, что он спровоцировал бандитов на противоправный поступок. Защитников в суде оказалось больше, чем подсудимых. У некоторых бандитов было по три защитника. Адвокаты старались, и защита у них получалась. Кроме них, кто-то еще в том деле старался. Без судьи и прокурора не обошлось. Оперативника не взяли под стражу и пока что не осудили, но в грязи извалить успели.

В здешних местах дела обстоят в том же духе. Здесь расцвела и похорошела мафия, а виной всему, выходит, Политик. Против него нет прямых улик, зато множество косвенных. Иванов не стал бы молотить чепуху. Он говорил, что Политик рвался во власть не ради политики – он продвигает собственный капитал. Физик – человек с Северного. А Северный – город за колючей проволокой. Ведь не зря же было

написано и спрятано в баночку из-под крема:

«Страшная вещь – Политик. Он вездесущ. Он норовит вывернуть меня наизнанку. Если я соглашусь работать, назад пути мне не будет. Он почему-то уверен, что теперь можно всё – подмаслил, запугал, а дальше можешь катиться на скрипучей повозке. Еду в деревню на встречу с Никитой Кожемякой – подальше от смердящих страстей. Может, не вернусь. Может, кто-то прочитает эту бумажку. И тогда все поймут, что не так плох был кандидат технических наук по кличке Физик, возглавляющий цех очистки сточных вод».

Физика собирались использовать. Но каким образом? Неужели Политику понадобилась помойка за колючей проволокой? В Северный ходу нет никому, зато помои, скорее всего, текут в реку. Не могут не течь. Возможно, это огромная, в человеческий рост, труба. А может быть, судоходный канал либо ручей. Не то ли это устье, мимо которого ходил пассажирский катер? Взглянуть бы на то место.

Михалыч поднялся и пошел в сторону пристани. Рядом с ней, около одной из лодок, копошились двое.

– Здорово, ребята.

– Привет...

Ребята явно не хотели разговаривать.

– А что, местные теплоходы теперь точно не ходят?

– Ходят... В Нефтеюганск, например...

– Мне бы до следующей пристани и обратно – забыл у шкипера документы, а теперь не доберусь никак. Нельзя ли

как-нибудь?

Мужики не поднимали голов от лежащего на песке подвесного мотора, и Михалыч решил действовать наверняка.

– Тогда я сбегаяю, ребята?

– Куда?

– За литром в магазин.

– Ну, сбегайте...

Мужики тут же подняли с песка мотор и понесли к корме дюралевой лодки.

А вскоре Михалыч любовался окрестностями. Лодка, гремя мотором, билась носом о волны. Справа тянулся высокий берег, поросший кустарником. Над берегом тянулись бетонные столбы с колючей проволокой – за ними виднелась территория Северного. Некоторые из столбиков когда-то свалились в обрыв и так висели в обнимку с проволокой. За ограждением виднелись пустующие вышки часовых. Охрана по периметру теперь велась электронными средствами.

Вот и устье неизвестного ручья, перехваченного поперек бетонной дамбой. В дамбе имелось подобие шлюзовых ворот. В этот момент они были открытыми. Через них выползал небольшой теплоход.

Михалыч прочитал вслух:

– «Коршун»!

– Он самый... – подтвердил рулевой.

– А что он тут делает?

– Положено! По инструкции!

– Выходит, с реки можно попасть в город?!

– Естественно...

Ребятам нравилась некомпетентность Михалыча.

– А эти? – он указал на ряды лодок, лежащих вверх днищами на песке.

– У них свои пропуска...

Пристань располагалась на километр ниже. От нее на глиняный яр поднималась бетонная лестница – за ней виднелись ворота КПП. И над всем этим смотрели из-за косогора жилые дома. Михалыч увидел это место еще первоклассником, с теплохода, – они направились тогда с учительницей в городской цирк. Ничего с тех пор не изменилось, кроме рекламных щитов. Они торчали теперь повсюду.

Моторка шоркнулась носом в берег. Михалыч ступил на песок, поднялся трапом на дебаркадер. На стене висело расписание – пароходы ни в поселок, ни в деревню давно не ходили. Это Михалыч и без расписания знал. В боковом помещении сидел шкипер в клетчатой рубашке, лет тридцати.

Для вида, спросив у служивого, почему отменили маршруты в Дубровку, Михалыч развернулся и вышел. Откуда шкиперу знать, почему отменили местные рейсы двадцать лет назад. Главное – не расписание. Главное в том, что в закрытую зону можно войти с реки. Замечательно!

Обратный путь, вверх по течению, занял больше времени. Всего, туда и обратно, ушло часа полтора. Лодка вновь пристала к берегу.

– Спасибо, ребята! Вы меня сильно выручили...

Михалыч хлопнул себя по груди ладонью. Мужики честно заработали свой литр.

– Всегда рады, товарищ полковник, – сказал рулевой. – Если понадобится – вон я в том доме живу. В пятиэтажке... Первый подъезд, квартира четыре...

– Пошел я, ребята...

– А это? – Мужик показал на бутылки, торчащие из корзины.

– Меня, к сожалению, ждут...

– Нам же не справиться с ними!

– Потом как-нибудь...

– Ваше слово, товарищ полковник!

Оставив новых знакомых, Михалыч поднялся ступенями на берег. Вывод напрашивался сам собой: Физик, возможно, командовал не только цехом очистки, но и воротами. Не зря говорят, что власть без злоупотреблений лишена очарования. Выходит, Политик – не обычная тварь, он прокуда.

«Нельзя быть пластилиновым, – говорил профессор Перельман. – Боевой жеребец по-боевому настроен...»

Профессор имел звание полковника и сорок лет выслуги. Он выковыривал националистов из послевоенных схронов. Прости, господи, покойную душу. Учитель был точен в суждениях.

Михалыч присел на скамью, вынул из кармана мобильник, открыл список телефонных абонентов. Это были долж-

ностные лица области. За губернатором значилось несколько номеров, а также один мобильный. Политик наверняка не расстанется с мобильником, а голос можно легко спутать с голосом Тюменцева – характерный медвежий рык.

– Да! – твякнул губернатор. – Кто говорит?!

– Тюменцев беспокоит...

– Что у тебя, говори!

– Я насчет Лешего... Надо подключить ФСБ. Это их дело – шпионов ловить...

– Не понял! Ты учить меня вздумал?! – Губернатор перешел на крик. – Что тебе для этого нужно?! Флот поднять?! Вертолетную группу?!

Он блефовал. Ничего, кроме МВД, Политик лично не мог использовать. Даже полицейские подразделения – и то с большими оговорками.

– Что?! Ну?! Говори! Не можешь, так и скажи! Мне некогда! И на мобилу мне больше не звони...

Связь прервалась. Михалыч сразу же повторил вызов.

– Слушаю, Безгодов...

– Мы не закончили.

– Кто это?

Голос дрожал у Политика. Он не узнавал больше Тюменцева.

– Кто говорит?!

– Я.

– Но кто ты?

– Я ржавый гвоздь в твоей жопе...

Михалыч нажал кнопку отбоя. До Безгодова теперь дошло, что оба раза звонил не Тюменцев. Сейчас он свяжется с ним и будет захлеб обсуждать проблему.

Михалыч положил телефон на скамью. Казалось, прошла целая вечность, как он покинул поселок. Автомашина не должна стоять без действия. За нее уплачено. Поэтому вперед – ко вчерашнему дню! Может, друзей детства даже удастся застать у пивнушки.

Бомжеватого вида мужик остановился напротив, косясь в сторону телефона, и Михалыча клюнула вдруг идея – подняться и тут же уйти. Слишком уж быстро определился Тюменцев с речной гостиницей.

Михалыч поднялся и двинул тихонько к парковке. Сел в машину и уставился в сторону набережной. Мобильник сиротливо лежал на скамье. Бомж крутанул головой туда-сюда, цоп мобилу – и в пакет.

Он поравнялся с машиной Михалыча и съежился, оглядываясь: позади у него скрипнули шины, встала машина, выскочили мужики – среди них находился теперь Тюменцев.

Бомжа повалили на асфальт, руки завели за спину и надели браслету. Из пакета сыпалось содержимое.

Бомж слабо сопротивлялся. Что вам надо? Отстаньте... Я никому не должен...

Один из мужчин, молодой, схватил телефон – и к задержанному:

– Где ты взял его?! Говори?! Мне некогда ждать, пока ты разинешь свой рот! Где?!

Несчастный бомж махнул головой в сторону набережной.

– Выходит, мы в первый раз не ошиблись. В машину!

Бомжа, словно куклу, пихнули в машину, сели сами, и местность опять опустела.

Михалыч торжествовал. Телефон-то краплённый. Ну, напарник.

Выехав с площадки, он повернул на Миллионную, а оттуда – напрямик на мост через реку. Мысли скакали с пятого на десятое... Не делайте из ребенка кумира: когда он вырастет – потребует жертв... Он вырос и теперь мечет икру. Нет прекрасней рыбной ловли во время икромета, хотя это и запрещено законом.

Михалыч включил приемник, услышал мужской голос. Раньше он его уже слушал, а голос между тем продолжал:

– ... Причина пожара – неградивость хозяев. В огне погибли хозяйка и сын, прибывший со службы в отпуск... В управлении внутренних дел имеется все необходимое для борьбы с преступным элементом, в том числе служебно-розыскные собаки. Эти животные подготовлены и хорошо себя зарекомендовали. Они способны думать, размышлять и мыслить...

Он так и сказал, отчего Михалыч едва не выпал из машины: думать, размышлять и мыслить! Именно так! Могучий вывод...

– Благодарю слушателей за внимание, – сказал женский

голос, — а также исполняющего обязанности начальника областного УМВД подполковника Тюменцева, любезно согласившегося дать нам интервью о состоянии преступности и пожарной безопасности в нашем регионе...

Михалыч прибавил оборотов. Слова Тюменцева звенели в голове. Сгорел дом... В огне погибли хозяйка и сын, прибывший со службы в отпуск... Выходит, интервью было записано не так давно.

Машина проскочила мост и, засвистев шинами, повернула направо. Наконец между сосен показался поселок. Михалыч повернул на перекрестке в улицу: от прежнего дома осталась лишь печь с высокой печной трубой. В городьбе вместо дома зиял теперь страшный проем. От пожарища шел местами дымок.

Тюменцев, давая интервью, имел в виду дом матери. Ему безразлична хозяйка, как безразличен и сын. Он считал, что в огне погибли оба. Неужели мать погибла в огненном смерче, ночью, сонная. Может, она потеряла сознание и не мучилась. А если нет? Она металась в стенах, и никто не пришел ей на помощь.

Михалыч, давясь слезами, включил передачу, переехал на соседнюю улицу к тетке Матрене. На встречу выбежал материн Тузик, с опаленной шерстью на морде. Собака виляла хвостом, нюхала брюки и фыркала.

— Толенька-а-а!..

Открылись воротца. Мать выбежала в шерстяных носках,

обняла Кожемяку. – Сожгли меня, Толенька...

– Не плачь, мама, – Михалыч ухватил тощее тело. – Дом новый купим. Или срубим... Главное, ты жива...

– Какой мне дом теперь! Я не могу больше строить. Они подперли дверь и подожгли. Думали, одинокая старуха не выскочит. А я не спала из-за астмы.

– Как же ты?

– Слышу, шелкает за дверью, шипит, а открыть не могу. Оделась. Плеснула из бака на себя воды, топор в руки – и к раме. Еле выскочила...

Мать заплакала.

– Садись, – велел сын. – Сейчас же уезжаем.

– Да ты что! Куда я с тобой! А здесь глава обещал. Комнатку... Как сгоревшей...

– Глава?

– Они думали обоих сжечь, а получилось, что ты уехал. Бог отвел...

– Иванов не зря вчера приходил...

– Его я не видела пока что. Вообще никого из полиции не было – одни пожарники. Сказали, полиции делать нечего на пожарах. Выскочила – и будь рада...

В воротах показалась тетка Матрена. Лицо припухло от слез.

– Сидим, плачем вдвоем...

Она прижалась к Михалычу.

– Собирайся, – сказал тот, отвернувшись к реке.

Но мать стояла на своем. Не поеду... Ты будешь гоняться, а я трястись по ночам. Здесь тем более вся родня у меня.

– А разве я тебе не родня?

– Ты приедешь, наведишь когда. Они – нет...

Мать обернулась к тополям, раскинула руки. Она никуда не поедет, потому что здесь вся ее жизнь. Тем более что обещали дать... Завтра... Начальство...

– Оставайся... Я к Иванову.

– Ищут, говорят, какого-то шпиона. Лешим прикидывается, людей в лес заманивает.

– Чушь...

– Как же ты, сынок? На машине...

– Приходится...

– Потихоньку бы ты. С богом. Как-нибудь...

Она крестила Михалыча со спины – тот видел боковым зрением.

В дежурной части, несмотря на поздний час, сидели пятеро полицейских. Заметив Кожемякина, они вытянулись и отдали честь. Михалыч проскочил мимо, едва ответив на приветствие.

Иванов был у себя в кабинете, говорил по телефону. Увидев полковника, он встал из-за стола и, не прекращая разговора, протянул руку, поздоровался, указал на стул. Михалыч садиться не стал, подошел к окну. Потолок и стены в кабинете выбелены известкой. Пыли здесь будет много, если начнут стрелять. За пазухой висел «горбатый». Если что, ребята

лягут под огнем героями – это уж точно. А полковник станет преступником, изгоем. Но сдаваться он не намерен.

Иванов присел, опустил голову. Михалыч прижался задом к подоконнику.

– Горим... – Иванов поднял голову. – Женщина, у которой вы ночевали...

– Это мать моя.

– Seriously?

Глаза у Иванова метнулись к двери. Он мог совершить непоправимое.

– Даже не думай. – Михалыч шевельнулся. – Ляжет вся бригада. – Он вынул из-за пазухи «горбатого» и осторожно, будто тот был хрустальный, положил на подоконник. – А теперь слушай. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. И сейчас я тебе докажу. Вот моё настоящее удостоверение.

Вынув из кармана красную корку, Михалыч положил ее на стол. Иванов протянул руку, открыл. И что? Полковник Кожемякин... МВД Российской Федерации...

– А теперь позвони и спроси, как здоровье Сергея Абрамыча? Последнее слово произнеси именно так, как я тебе его произнес. Включи громкую связь...

Михалыч диктовал цифры, оперативник жал кнопки. Пальцы у него торопились.

– Слушаю, – раздалось в кабинете.

– Как здоровье Сергея Абрамыча?

– Идет на поправку...

– Могу я доверять полковнику Кожемякину? Я местный опер. Звоню по его просьбе...

– Что с ним? Ему нужна помощь? Вы можете его пригласить?

Оперативник протянул Михалычу трубку.

– Слушаю, Кожемякин...

– Приветствую, полковник. Что известно ему о тебе?

– Только то, что я работник МВД. Надо лишь подтвердить мои полномочия перед этим человеком. Записывайте адрес.

Михалыч продиктовал адрес местной администрации и фамилию руководителя, отметив, что в прошлом это был человек МВД.

– Ждите...

Связь прервалась. Только бы не тянули с подтверждением. Им там хорошо в прохладных кабинетах – мухи не пристают.

Михалыч поймал взгляд опера:

– Хочешь, расскажу всю правду, пока там соображают?

– Давай...

– Перед тобой действующий полковник. Можешь не сомневаться и не дрожать. Оружие для того, чтобы ты не наделал глупостей. Сфера моей деятельности – всего лишь сбор информации. Но здесь я оказался совсем не для этого... Я приехал к матери в отпуск... Я так соскучился по родной деревне, что сразу отправился туда и жил там, на берегу, в палатке. Я всего лишь хотел нестандартно провести отпуск

– с другом детства, с Физиком. Он сразу мне не понравился, но я не лез ему под шкуру. Возможно, думаю, ему изменила жена – вот он и кинулся в лес без оглядки. Еще я подумал, что через какое-то время он поделится со мной своей тайной. Но я не дождался: у ручья показался джип. Потом – аквалангисты. Я был в это время на горе, красил надписи у почетного гражданина...

– Так это, выходит, ты их подкрасил?

– Потом я бросился вниз. Физик попёрся в реку. И вдруг в воде возникла борьба. Физик крикнул, ушел под воду. С ножом в зубах я кинулся в воду. Физика видно не было. Я нырял, пока не увидел его на дне.

– Понятно...

– Вытащил на берег, положил на песок. Но оживить организм не удалось. И тут ты меня повязал. Потом ты пришил меня к трубе отопления, и я решил убежать. Элементарно. Меня прикончили бы в следственном изоляторе. А дело об убийстве Физика на том прекратили бы...

– А ласты? Ты говоришь – мелькнуло... Следовало заявить, и всё бы пошло по-другому.

– Извини, но этот бред не пришел мне в голову: меня взяли на месте преступления.

– И все-таки, что у тебя с глазами?

– Контактные очки из мягкой пластмассы. Их иногда используют такие товарищи, как мы с тобой.

Иванов хлопнул ладонью себя в лоб и в первый раз улыб-

нулся.

За дверью слышались чьи-то шаги, в дверях блеснула лысина главы администрации:

– Только что по факсу пришло. Напрямую. Минуя управление внутренних дел.

Иванов развернул бумагу и принялся читать, потом повторил вслух:

– Главе администрации Нелюбину Юрию Фроловичу. Главное управление фронтальных исследований МВД Российской Федерации. Полномочия полковника полиции Кожемякина подтверждаем в полной мере. Просим оказывать ему всяческое содействие, вплоть до предоставления статистических данных закрытого характера...

Вот это завернули. Умеют в Центре пудрить мозги.

Фролыч сидел напротив, гордо блестя вспотевшей лысиной.

– А что это за управление? – спросил он.

– Новое, – ответил Михалыч. – Вроде прежнего отдела борьбы с бандитизмом.

– А-а... Понятно...

Фролыч вытянул губы и больше ни о чем не спрашивал, дергая бровями.

Михалыч решил спросить у него, можно ли обвинить в побеге человека, когда тот, уходя от незаконного преследования, превышает пределы необходимой обороны.

– Как вам сказать... – Фролыч напрягся. – В моей прак-

тике была лишь одна бытовуха, и та вся доказанная, без этих самых проблем. Как ни странно, мне попадались одни винюватые.

Он нервно цыкнул языком, снова дернул бровями.

Михалыч пожал ему руку.

– Но это еще не все, – опомнился Иванов. – Егоровна, у которой дом сгорел, – мать его родная.

– Вот те раз! – Фролыч выкатил глаза. – И что вы намерены делать?

– Родные тополя милей московских улиц...

– Вот оно что... Имеется комнатенка. Состояние, правда, не блещет...

Иванов хмурился:

– Приходил запрос из УВД вот на эту фамилию. – Он ткнул пальцем в бумагу. – Я ответил, что людей с подобной фамилией у нас не значится. Возможно, ниточка тянется из вашей деревни...

Глаза у главы бегали по столешнице и, когда Иванов замолчал, вдруг заявил, что видели вчера, между прочим, джип. Говорят, искали какого-то военного. Мальчишкой якобы знали его... К мужикам липли, а одного с собой увезли.

Иванов насторожился:

– Кто такой?

– В больнице работает... И там у них нынче потоп.

Михалыча передернуло с головы до ног. Чачин! Это мог

быть только он, слесарь-сантехник.

– Надо съездить к нему!

Втроем они вышли из здания, сели в машину Михалыча.

Чачин? Кем он был для Михалыча? В принципе – лучшим другом. Бегали по деревне, играли в войну. И не заметили, как выросли: один в мореходку подался, другой – в менты. Ещё был Физик, Бутылочкин. Из той же команды...

Вечерело. Предзакатное солнце било вдоль улицы по глазам. Чачин вместе с матерью жил за парком. Только б застать его дома – живого и невредимого.

Михалыч свернул на перекрестке, остановился: улица Некрасова, тот самый дом.

Ворота изнутри оказались заперты. На стук никто не выходил. Однако Михалыч был настойчив и продолжал в них стучать – то кулаком, то, развернувшись, подошвой. У соседей надрывались собаки. Неужели можно не слышать стук? Так поступают лишь те, кому отсидеться – за счастье. Еще так поступают покойники.

Михалыч дернулся к палисаднику, прильнул к окну, стараясь рассмотреть помещение. Иванов обошел его и прилип к другому стеклу.

– Ну что вы тут лазите, а?! – донесся из дома женский голос. – Лег человек отдохнуть, так нет! Нету нигде покою! Ну что ты стоишь, а?! Что тебе надо?!

Женщина спрашивала у Иванова, решив, вероятно, пойти ва-банк. Она никому не откроет, потому что это ее дом.

Михалыч подошел к Иванову и увидел тетку Катерину.

– Свои это, тетя Катя! – Он снял фуражку, отпрянул от окна. – Помнишь меня?! Толька я! Кожемякин!

– Идите своей дорогой! Говорю: забей калитку, так нет... Вон же лазият все подряд...

Она никого не хотела знать. Если надо – клюнет любого. Было бы чем...

Иванов оживился:

– Хватит прятаться! Вон же ноги торчат из-за печки!.. Вставай, поговорить надо!

Михалыч присмотрелся: в глубине комнаты, на кровати, виднелись ступни. Вот одна нога шевельнулась, почесала другую, опустилась к полу. Чачин приподнялся, сел в кровать и, сидя, посмотрел в окно. Затем встал и, трясая головой, двинулся к выходу.

Тетка Катерина сразу умолкла: ее миссия на этом закончилась. Чачин вышел на крыльцо, зевнул, подал руку, дышал перегаром:

– Ты же уехал вчера...

– А теперь вернулся. Говорят, вчера на джипе кого-то катали... Не тебя ли?

Чачин напряженно икнул:

– Довезли... Не то ночевал бы в канаве.

– Говорят, тебя спрашивали обо мне...

Чачин смотрел в пол, судорожно скреб в голове. Сколько человеку нужно выпить, чтобы так отравиться?

– Спрашивали или нет?

– Вроде нет. А может, спрашивали...

Он снова зевнул, сложил губы скобой.

– Вот даже как? Ну хорошо... Иди, отдыхай...

Михалыч шагнул к машине, оставив Чачина одного зевать у ворот.

Двое других жили на краю поселка, в районе двухэтажных брусчатых домов под названием «Шанхай». Иванов вызвал их из дома на улицу и, когда все уселись в машине, Михалыч подступил с расспросами.

Друзья оказались в курсе событий и живо откликнулись на происшествие. Вор хоть стены оставляет, а тут слизнуло, будто корова языком. Они в стороне стоять не будут, помогут – силой и техникой, какая найдется. Странно, однако, что Чачин какой-то неадекватный... Выходит, вчера добавил... Мужики в джипе? А хрен их знает, кто они такие. Остановились, спросили о каком-то военном. Самым знающим оказался Чачин, потому и оказался в машине. Пришли вместе, а его, как царя, на джипе повезли. Фамилию военного не называли. Сказали, что полковник...

Друзья перебирали версии случившегося. Учитывая, что дверь дома подперли снаружи, получалось, что кто-то пошел на заведомое убийство. Однозначно, это не житель поселка, потому что сгореть может и дом поджигателя.

Друзья уверяли:

– Не думай плохого. Поможем...

– Мы ей квартиру выделим, – подал голос глава. – Она ветеран труда все-таки.

– На счет Чачина тоже не думай, – заверил Михеичев. – Это у него от пьянки заклинило.

Друзья вылезли из машины и пошли по домам в разные стороны – каждый к своему брусчатому «гнезду».

Беседа многое прояснила. Двое в джипе – не миф. Друзья даже пытались описать их приметы. Двое из внедорожника похожи на людей, которые свидетельствовали по делу об убийстве Физика. Они это были. Возможно, им стал известен адрес: полковник живет в поселке у матери. Но мать не спала. Она, слава богу, в своем уме...

Подъехав к зданию администрации, Михалыч остановился, продолжая начатый разговор. Впрочем, теперь ничего нового не прибавилось – хоть так крути, хоть эдак. Глава выбрался из машины и отправился домой.

Сумерки сгущались.

Иванов тоже вышел из машины:

– Если что, я буду внутри, а этих, – он указал на дверь, – я отпущу домой. Какая может быть операция, когда убийцы генерала давно известны. Постучишь – я открою...

– Если что – я у тетки Матрены. Как раз за нашими огородами.

Оперативник махнул рукой и скрылся в подъезде...

Тетка Матрена с матерью сидели на лавочке возле зарос-

шего ромашкой палисадника. В старом ведре дымился сухой навоз, разгоняя комаров. Заметив машину, они вскочили:

– Где тебя носит? Ужин давно простыл...

– Мне бы машину поставить...

Не успел Михалыч загнать машину, как в проеме ворот мелькнула фигура Чачина. Его словно подменили.

– Здорово, братан!

Михалыч насторожился. Откуда это? В прошлом они никогда не обращались с такими словами друг к другу. Михалыч затворил ворота. Мать с теткой ушли в дом.

Чачин присел на лавочку, протянул руку к городьбе, вынул из гущи полыни пакет. В нем оказалась плоская бутылка и бумажный пакет с закуской. Из пакета торчали куски хлеба и рыбы хвосты.

– В «Голубой Дунай» заскочил, – торопился он. – Я чо думаю. Ты опять уедешь, а мы с тобой так и не посидели... Пожары у многих бывают, отстроитесь...

Михалыч присел на скамью, наблюдая за движением пальцев у Чачина. Вот он налил жидкость, поднимая граненую рюмку к свету из окон, чокнулся, поднес к губам и закатил глаза. Михалыч тоже поднес рюмку к губам, но пить не стал – лишь крякнул досадливо. И выплеснул спиртное позади себя, за лавочку. Копчения рыба оказалась впору.

Чачин продолжал наливать. Они чокались. Все остальное продолжалось в том же духе, пока Михалыч не почувствовал, что пора бы уже опьянеть. И «опьянел». Откуда взялось вис-

ки у безработного? Но лучше об этом не спрашивать. Пусть сам расскажет, если захочет.

Бутылка закончилась, и Чачин засобирался домой.

Михалыч поднялся на шатких ногах:

– Провожу!

– Куда тебе...

– Молчать!

Михалычу вдруг вспомнилось, что он мент и может качать права.

– Но ты не дойдешь назад! А у меня спать там негде. Дашь слово, что вернешься?

– Ты не веришь мне, Лешка?

– Мать твоя будет потом ругаться. Переживать будет...

– Она у меня с пониманием!

И вот они бредут среди парка. Какие, однако, твердые корни у сосен – подошвы того и гляди отлетят.

Выйдя из парка, они поднялись по Дубровской улице. Маневрируя между свежими коровьими лепешками на белесом песке, прошли мимо магазина с темными окнами и остановились на перекрестке.

Чачин по-прежнему беспокоился о Михалыче:

– Но только чтобы до дому и нигде не свались. Кажется, в сон тебя клонит.

– Не клонит!

– Пошел я. Иди...

Михалыч куражился:

– Провожу до самого дома. А потом сверну к парку. Понятно?

Они остановились у Чачиных ворот и стояли, словно перед отъездом в разные края.

– Давай, Кожемяка...

Чачин вильнул было за дверь, но Михалыч не торопился. Не стая волков гонится – можно и подождать. Он посмотрел на часы и тут согласился. Пора.

Чачин протянул на прощание руку:

– Я посмотрю, как ты пошел...

– Так и пойду...

Михалыч пожал руку и зашагал бодрой походкой прочь.

И тут же услышал, как хлопнули сзади воротца. Оглянулся – на крыльце никого. Оставалось лишь прыгнуть к забору, чтобы не было видно из окон. Здесь он прислушался: во дворе слышалось журчание. Потому, видно, и торопился Чачин домой, что его поджимало. Но это он мог и по дороге где-нибудь сделать.

Между тем Чачин в дом почему-то не торопился: из глубины двора слышался голос – он будто бы разговаривал с кем-то. Говорил, но ему никто не отвечал.

Потом снова послышалось:

– Алло!

Дружок говорил по телефону, хотя (точно известно) не было у него мобильного. У других были, у этого – нет. Оказывается, у него в доме телефон. Они теперь у многих стоят

после ввода в действие новой станции. Но не во дворе же у него стоит аппарат. Да и провод телефонный к дому не тянется. Его нельзя не заметить.

Чачин молчал.

– Алё, – раздалось над самым ухом. Чачин бродил по двору с сотовым телефоном. Хорош гусь... – Это Чачин... Короче, подсыпал ему, как учили... Будет спать теперь мертвым сном. Точно. Абсолютно. Еле ходит наш генерал... Ну, полковник. Я сразу понял, про кого речь. У нас один только был в деревне. Он самый и есть... Хорошо... Понял... Спасибо...

Заскрипела сенная дверь, раздался материн голос:

– Отвернет он тебе голову – вот посмотришь... Доиграешься ты с огнем. Думаешь, не слышала, как ты сейчас говорил? И телефон тебе сунули, чтоб звонить. Зачем ты связался?

– Ты не знаешь. Он всю жизнь мне испортил... С самого детства... Он – Кожемяка. Я – Алеша Попович...

– Алеша и есть!

– Он полковник, а я кто?

– Не пил ба-а! Не порол ба-а! И жизнь была ба-а! А так ты себе зарабо-о-ташь! Меня боля не проси, чтобы прятала под подол!... Сам думай теперь!..

– Отстань!

– Уйду завтра к Тамаре, а ты живи здесь, как хочешь...

Раздался громкий сигнал мобильного. Чачин откликнулся.

ся:

– Да! На улице Набережной!.. Там у них номер висит на углу, а машина стоит во дворе! Именно!

Мобильник пискнул.

– Доиграешься...

– Без тебя знаю, что мне делать и чем заниматься, училка проклятая...

Скандал набирал обороты; в любой момент из ворот мог выскочить Чачин либо его мамаша. Михалыч быстренько отошел вдоль забора вглубь улицы, огляделся. И пошел ложком в низину, потом вверх, до перекрестка, собираясь там повернуть в сторону парка, – туда, где остались и матушка, и тетка, и дом, и машина. Чачин, старый дружок, да ты ж подколотый змей. Тебя в чащобе не видно было: ты лежал под колодой и только ждал, чтоб укусить. дождался – и тяпнул...

Михалыч летел парком. Пистолет лежал в кармане с передернутым затвором. Нужно лишь снять с предохранителя – и заказывай отпевание. Навстречу ему никто не попался.

В кабинете главы светила настольная лампа – сторож, скорее всего, дремал, сидя в кресле Нелюбина. За окнами полицейского пункта стояла кромешная тьма. Может, разбудить Иванова? Но это его не касается, пусть отдыхает. А Чачин – сука, предатель...

И Кожемякин продолжил путь.

На стук в ворота открыла тетка Матрена. Она явно нерв-

ничала: никому не понравится скакать среди ночи, в то время как по округе рыщут шайки головорезов.

Михалыч обнял старушку, чмокнул в лоб. Не расстраивайся, тетенька, раньше времени. Он ляжет спать во дворе, в машине, чтоб остальным было спокойнее.

Так и договорились. Избная дверь перед ним закрылась. «Гости» могли пожаловать с минуты на минуту. Максимум – через час. Их «дятел» сделал «наколку» – значит, надо спешить.

В контейнере томила от бездействия портативная снайперская винтовка, совмещаемая с прибором ночного видения, – возможно, пристрелянная: лишние выстрелы здесь никому не нужны.

Михалыч открыл контейнер, вынул из гнезд детали оружия. Несколько движений – и винтовка собрана: ствол, приклад, затвор, магазин. Приличная получилась дубина. Во дворе она неудобна. Здесь хорош был бы «ТТ» с глушителем, а также «узи», переведенный на стрельбу одиночными, тоже с глушителем, чтоб не пугать старух.

Он вышел в огород. Темная безлунная ночь овладела округой. Солнце взойдет в пятом часу, а до этого будет долго лежать над лесом заря вполнакала. Недавно здесь стояли белые ночи. Было светло. Без луны.

На соседней улице, за двумя огородами, белела печь на пожарище, темнела баня – пожарным удалось ее отстоять.

В тонком спортивном костюме, сетке от комаров и куртке

Михалыч двинулся вдоль городьбы к своему огороду, перелез через жерди и двинулся дальше. Пожарище. Запах горелой древесины. Мать была жива. Был жив ее Тузик женского пола. Другой скотины она давно не держала.

И вдруг на полу возле бани что-то мелькнуло, а потом донеслось знакомое:

– Мяу...

– Люська? Кис, кис...

Животное сунулось мордочкой в ноги. Михалыч наклонился, погладил кошку. Непривычно твердая шерсть цеплялась за пальцы.

– Обгорела ты, Люська... Иди ко мне...

– Мяу...

В бане пахло мылом и вениками. Недавно Михалыч здесь парился. Дом тетки Матрены едва виднелся из-за малинника. Плохая позиция для обороны. А если забраться под крышу?

На стене в предбаннике висели материн халат, полотенце, фуфайка. В ногах лежала клеенка. Надо забрать весь этот скраб.

Михалыч бросил под крышу манатки, забрался, расстелил клеенку, халат. Фуфайку свернул валиком.

Кошка мяукнула снизу. Пришлось спускаться за ней и вновь подниматься. Наконец улегся.

Люська бодалась в плечо. Подумать только: у хозяйки дом сгорел, а этой ума нет... Люська сверкнула глазами и отвер-

нулась. Потом легла, свернувшись в комок и запела, впуская когти передних лап в хозяйкин халат.

Винтовка лежала поверх фуфайки. В прицеле виднелись дома, столбы, черемуха на углу. Ничто не напоминало о присутствии хоть какой-нибудь живности. Всё тихо и спокойно. Даже собаки не лают.

Шел второй час. Наступало время убийств, краж и поджогов. Человек ничего не слышит, сомлев у себя в постели. Преступный элемент помнит об этом с давних времен... Надо смотреть. И беречь глаза от усталости: собаки все равно залают, почуяв неладное.

Прошел еще час. Веки липли, и не было сил с этим бороться. Нет ничего страшнее, чем спать под шорох спичек в чужих руках. Михалыч распахивал веки, смотрел. Однако вскоре опять просыпался, пугаясь от мысли, что вновь дремал – с открытыми глазами. Дождаться бы до рассвета. Потом можно будет уйти... Никем не замеченным... Никем не...

Зуммер мобильного вывел из спячки – словно удар весла по мокрой заднице. Михалыч забыл его отключить, и теперь он гудел на всю округу. Вокруг было по-прежнему пусто. Палец нажал нужную кнопку, и тут загредел женский голос:

– Ты спишь, что ли, там?

Какая-то дура ошиблась номером, она могла испортить всю кашу. Палец отключил абонента, однако через секунду вызов повторился:

– Разинь глаза. Это вредно, когда ты в гнезде кукушки.

Михалыч дернулся, шаря глазами.

– Не верти башкой... Тебя заметно.

– Кто ты?

– Я твой напарник... Выйду к тебе по прямой от перекрестка.

За столбом среди улицы мутнела чья-то фигура. Фигура махнула рукой.

– Теперь вижу, – подтвердил Михалыч. – Но я не знаю тебя и не могу тебе верить, тетка?

– Можешь не верить, а вот надеяться просто обязан. Тебе привет от Абрамыча.

– Иди... Но не делай быстрых движений, Маруся.

– Меня зовут Надеждой.

– Наденька? Это хорошо. Иди ко мне, Надя. Если тебя не купили, будешь жить и размножаться.

– Не груби женщине, Толя...

Сердце у Михалыча трепетало. Его знали по имени, а он при этом лежал как на ладони. С помощью гранатомета наблюдательный пункт мог превратиться в щепки.

От столба отделилась фигура в брючном костюме. Скорее всего, это была одежда спецназовца. Оптика сильно приближала. Фигура казалась стоящей рядом. Перекрестье прицела упиралось ей в лоб. Если слегка нажать на спусковой крючок, то на лбу вспыхнет лазерное пятно. Женщина погрозила пальцем, и он убрал фалангу с крючка.

Она остановилась у обгоревшего тополя. Возможно, это всего лишь наводчица, корректировщик. Шаг в сторону, и пуля будет для нее не страшна за громадным сырым стволом. В нем застрянет и не такая болванка.

– Еле тебя нашла, – щебетала дама. – Неделю кручусь, и все без толку, пока случай не помог.

Она указала рукой на головни.

– Где ж ты жила?

– У местного батюшки.

– У попа?

Михалыч замер, прислушиваясь: за бугром, на соседней улице, двигался автомобиль. Электрический свет прыгал по огородам. Напарница обошла головешки пожарища и уже ухватила за край сруба. Михалыч не шевельнул пальцем. Через секунду она легла рядом, дыша Кожемякину в грудь. В руках у нее был израильский автомат.

Сеанс телефонной связи закончился. Кошка недовольно открыла глаза. Михалыч сгреб ее за шиворот и посадил у карниза.

Автомашина приближалась. Вошла в улицу и остановилась на бугре, потушив фары. Это был джип, внедорожник.

Напарница замерла. Почему-то Михалыч верил ей. Выходит, беготня по вагонам и всё остальное – мартышкин труд. На кого же тогда он в вагоне наткнулся?

– Кстати, цела ли моя косметичка? – зашептала дама, касаясь Михалыча упругим бедром. Господи, в такой момент

ее интересовала пустяковая вещь.

– Цела...

Михалыч смотрел в прицел. Господа на бугре между тем, опустив стекло, жестикулировали в салоне. Пассажир показал пальцем, и водитель в ответ кивнул. Затем стекло поднялось, оба субъекта вышли из машины, после чего квакнула сигнализация.

Они уверенно двигались к пожарищу. Остановились. Затем, лавируя меж головешек, пошли к огороду.

– Приятно? – спросил один. – Смотреть на дело рук своих?

Вероятно, он любил эту фразу и казался себе суперменом.

– Если честно, то не очень...

– Закладываешь термичку, подпираешь дверь и возвращаешься. Короче, делаешь так же, как в прошлый раз. Усек?

– Скоро здесь не останется домов...

– Не твое дело. На этот раз мы с ним покончим. Шеф будет доволен...

– Кто он? Скажешь ты, наконец-то?

– Политик – вот кто. Скоро рассвет, а нам еще надо успеть вернуться.

Распоряжался старший по возрасту. Молодому, как видно, приходилось исполнять чужие прихоти. Он ничего уже не мог поделать. Он подписался на облигацию займа, и жизнь у него после этого стала как сплошной заём. В руках он нес темную сумку с ремнями.

Его покровитель остался на месте, тыча кнопки мобильного:

– Все нормально... Стоим на месте. Молодой исправит ошибку... Я лично контролирую...

Это был не рядовой бандюган. Первым на мушку следовало брать именно его. Михалыч прицелился. Выстрел из винтовки оказался беззвучным и почти без отдачи. Бандюган упал навзничь в крапиву. У него дергались ноги. Через секунду он затих.

Фигура «брандмейстера» темнела у городьбы. Михалыч прицелился и положил поджигателя в картофельную ботву.

Михалыч узнал их. И Физик узнал бы, если б остался жив: те самые были ребята, что следили за Физиком.

У Михалыча дрожали колени.

– Что с тобой, полковник?

– Я убил человека...

– Двоих...

– Я всю жизнь собирал информацию...

– Может, заплачем? Вдвоем? Это же мафия, Толик. Наркокартель... Так что не надо кукситься.

– Откуда тебе известно?

– Оттуда...

Она лежала спокойно. На востоке, под темной полосой, моргал огнями далекий город. Вероятно, напарницу можно было обнять за плечи, талию или чуть ниже, но Михалыч воздержался. Вдруг она неправильно поймет.

Он дернулся, поднимаясь:

– Надо избавиться от трупов.

Они опустились вниз. Михалыч нагнулся к убитому, обшарил карманы. Вынул ключи зажигания. В нагрудном кармане лежал револьвер с длинным стволом. Их выпускали в Штатах по тысяче баксов за штуку.

Рискуя провалиться в подполье сквозь обгоревшие половицы, они вышли с пожарища на улицу. Михалыч подошел к машине, сел в нее и запустил двигатель. Спустившись с пригорка, остановился возле углей, открыл заднюю дверь.

Вдвоем они подошли к первому и, ухватившись за конечности, подтащили к машине, кинули в багажное отделение. Кинули – слишком громко сказано. Труп оказался невыразимо тяжел. Не дамское дело – покойников таскать, но женщина молчала. За вторым Михалыч отправился один. Взял на плечи труп и, спотыкаясь в ботве, двинулся назад. Напарница стояла возле машины.

Покойник брякнулся рядом с приятелем.

Машина дернулась и пошла, набирая скорость. Дама управляла машиной, Михалыч подсказывал, куда ехать.

Они выехали из поселка и летели теперь вдоль речной гавани. Флот находился в плавании. Следовало удалиться подальше от Затона, однако на излучине оказался земснаряд. Утопить внедорожник не удастся. Они развернулись, полетели в обратную сторону и вскоре въехали в лес.

Напарница выбралась из машины, достала из сумки уби-

того термические шашки, разложила по углам салона. Одну из них она расположила в горловине топливного бака, предварительно выставив на таймере самое короткое время. Этого хватит, чтобы скрыться в лесу. Они ничего не взяли с собой из машины, включая оружие и патроны, – всё осталось внутри салона.

Безжалостное устройство пожирало время. Вскоре донесся взрыв, потом стали вразнобой стрелять от жары патроны...

Михалыч шел напролом, пихтовые лапы хлестали в лицо. Напарница пыхтела сзади:

– Темнотища... Мы заблудились...

– За мной!

Он взял ее за руку и потащил среди зарослей. Впереди мелькнули огни среди зарослей. Наконец-то.

– Поднажми... Иначе мы не успеем...

– Куда? Куда мы должны успеть?

– Не отставай.

Михалыч прибавил ходу: с неба упали первые капли дождя. Вот и поселок. Достигнув пожарища, они пробрались огородам во двор, встали возле машины.

Напарница перевела дух:

– Кажется, темноту можно даже потрогать.

– Слава богу... Следы будут смыты.

– Наконец я нашла тебя.

– Хочешь под дождь?

– Обойдусь...

– Сейчас ливанёт. Садись в машину... – Михалыч потянул с себя одежду. – Я мигом – туда и обратно.

Открыв огородную дверь, он отправился в баню. Всё уйдёт в землю... Всё, кроме измятой ботвы.

Баня у матери с теткой была одна на двоих. Михалыч сушил одежду в печь, плеснул керосином из фляжки и поджег. Пусть горит. У напарницы одежда чистая – она бралась руками лишь за конечности трупов. И то в перчатках...

Дождавшись, когда сгорит одежда, Михалыч пошел назад. Дождь хлестал как из ведра. Михалыч подставил лицо небу и наслаждался, умывая при этом руки. Всё уйдет в землю, кроме памяти.

Глава 14

Безгодов опять мотался по кабинету и орал во всю глотку. Не может такого быть, чтобы в одном месте пукнули, а в другом просто так отдалось! Стучит где-то сволочь! И на кого! На субъекта федерации! Где Европа с Англией умещаются!

В кабинете сидели дорогие сердцу «скоморохи» – этим словом их недавно окрестил Рябоконь. Однако было не до смеха. Система в одночасье грозила рухнуть. Взять хотя бы газетные сообщения. Написали чуть не во всех газетах: «К губернаторской теще повадился леший. Выйдет из кедрача, банки ржавые соберёт и губернатору тащит – в огород. Это он намеки дает, чтоб не пакостили. Очень может быть, что кто-то из «зеленых» шибанулся на почве охраны природы и теперь не может остановиться – в лес двинул...»

И всё в том же духе. Когда такое бывало, чтобы о первых лицах писали подобные гадости?! Никогда! Даже «Плесень» отметилась! Писала бы себе о тусовках молодежных и тихо радовалась... Остальные тоже не лучше, включая «Предместье». Эти господа поместили аналитическую записку. Один ученый из Академгородка, профессор на закате лет, пришел неожиданно к выводу, что особи, наподобие леших, русалок, водяных и прочей живности, в лесах водились всегда – в них надо только верить, и они явятся...

Вот гад! Дачу после этого хоть продавай: в деревню наряжается отряд студентов-экологов – для изучения феномена и, если потребуется, для очистки прилегающей территории. А раз так, то надо «зеленых» опередить, послать туда бригаду каких-нибудь дураков. Бродяг, например, из приемника. Пусть приберутся до приезда студентов, дабы те, не мешкая, убрались восвояси. На долгое время ученых людей не хватит: комар да мошка не располагают к философии...

Рябокось скалил лошадиные зубы:

– Звони менту. У него на даче бродяги пашут...

– Устроился...

Безгодов ухватился за телефонную трубку.

– Алло! Давай-ка своих бродяг – и в Дубровку. Пусть в лесу приберутся, за огородами...

Тюменцев бубнил в трубу, типа, их же, бродяг, в приемнике проверяют, могут разбежаться. Попадаются и убийцы, рецидивисты. Скрываются от правосудия...

– Мне самому туда ехать, что ли?! Отправляйся! Чтобы сегодня до стеклышка вдоль заборов... Пару автобусов тебе Рябокось подгонит – на Опытное поле, к приемнику. И термоса с пищей – кормить чем-то надо прощелыг...

Рябокось больше не улыбался. С какого он должен кормить бродяг? И где он возьмет автобусы – у него же не автопарк?!

– А ты бы как хотел! Найми, но транспорт предоставь! Каждый должен лить воду на общее колесо. Давай, шеве-

лись!

Рябоконь вынул телефон из кармана.

– Можешь моим воспользоваться, – двинул к нему настольный аппарат Безгодов, но Рябоконь отвернулся.

– Выручай, Капитоныч. Потом рассчитаемся, брат. – Он покосился желтым глазом в сторону губернатора. – Тут у нас засвербело у одного – транспорт срочно нужен... Да... Пару автобусов... Сними с линии – и на Опытное поле, к бродяжьемю приемнику. В распоряжение начальника УВД. Не то у нас случится непредвиденное – в штаны наделают... Попутно пусть заедут к Смаковскому – жратвы пусть возьмут человек на сто... Скажи, я велел...

Политик продолжил рассуждение:

– Таким образом, бродяги опередают студентов, делать там будет нечего. Не станут же они, в самом деле, рыскать по лесу в поисках гуманоида...

Рябоконь сморщил харю:

– Не верю я этим бродягам. Они тяжелее хрена не поднимают...

Мальковский хохотнул:

– Дубинкой отходят – сразу поднимешь.

– Кто? Я?!

Губернатор поднял ладонь, словно первоклассник за первой партой:

– Тихо, братцы. Меня вот еще что беспокоит... Меня интересует «Предместье». Кто у нас там сейчас? Серебров?

– Он самый. Из ФСБ, – подтвердил Рябоконь. – Газету себе состряпал... А ведь ему нельзя совмещать работу со службой. Вот вам и способ устранения – тяпнуть, куда надо, пусть там разбираются... Нацепили звездочки, газеты печатают... Подождите, он еще воспользуется своим рупором, когда выборы подоспеют...

– Ты это правильно заметил, молодец, – глаза у губернатора озарились теплым светом. – Мы ему сделаем козью морду. Сегодня же пошлем сообщение.

Он надавил на клавишу, и в динамике прозвучал голос:

– Слушаю, Евгений Васильевич...

– Зайди ко мне срочно, Николай Карлович.

Через минуту этот товарищ уже стоял в кабинете.

Губернатор запел елейным голосом:

– Дай сообщение, Николай Карлович, по инстанции. О нарушении служебных обязанностей заместителем начальника ФСБ Серебровым.

– Какие нарушения?

– Он не имеет права работать в других организациях. Он обязан служить отечеству. Вместо этого он затесался в ряды журналистов. Газету, кажись, завел.

– Совершенно верно. Есть такой факт.

– Вот ты и озвучь через средства массовой информации. Пусть о нем знают, какой он страж правопорядка и безопасности государства. И сообщи туда...

Губернатор ткнул пальцем вверх.

– Может, пока не стоит, – усомнился Смаковский. – Все-таки КГБ и так далее...

– Делай, как я сказал! – повысил голос губернатор. – КГБ давно ушел. Сейчас у нас демократия. Пусть отправляется на пенсию и пишет свои мемуары...

– Хорошо...

Исполнительный Николай Карлович кивнул плешивой головой и покинул кабинет, тщательно прикрыв за собой дверь.

А губернатор продолжил:

– Короче, на очистных теперь наш человек...

– В доску, – прибавил Рябоконт. Однако Политик пропустил его шпильку мимо ушей.

– Соответственно, Северный теперь тоже наш. От деревни там не так далеко... Надо бы нам теперь определиться, сколько надо платить тому мужику. Проблем не будет. Он уже в деле...

– Заправляющим на конферме! – Рябоконт заржал, что даже Безгодков не выдержал и расплылся в улыбке:

– Главное в нашем деле – чувствовать меру и вовремя спрятать рожки.

– Куда вас несет, скоморохи пещерные! Там же тотальный контроль! Запретная зона!

Безгодков шевельнул ушами:

– Зачем я только с тобой связался...

Рябоконт опустил книзу белые ресницы.

– Сомневаюсь я...

– Ты у нас – здоровая оппозиция. Дух пессимистический. Без тебя – точно нам будет крышка. Что еще хочет брат? Может, тебя не устраивает доля в Швейцарском банке?

Брат. Сват... Рябоконь прижал уши. Пусть думают, что он глуп как пивная пробка, хотя он кожей чувствует обстановку. Ощущение, будто забрался в кассу, схватил по неопытности денежную «куклу», обработанную специальным веществом, потом этой же ладонью утер потное лицо. Кто ты после этого, если рожа вся в родамине, красная, как у дурака на ярмарке! Клоун и есть! И, главное, чем больше моешь, тем ярче краска на лице с каждым днем. Сидел бы себе на овощной базе и не кудахтал до времени. Ведь лучше в деревне быть первым, чем в городе вторым. Остаётся ждать, когда одна гнида сожрет другую.

Почти одновременно зазвонили два телефона – у губернатора на столе и у банкира в кармане. Они принялись одновременно говорить, задавая вопросы. Потом уставились друг на друга: информация ударила внезапно, как обухом по голове. Остальные напряженно ждали.

Безгодов оглянулся к окну, шевельнул ушами:

– У дороги нашли... Внутри одни головешки. Вторично ускользнул, гаденыш, и двоих с собой прихватил. Может, он объявил нам войну?

Мальковский тарашил глаза:

– Он же мент! Какое он имеет право!

– А ты поймай его, предъяви обвинение...

– У нас же там люди! Ты ж говорил!

– Молчать! – Безгодов вскочил. Минутная слабость прошла. – Развели сопли... Это от неожиданности у мента. Мобилизуем группу, соберем ребят и сравняем деревню с землей. Кто против? Воздержавшиеся? Голосование окончено...

О голосовании никто и не помышлял. Это была лишь причуда должностного лица. Губернатор встал у окна и смотрел в сторону заречья. Судьба невзначай пригнала его в эти края. Он никогда не мечтал быть фармацевтом. Просто на эту специальность парней брали чуть ли не без экзаменов, и он поступил в институт. Отучившись в Харькове пять лет, он оказался здесь, расценив распределение как кару господню. Вскоре, однако, престарелый директор запросился на пенсию, и сменного мастера назначили сразу директором. Почему нет?! Молодой коммунист подает надежды. Надо растить юные дарования на смену старикам. Ему и в обкоме со временем место найдется...

Все бы ничего, да грянула перестройка, и вскоре директор понял, что лично для него не так уж все плохо – надо ушами лишь вовремя шевелить. Это ничего, что ликвидировали Госплан, рухнули экономические связи. Главное в том, что руки теперь не связаны, что каждый – сам себе хозяин. Плыви, если не утонешь. Знали бы они, усадившие в кресло губернатора бывшего фармацевта, каким трудом ему до-

стался успех! Скупив акции приватизированного предприятия – где угрозой и силой, где за бутылку водки, – теперь он один правит на предприятии, и одиночество ему не скучно. Он вышел на новый уровень.

– И все-таки, ребята, кто-то стучит из обкома, – очнулся Политик. – Откуда знать Сереброву и этой «Плесени», что ко мне в огород залез леший? Я никому не говорил об этом случае.

– Там же теща, Васильич, – напомнил Мальковский. – Что известно женщине – известно всему свету. Ничего страшного... Подметут в тайге – может, перестанет писать.

В углу кабинета молчал в кресле Рапп. Разговор словно не касался его. Случай с сыном выбил его из наезженной колеи.

– А ты что сидишь, как свидетель? Кстати, как здоровье сына?

– Хорошо? Скоро выпишут?

– Ну а так-то он ничего? – назойливо спрашивал Безгдов. – Я имею в виду нижнюю часть. Поправился? Пришили?.. Или сшили... Значит, просто зашили, и всё? Ну, пусть поправляется.

Глава 15

Михалыч с напарницей лежали в машине. Вода лилась с неба вперемешку с электричеством, гремело, содрогаясь, пространство и кололось на части.

– Кем ты была раньше?

– Гимнасткой...

Ее путь в Учреждение оказался иным. Вначале она разочаровалась в профессии. Как видно, у нее были на то причины. Возможно, ее или кого-то из близких крепко обидели, после чего гимнастка решила, что ее место в МВД. Михалыч не расспрашивал о мотивах поступления на службу. Они просто лежали. Затем она провела ему ладонью по голове.

– Давно ты один?

– Да...

– Можно, я тебя поцелую?

Они обнялись.

– Жарко... Разденусь...

Она освободилась от брюк, а через секунду уже оседлала Михалыча сверху. Темнота не давала возможности разглядеть ее. Приходилось доверяться рукам. На ощупь она была стройной и молодой. Еще через секунду Михалыч вошел в нее без каких-либо прелюдий. Она кокетливо всхлипнула и принялась работать наверху, задевая головой обшивку сало-

на.

– Я счастлива, что обрела тебя... Наконец-то... Какой ты большой! Ты достаешь меня всю изнутри!

Ага, счастлива... Михалыч молчал. Как-то не выработал привычки во время секса молоть языком.

– Толик, не молчи! Говори! Тебе хорошо?!

– Что за вопрос! Естественно.

Тело у нее извивалось, словно пружина.

– Мне тоже с тобой хорошо. Между прочим, пока не забыла, тебе известны каналы поступления наркотиков?

Вот оно! То самое, о чем говорят инструкции. Держи язык, Федя...

– Говорят, губернатор к этому причастен... Вместе с окружением... Мальковский, Смаковский, Рапп и Рябоконь... Ты ничего не слышал о них?

– Я же в отпуске.

– Ну и хорошо... Отдыхай, любимый...

Голос у нее сорвался на крик:

– Да! Да! Да!

Своими воплями она могла разбудить старух.

Они сменили позу. Напарница продолжала блажить:

– Ой! Не могу! Сейчас я скончаюсь!

Всё завершилось. Они оставили друг друга в покое. Напарница между тем бормотала о том же – у нее чешутся руки, надо разгрести здесь это гнездо.

Кожемякин молчал, копаясь в уме. Что-то уж больно дол-

го прохлаждалась на стороне физкультурница, поэтому надо притормозить. Именно так. Нельзя допустить, чтобы из тебя сделали клоуна. Лучший способ при этом – всхрапнуть...

Михалыч повернулся набок и вскоре услышал свой собственный храп...

И вот они проснулись на радость старухам: те просто изнурили себя ожиданием.

– Кто ты по званию? – спросил Михалыч.

– Подполковник...

Солнце давно смотрело во двор. Вода ушла в землю. Трава, пришибленная дождем, распрямлялась. Напарница оказалась старше, чем выглядела наощупь.

Они выбрались из машины и, разминая суставы, направились умыться в летний домик. Это была небольшая пристройка в конце двора, где раньше помещался курятник.

Напарница, вынув щетку из походной сумки, принялась чистить зубы. Косметичку она положила рядом.

Михалыч сел на скамейку и ждал объяснений: его интересовал убитый в поезде напарник.

Щетка застряла у нее во рту:

– Разве ты не связался с учреждением? Тебе не объяснили?

– Там знают столько же. Кроме того, у них нет оснований верить мне.

– Вот оно что...

Щетка вновь ожила. Возможно, глаза у напарницы бегали в поисках ответа.

– Что случилось в вагоне?

Вместо ответа – опять молчок. Затылок напарницы вздрагивал в такт движениям руки. Она пробурчала что-то нечленораздельное и кивнула головой. Михалычу дали понять, чтобы не донимал. Нужно лишь подождать.

Закончив с зубами, она ополоснула во рту, умыла лицо, тщательно промокнула его полотенцем, а затем приступила к косметичке. Лицо у нее еще оставалось влажным, но ей уже не терпелось положить первый мазок. А может, это был еще один повод оттянуть время. Так она никогда не соберется с мыслями и не ответит.

Настаивать на объяснении не было смысла: нарушены принципы. Это, в конце концов, не кокетство. Это безалаберность, грозящая пулей в затылок. Нужно самому умыться, и Михалыч приготовил щетку.

Напарница продолжала молчать, глядя в зеркальце косметички – большого зеркала на стене ей было вроде как недостаточно. Вполоборота, взглянув в ее сторону, Михалыч заметил в зеркале её пристальный взгляд. Она следила за ним, не желая отвечать. Но её никто больше не станет беспокоить. Она уже думает, что мечты у нее сбылись: она села полковнику на хвост и будет тащиться за ним – как напарница, как любовница... Ее не волнует, что это, допустим, не входит в чужие планы, что кому-то на самом деле нужна свобода, что

кто-то обожает это пьянящее чувство.

— Торопись... — велел Кожемякин. — Скоро здесь будут гости.

— Но мы приняли меры! После дождя здесь нечего делать!

— Здесь много ушей и глаз...

Она закрыла косметичку и обернулась. О боже! У бедняжки совершенно отсутствует чувство меры: она словно готовилась выйти на арену. Вот когда проявилась цирковая школа.

Михалыч открыл ворота, завел машину и тут же выехал. Старухи метались по двору со скорбными лицами. Тетка Матрена тряслась:

— Кушать разве не будете? Вчера весь вечер и сегодня опять...

Михалыч молчал. Отворил перед напарницей дверь и, когда та села, захлопнул за ней, обернулся к тетке Матрене и выразительно моргнул обоими глазами. Времени на разговоры не оставалось.

Они тронулись в сторону города, разгоняя колесами лужи. В первом же логу на обочине Михалыч заметил полицейский микроавтобус. Еще две автомашины стояли в глубине леса. Народ толпился у сгоревшего внедорожника. Проезжей автомашиной никто не интересовался. Дорога была свободной.

Добравшись до города, Михалыч направились к центральной гостинице. Наверняка там были свободные номера.

Проводив напарницу до вестибюля, Михалыч остановил-

ся:

– Жди здесь.

– Я хотела тебе рассказать!

– Потом...

– Но как же!

Она оцетинилась, словно кошка, сдвинутая с насиженного места. Ей это не нравилось. Она ничего не понимала.

– Будь на связи. Ты скоро понадобишься...

Оставив ее в гостинице, Михалыч спустился вдоль трамвайных путей по Миллионной, повернул налево и остановился около гостиницы речного порта. Зашел внутрь: за столиком сидела старая знакомая. Она спасла Кожемякину жизнь и, кажется, готова была это сделать вновь. Она улыбалась.

– Привет, – сказал Михалыч. – Заждались?

– Да нет. – У нее был низкий голос. – Клиент может не ночевать в номере, лишь бы платил.

– Сколько с меня?

– Полторы. Включая предоплату.

Михалыч протянул деньги:

– Мне бы принять душ.

– Это можно... Количество воды в накопителе ограничено, так что не увлекайтесь...

Еще через час, едва высохнув, Михалыч летел назад в поселок. Время поджимало. Оно могло сыграть против него. По пути он обогнал два автобуса в сопровождении полицейских «уазиков».

У последнего лога на этот раз оказалось пусто: место происшествия осмотрено, протокол подписан, трупы отправлены в морг. Лишь копченый внедорожник стоял на том же месте, опираясь на обгоревшие диски колес.

Михалыч проехал, не останавливаясь, и затормозил около здания администрации.

В полицейском пункте были все, кто мог командовать, раздавать распоряжения, а так же те, кто эти распоряжения мог исполнять. Михалыча они не интересовали, ему нужен был Иванов. Вместо оперативника за столом оказался Тюменцев. Иванов стоял у окна. Все места вокруг длинного стола были заняты.

Михалыч прикрыл дверь, спустился вниз, сел в машину и принялся ждать. Есть не хотелось, перед глазами стояли вчерашние покойники.

Наконец из подъезда вышли гурьбой сразу несколько человек во главе с Тюменцевым.

Два автобуса, набитых разнокалиберным людом, подъехали к зданию и остановились. Из машины сопровождения вышел полицейский, доложил Тюменцеву, и вскоре вереница из пяти машин, включая автобусы, медленно тронулась и, растянувшись, скрылась из вида. Можно идти к Иванову.

В кабинете на этот раз оказался лишь Иванов. Он поздоровался за руку, предложил стул:

– Два трупа, горелый джип... Как мы будем раскрывать этого «глухаря» – ума не приложу.

– У тебя есть карта района?

Иванов нагнулся к нижнему отделению сейфа и вынул оттуда сложенный вчетверо широкий бумажный лист, развернул его на столе.

– Вот... Что тут интересного? Нагорная Дубровка, Матросовка, Губино, Нелюбино, Пушкарёво, Горбуново, Ильинка... Половинка... Орловка...

– А город?

– Вот... Краешек выглядывает...

– Теперь слушай. Видишь этот ручей? Это выход из зоны, канал. Теперь добавим к каналу Политика с командой, а также их претензии к полковнику Кожемякину... – он ткнул себя в грудь ладонью. – И получим узел интересов на водном русле. Господин Безгодков как политик не вечен. Рано или поздно его скovyрнут с насиженного места. Поэтому так усиленно он думает о собственном бизнесе. Этот бизнес криминален. Об этом знают все, но говорят немногие, потому что задавлены и боятся...

– Так...

– Согласно записке Физика, которую я обнаружил, ныряя в Дубровской протоке, Политик собирался его использовать, думаю, на водном пути, через канал. Там ходит маневровый теплоход «Коршун». Одному боженьке известно, как его досматривают при проходе через ворота.

– Я об этом не думал.

– Политик – это фармацевт. Он живет, чтобы изо дня в

день совершать свой бизнес. Он давно мог купить или построить для себя дом в городе, однако до сих пор держится за дачу в Дубровке. Спрашивается, для чего ему особняк в дыре? Полагаю, особняк – это вершина айсберга...

– Он собирался строить водопровод, вырыл траншею, а потом вроде как отступился. Опять всё зарыл вместе с плитами... Теперь там картошка, кажись, растет... А по низине, за изгородью, бурьян один – он там планировал насос поставить.

Сообщение оперативника удивило.

– Насос, говоришь?

– Чтобы круглый год была вода. Траншею подвел к кособору, через огород... Оттуда самосвалы возили грунт... Потом всё завалили, разровняли, чернозем сверху подсыпали. Я рядом не стоял, конечно, но это было. Мне, говорит, надо, чтобы ни от кого не зависеть.

Они замолчали, переваривая информацию.

Михалыч свернул карту и возвратил хозяину.

– Что будем делать? – спросил Иванов.

– Нужен катер и пара надежных людей.

Иванов улыбнулся:

– Иосиф... Благодаря ему я сижу здесь. Пуля браконьера прошла мимо, – он махнул ладонью около уха. – У него удостоверение внештатного опера.

– А лодка?

– Катер наш, рулевой – Иосиф. У него допуск к маломер-

ному флоту.

Иванов взял листок, написал номер телефона и протянул Кожемякину. Затем поднял трубку, набрал номер.

– Николай? Это я. Чем занимаешься? Ничем? Тогда приходи в контору. Ключи от катера не забудь, – и положил трубку, усмехнувшись: – Заодно проверим, чем там бродяги в лесу занимаются. Тюменцев сам возглавил экспедицию. Дикое племя бросили на охрану природы.

Вскоре в кабинет влетел Иосиф со связкой ключей в руках.

– Предупреждаю заранее: бензин – ёк! А без бензина мотор почему-то не работает. В баке осталось чуть-чуть.

– Выкати бочку и заправь оба бака. Только в гараже не занимайся. Разольешь – дышать потом нечем будет...

– Понял. Всё понял, товарищ майор.

– Капитан...

– Скоро присвоят. Нутром чую.

Иванов сплюнул, зачем-то вынул из кобуры пистолет, осмотрел и вновь отправил на место...

Просторная лодка, именуемая катером, отошла от берега, развернулась, урча в воде выхлопной трубой, и помчалась протокой. А вскоре из-за мыса показалась глиняная гора с церковью наверху. Все выходило, как и предполагалось: водный путь был намного короче. При этом на реке никто не встретился – здесь была лишь водная гладь, тальниковые за-

росли да темные ели вдоль берега.

Снизив скорость, катер вошел в ручей и уперся в берег. Ручей оказался просторным – его углубили и расширили. Широкое русло позволяло войти теперь теплоходу. Суда не оставляют следов на воде, кроме разве что берегов. Так оно и есть: в конце канала, где впадал в него сам ручей, отпечатался в синей глине чей-то нос. На берегу из земли торчала теперь петля массивного троса – место для швартовки. Над ручьем, вероятно, трудились с помощью земснаряда.

Над косогором, едва слышный, раздался полицейский свисток. Иванов усмехнулся:

– Чистка леса после грозы. Леший сделал свое дело – и может спать спокойно. Все-таки добился, чего хотел...

– Кто такой? – спросил Иосиф.

– Леший, говорю... Заявление написал на имя губернатора, и тот распорядился. «Надо, говорит, уважать мнения лесных жителей».

Оставив Иосифа в катере, Михалыч с Ивановым направились в лощину. Осталось подняться на косогор, и ты в деревне.

– Пиломатериал тогда отсюда свистнули – всех на ноги подняли, – вспоминал Иванов.

Михалыч в недоумении остановился. В том месте, где желтела хвоей крутая тропинка, теперь лежали бетонные ступени – с перилами из металлических труб. Они повторя-

ли изгибы местности и обходили препятствия. Выходит, бетон положили в жидком виде, в опалубку.

Иванов поражался не меньше Михалыча:

– Когда успевают только...

Ступенями они поднялись вверх и здесь остановились. Вместо забора теперь здесь была бетонная стена и стальная дверь, окрашенные темно-зеленой краской с седыми разводами. В прошлый раз на этом месте находилась лишь впадина, заросшая крапивой и лопухами. Здесь лежали обомшелые кирпичи, ржавые банки. Теперь здесь была стена с глухой дверью – на ней не было даже намека на замочную скважину. Зато вверху, на столбе, маячил объектив видеокамеры.

– Устроились...

Иванов в упор рассматривал камеру. Отныне губернаторской теще ничто не грозило.

Дверь открывалась внутрь, так что ее невозможно было снаружи подпереть. И если была видеокамера, значит, была и охрана – она явно вела наблюдение. И если бы не чистка леса от мусора, гостям пришлось бы оправдываться.

Они двинулись вдоль забора. Обойдя деревню, вышли на улицу. Здесь была все та же пустыньность, даже собаки не тявкали – они приезжали сюда вместе с хозяевами. Получалось, что бродяги были еще в пути, и в свисток свистел кто-то другой.

Вернулись к Городищу, остановился у косогора. Внизу

подковой лежала в солнечных бликах река. От противоположного берега уходила к горизонту низина, покрытая лесом, — ни полянки, ни ручейка... Лишь у берега лежала проплешина луга, местами заросшая кустарником.

Позади скрипнули тормоза: два автобуса высаживали пестрый народ. По сторонам располагались работники полиции. Тут же бегала овчарка без намордника. Бродяги шаркались от нее.

Иванов скривил губы:

— Надо и мне отметить...

Он подошел к толпе. Людей построили в шеренгу по четыре человека и принялись инструктировать. Тюменцев стоял в стороне как вкопанный и смотрел сквозь людей. Казалось, его ничто не интересует, кроме собственных видений. Но вот он вспомнил о себе, кто он есть, подошел ближе.

— Смирно! Товарищ подполковник...

— Вольно, — махнул тот рукой. — Прошу всех отнестись к порученному делу со всей серьезностью... К вечеру прилегающая территория должна быть очищена от мусора. Должен подойти самосвал.

Бродяги гурьбой двинулись к лесу, щурясь на окружающий мир. Полиция рассредоточилась по бокам. Иванов вернулся к косогору, завел разговор. Молодец, Леший... Хоть приберутся вокруг деревни. И рассмеялся. Но Михалыч его охладил:

— Садоводы — те еще деятели. За них здесь никто не обязан

прибираться.

– И то верно...

Не сговариваясь, они ступили под гору, и вскоре уже стояли у катера. Иосиф сидел на корме, читая обрывок газеты.

– Вот, пишут. – Он приподнялся. – Президент к нам собирается. У нас, говорят, коммунальный опыт... Не пишут вот только, когда он приедет...

Катер вновь заурчал. Вышел кормой в реку, развернулся и пошел вверх по течению, подняв от натуги нос.

На дорогу ушло не так много времени. Вскоре показался новый мост, еще не законченный строительством, затем пристань по левому берегу и странный овраг со шлюзовыми воротами.

– Видали?! – крикнул Михалыч. – «Коршун» свободно туда заходит! А теперь прикиньте ворота и лестницу, которые Безгодов построил... Он внушил себе, что никто не заметит. Он считает, что никто не имеет права догадываться о цели строительства. Шеф области всего лишь обустривает местность...

На новом мосту, как видно, полным ходом шли завершающие работы: электрики, стоя на монтажных вышках, навешивали лампы уличного освещения. Вдоль дороги красили бордюры.

Электрическое освещение, покраска дорожной полосы – всё говорило лишь об одном: у начальства не было времени на раскачку, потому что по мосту в скором времени проедет

кто-то и, может быть, даже на нем остановится. Кто-то очень важный, далекий от здешних мест. Он еще не видел новое сооружение, иначе для чего наводить на нем марафет. Здесь проедет тот, от кого зависит благополучие местной элиты.

Катер уперся носом в песок. Кожемякин с Ивановым выбрались на берег, поднялись кверху. Из желтой будки тут же вышел человек средних лет и остановил их, представившись прорабом, – проход закрыт, только по особым пропускам...

Делать нечего, пришлось разворачивать оглобли и шагать в обратном направлении. Сели в катер, завели мотор – и под мост. Наверху ходить нельзя, зато под мостом ходи хоть вдоль и поперек.

Они здесь причалили к берегу и вышли, помочились в песок за береговой опорой – здесь не было охраны. Затем вернулись к катеру и вскоре были уже в поселке. Михалыч перед этим молчал, а тут оживился:

– Заметили, как они охраняют мост? Перед началом мероприятия, возможно, мост снизу проверят. Однако это ничего не даст, если учесть, что теперь пошла другая мода.

– Какая? – спросил Иосиф.

– Таскать всё на себе, как у бродяг.

– И вместе с этим на воздух... Понятненько...

– Выходит, что завтра, после обеда...

Иванова, как видно, досаждали сомнения. Михалыч было собрался развеять их, но тут пропищал мобильник.

– Да, – ответил Михалыч. – Вы ошиблись номером...

Звонила напарница, Надежда. Ее мучили еще большие сомнения.

Глава 16

...Всё у Безгодова налепилось одно к одному: построил, отладил, завез. Осталось нажать на педаль – и тут как обухом по голове. Уже завтра, с утра, надо быть в седле, встречать Первого в аэропорту. С грехом пополам тещу уговорили зарыть кобеля в овраге за огородами, потому что не по-людски это – скотина лежала в мешке, намазанная какой-то дрянью. Ты ее хоть чем смажь, все равно испортится.

Старуха присмирела и даже пить перестала. Брошу, говорит, займусь молитвами... Пешком отправлюсь в Лавру, а в особняке вашем пусть охрана живет... Её и кормите...

За истекшие сутки губернатор побывал во всех местах, где, по его мнению, должен остановиться президент. И вот оно уже настало, утро. Безгодов не успел проглотить завтрак, как вошел и доложил о своем прибытии личный водитель.

– А позвонить нельзя было? Из машины? – выговорил подчиненному Безгодов.

Однако тот (откуда смелость взялась!) громко произнес: – Так велено! Войти и доложить! Может, меня в заложники взяли!

Проговорил, развернулся и вышел, словно солдат, исполнивший долг. Ну да ничего. Первые приезжают и отъезжают, а губернаторы остаются.

На обратном пути губернаторский водитель, проходя мимо будки с сержантом, сначала подмигнул тому, после чего громко и беззастенчиво испортил воздух, вызвав у охранника безудержный смех.

...Михалыч сидел в катере, среди реки, недалеко от поселка. В борт лениво хлестала волна. Мотор заглох и не хотел заводиться. Течение уносило судно все дальше от города.

Иосиф разбирал систему зажигания. Вид разобранного магнето навевал на Михалыча грусть. До берега совсем близко – можно без труда доплыть. Затем прибежать в поселок, выгнать машину – и галопом в город. Но требовался именно катер.

Катер вскоре прибило к берегу. Иосиф продолжал свое дело. У него даже усы перестали шевелиться, безвольно обвиснув. Под конец он собрал систему, дернул шнур, и двигатель моментально запустился. Под кормой, размывая песок, вскипела вода. Лодка задрала нос и пошла в сторону города.

– Контакты отсырели! – крикнул Иосиф.

Иванов кивнул, глядя в бегущую воду. Настроения, естественно, у него не было никакого. Он сомневался. Он боялся. Он не верил в доводы Кожемякина. Но Михалыч под конец его уломал. Они взяли с собой лишь винтовку с патронами и больше ничего.

Опер продолжал горбатиться и не хотел разговаривать. Михалыч, как видно, надоел ему окончательно. Пусть сомневается. Когда приедет, поймет.

Катер вошел в русло Томи и двинулся вверх, к городу. Слева, над берегом, торчали громадные трубы Северного. Впереди темнел в дымке новый мост. Перед ним, будто смытый с верховьев, расположился кусок суши – каменистая коса, поросшая кустарником и травой.

– К косе! – велел Михалыч Иосифу.

Лодка осторожно коснулась камней.

Взяв с собой завернутую в мешковину винтовку, Михалыч вышел на берег. Иванов шагнул следом. Они влезли в середину зарослей. Вблизи они оказались довольно высокими и надежно скрывали от постороннего взгляда. Михалыч залег, постелив на траву мешковину. Иванов сидел на обломке доски и молчал.

– Мост видишь?

Иванов удивился вопросу. Мост нависал впереди над рекой. До него оставалось метров триста.

– А ты сомневался, не доверял, потому что боялся попасть в щекотливое положение. Мы внизу, а он наверху, за бетоном.

Иванов кашлянул, повел глазами по сторонам.

– Теперь ты видишь, что отсюда ему ничто не грозит?

– Согласен...

– Посидим, подстрахуем...

– Действительно.

Иванов сполз с доски, прилег в траву, сорвал сочную травинку и теребил в зубах. С косы видно только людей на пе-

шеходной дорожке, по краю, в то время как нижняя часть моста вся как на ладони. Солнышко светит, приближаясь к десяти часам. Под мостом тень густеет, плотнеет, но всё же видно: там ни одного полицейского. Они рассредоточились исключительно поверху. Работники ФСБ из всех сил изображают праздношатающихся.

– С меня ящик шампанского, – бормотал Михалыч. – За испуг...

Они условились, что наблюдать будут по очереди. Теперь Иванов смотрел в прицел.

– Смотри по берегам, под мостом.

– Да понял я...

– Устанешь – сменю...

Но Иванов долго не уставал. Потом отложил винтовку и повернулся к Михалычу: из глаз текли слезы.

– Что я говорил! Усталость ведет к снижению зоркости.

Далее наблюдение велось частями. На мосту было спокойно, и затея с наблюдением начинала надоедать. Первый мог отменить свой визит к мосту.

Иванов оживился:

– Ночевал он там, что ли?! Взгляни-ка, Михалыч!

Он положил винтовку, откатился в сторону. Михалыч прильнул к окуляру: в тени моста стоял бородатый мужик в черной одежде. На песке в беспорядке лежали короткие доски. Вероятно, они служили перекрытием над ямой. Это был схрон, лежище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.